

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

730

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ
И ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
МЫСЛИ

Труды по философии

TARTU 1986

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 730 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ
И ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
МЫСЛИ

Труды по философии

ТАРТУ 1986

Редакционная коллегия

Я.К. Ребане, Р.Н. Блум, Л.Н. Столович (ответственный редактор), Э.Н. Лооне, Ю.Й. Матьюс, В.В. Зибен.

ТИПОЛОГИЯ ТЕОРИЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И ТИПЫ СОЦИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Л. Н. Столович

Проблема типологии теорий общественных изменений имеет большое значение для понимания закономерностей развития социологии. Ведь основной вид общественных изменений — социальные революции, которые, по выражению основоположника марксизма, являются "локомотивами истории". Исследование теорий революционных преобразований важно не только в историческом плане. Оно дает возможность раскрыть основные типы самого социального мышления, существующие в настоящем и прогнозируемые в будущем. Эта возможность выявлена в трудах профессора кафедры философии Тартуского государственного университета Р. Н. Блюма, создавшего оригинальную концепцию, опирающуюся на тщательное изучение истории революционной мысли, на философское осмысление с марксистско-ленинских позиций как самих общественных явлений, прежде всего революционных процессов, так и преломления их в человеческом сознании, в поведении человеческой личности.¹

В настоящей статье мы хотели бы показать разработку этой концепции, пути движения к ней, что, как нам представляется, небезынтересно с точки зрения методологии научного познания и психологии научного творчества, а также понимания перспектив дальнейшей разработки этой концепции.

Р. Н. Блум еще в студенческие годы на философском факультете Ленинградского университета заинтересовался теорией революции. И уже став преподавателем Тартуского государственного университета, он продолжил исследование этой теории, но на конкретном материале революционных преобразований, развернувшихся после Второй мировой войны в Венгрии, где социально-политические процессы рассматривались им как модель перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

С конца 50-х годов и до конца 60-х внимание исследователя направлено на разработку философско-социологического категориального аппарата марксистской теории революции. Был проведен детальный анализ соотношения основного и главного противоречий в общественном развитии вообще и в процессах революционных преобразований в особенности.

¹ См. литературу в настоящей статье.

Предложено новое решение дискуссионного вопроса об объективности революционной ситуации, изучалось соотношение реформы и революции. Была подробно исследована категория "отчуждение" и ее значение для понимания процессов радикальных социальных изменений. В 1970 г. в сборнике "Исторический материализм" на эстонском языке была опубликована обширная статья Р.Н. Блума "Проблема отчуждения в марксизме", которая явилась первым в советской философской литературе целостным изложением этой проблемы. Одним из первых в нашей литературе было изложение важнейших положений марксистско-ленинской теории социальной революции в книге "Теория социальной революции" (на эстонском языке; Таллины, 1969).

С конца 60-х и в течение 70-80-х годов основным научным интересом Р.Н. Блума стало изучение истории революционной теории, а затем и шире - теории социального изменения вообще. В статьях о М.А. Бакунине, П.А. Кропоткине, об анархосиндикализме был проведен основательный анализ анархистских теорий революции. Ряд теоретических очерков был посвящен русской революционной мысли (статьи о Герцене, Лаврове, Ткачеве, Писареве, о дореформенной и послереформенной революционной мысли, о революционных взглядах семидесятников). Предметом особого внимания явился процесс формирования и развития революционного мировоззрения Маркса, Энгельса, Ленина. Докторская диссертация "Проблема революции в общественной мысли второй половины XIX века", защищенная в 1975 г., подводила итог одному из важных этапов этой работы.

Изучение истории революционной мысли привело Р.Н. Блума к убеждению, что ключ к пониманию развития теории революции, а вместе с тем и всех разнообразных теорий и взглядов, рассматривающих общественное изменение вообще, заключается в различном, порой противоположном, подходе к общественному развитию, что существуют два основных подхода, два центральных направления, две основные ориентации в решении вопроса о сущности и характере социального изменения.

Один из существенных подходов к общественному изменению предполагает стремление к сохранению (в том числе и путем улучшения, реформирования) основы уже возникших и существующих общественных отношений. При этом подходе сущее и должное не противопоставляются друг другу достаточно резко. Само должное выступает как сущее, очищенное от пороков и наслоений, препятствующих реализации его истинных принципов. Такой подход был назван реалистическо-политическим.

Другой подход, в конечном счете, сводится к стремлению радикально преобразовать сущее, к полному его отрицанию. Он ориентируется на выход за пределы сущего, на создание нового мира, новой системы общественных отношений, нового человека. Конечно, этот выход за пределы сущего и представления о новом мире и человеке могут быть идеологической иллюзией. Этот подход определен Р.Н. Блэмом как романтико-социальный. Разумеется, и в пределах каждого из отмеченных подходов существуют различные вариации, а также сами эти подходы могут сочетаться различным образом в тех или иных теориях общественного изменения.

Несомненным достоинством концепции, предложенной Р.Н. Блэмом, является ее философская основательность. Существующее деление марксистской философии на диалектический и исторический материализм приводит порой, к сожалению, к обособлению этих частей. На кафедре философии Тартуского государственного университета уже давно предпринимаются усилия органически сочетать диалектический и исторический материализм, как при решении гносеологических проблем, так и проблем социальных. Под руководством Я.К. Ребана успешно разрабатывается многосторонняя проблематика социальной детерминации познания и сознания.² Учитывая социальную детерминацию теорий общественного изменения, Р.Н. Блэм в типологии этих теорий выявляет их отношение к таким важнейшим философским принципам, как детерминизм, субстанциализм, свобода, реализм. Различие между двумя основными подходами к социальному изменению и их вариантами описывается не только через понятия социологии (революция, народ, личность, политизм, элитаризм, реформизм и т.п.), но и философские категории "необходимость", "свобода", "сущее", "должное".

Так, реалистическо-политический подход опирается на принцип детерминизма, субстанциализма. Свобода понимается здесь как познанная необходимость, а активность субъекта строго ограничивается субстанциальными рамками. Отмечается связь этого подхода с рационалистической и сциентистской ориентациями. С другой же стороны, романтико-социальный подход исходит из философских принципов свободы, активности субъекта, должного, противопоставляемого сущему. Свобода

² См.: Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. - В кн.: Социальная детерминация познания. Труды по философии. Тарту, 1984. (Уч. зап./Тарт. гос. ун-т, вып. 695).

тракуется как деятельность, достаточно резко противостоящая необходимости, снимающая ограничения с активности субъекта. В гносеологической сфере это выступает как раскованность воображения, доверие к интуиции, скептическое отношение к рационалистическим способам познания, вплоть до антисциентизма.

Убедительно показано, что приверженность к реалистическо-политическому и к романтико-социальному подходам обусловлена общей философской позицией того или другого мыслителя, а с другой стороны, принятие одного из этих подходов дает возможность определить философскую позицию, которая явно или скрыто лежит в основе программы общественного изменения.

Философское осмысление теорий общественного изменения проявляется также в том, что они выступают как противоположности, предполагающие диалектическое сочетание, к которому стремились и Руссо, и Кант, и Радищев, и Чернышевский, но которое в полной мере осуществилось на основе диалектико-материалистической методологии в марксистско-ленинской теории революции.

Движение мысли Р.Н. Блума шло, таким образом, в соответствии с общей закономерностью познавательного процесса от конкретных представлений к абстрактным определениям, а затем от них "к воспроизведению конкретного посредством мышления".³ При этом мыслительная конкретизация идет от типологии теорий общественного изменения к выявлению типов социального мышления.

С начала научной деятельности Р.Н. Блума в ней обнаруживается такого рода тенденция: пристальное внимание к личностям философов, революционеров, политических деятелей. Им посвящено множество статей в газетах, журналах, в Эстонской Советской Энциклопедии. Часто статьи эти писались в связи с "круглой датой" их рождения или смерти, но работа над ними была отнюдь не случайной. Вникая в социальные и психологические мотивы деятельности той или иной личности, автор статей, с начала сам того не осознавая, искал побудительные стимулы деятельности личности, тип ее отношения к общественной действительности. Интерес к типу мышления личности "пересекался" с изучением революционных движений и их теорий и привел проф. Р.Н. Блума к новой теоретической перспективе. В капитальной монографии "Поиски путей к свободе" (Таллин,

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 37.

1985) и в статье, написанной для журнала "Looming", "Типы мышления и общественные изменения" он стремится обосновать положение о двух основных типах мышления: политическом и социальном. В этой связи им поднят большой историко-философский материал, а также идеи ряда писателей-мыслителей, таких как Шиллер и Достоевский.

Почему человеческое мышление разделяется на отмеченные выше типы мышления и, соответственно, поведения? На сегодняшний день Р.Н. Блум, отвечая на этот вопрос, полагает, что наиболее глубоким основанием двух основных подходов и в понимании общественных изменений и в самом процессе мыслительной деятельности личности является деление человеческой деятельности на два основных типа: на тип деятельности репродуктивной и продуктивной. Если первая есть деятельность, осуществляемая на основе заданной программы, воспроизводит, тиражирует то, что уже создано, производит вещи и идеи по имеющимся образцам, то вторая создает новое, оригинальное, не существовавшее до сих пор, притом при помощи новых средств. Несомненно, что оба типа деятельности необходимы в развитии общества и поэтому теснейшим образом связаны друг с другом, однако это не исключает их относительную самостоятельность.

Данная гипотеза, по мнению автора этой статьи, нуждается в дальнейшем обосновании и разработке. Необходимо также предлагаемому типологии мышления включить в систему типологий личности, имеющих иное основание для классификации. Работа в этом плане предстоит большая и значительная. Важность ее не только чисто теоретическая, но и практическая с точки зрения воспитательной, управленческой и организационной деятельности не подлежит сомнению.

Л и т е р а т у р а

1. Блум Р.Н. Роль гегемонии пролетариата в перерастании демократической революции в социалистическую в Венгрии: Движение и разрешение противоречий революционного процесса. - Уч. зап. Тарт. ун-та, 1960, вып. 90, с. 60.
2. Блум Р.Н. Объективное и субъективное в революционной ситуации. - Уч. зап. Тарт. ун-та, 1966, вып. 187, с. 90-99.
3. Блум Р.Н. Об основном и главном (решающем) противоречиях в общественной жизни. - В кн.: Диалектика современно-

- го общественного развития. М., 1966, с. 232-240.
4. Блюм Р.Н. Революция и отчуждение. - Уч.зап. Тарт. ун-та, 1968, вып. 212, с. 119-131.
  5. Blum R.N. Sotsiaalse revolutsiooni teooria. Tallinn, 1969. - 120 lk.
  6. Блюм Р.Н. Вооруженное восстание. - В кн.: БСЭ, 1971, т.5.
  7. Блюм Р.Н. Проблема революции в анархо-синдикализме конца XIX - начала XX века. - Уч.зап. Тарт. ун-та, 1973, вып. 301, с. 61-106.
  8. Блюм Р.Н. Понятия политической и социальной революции в домарксистской и марксистской общественной мысли. - В кн.: Проблемы теории социальной революции. М., 1976, с. 8-29.
  9. Blum R.N. Voorandumisprobleem marksismis. - In: Ajalooline materialism. Tallinn, 1977, lk. 209-268.
  10. Blum R.N. Klassid, klassisuhted, kaasaeg. (Классы, классовые отношения, современность) / в соавторстве с Ю. Матьюсом и П. Кенкманном/. Tallinn, 1981.
  11. Блюм Р.Н. Некоторые методологические вопросы изучения истории революционной мысли. - Уч. зап. Тарт. ун-та, 1982, вып. 599, с. 68-92.
  12. Блюм Р.Н. Кант и проблема революции. - Вопросы философии, 1984, № 8 (совместно с Е.А. Голиковым).

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС ОБ ИСТОЧНИКАХ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(по работам 1844—46 гг.)

В.Ф. Шелике

Усложнение современного революционного процесса, включение в него новых социальных сил, находящихся на различных ступенях исторического развития, насущная необходимость решения глобальных проблем человечества — все это требует анализа совокупности источников социальной революции как в прошлом, так и в настоящем.

В данной статье ставится задача проанализировать весь куст определений источников социальной революции, выработанных К. Марксом и Ф. Энгельсом в работах 1844—46 годов, и выявить их значение для анализа источников революционных процессов современной эпохи. При этом мы позволим себе произвести необходимую группировку и субординацию определений, относящихся к разным работам одного и того же периода формирования философии марксизма.

В первую очередь необходимо выявить то определение источников социальной революции, которое может выполнить функцию начального основания для дальнейшего развертывания более конкретных определений. В этом ракурсе представляется возможным начать с определения, что "социальная революция ... представляет собой протест человека против обезчеловеченной жизни..."¹, формулировки, разработанной К. Марксом в статье "Критические заметки к статье "Пруссак" "Король прусский и социальная реформа", относящейся к 1844 году. (В скобках заметим, что подобные определения источников социальной революции широко применял и В.И. Ленин)².

Перефразируя эти положения можно сказать, что всеобщим источником социальной революции являются противоречия между человеком и его жизнью, не соответствующей человеку в силу

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 447

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 503.

ее обезчеловеченности. Понятно при этом, что конкретное выражение обезчеловеченности человеческой жизни на различных ступенях исторического процесса развития человечества различно. В рабовладельческой формации оно одно, при феодализме — другое. Своя специфика обезчеловеченности человеческой жизни характерна и для капитализма, анализу чего К. Маркс и Ф. Энгельс посвятили многие свои работы.

Отметим далее, что в той же статье "Критические заметки к статье "Пруссака"..." К. Маркс выдвигает и исходное определение субъекта социальной революции — человека, который предстает первоначально в виде отдельного действительного индивида. К Маркс эту мысль даже специально подчеркивает, отмечая, что "социальная революция... исходит из точки зрения отдельного действительного индивидуума;..."³. Именно отдельный человек оказывается в противоречии со своей жизнью, которая представляется ему и на деле является обезчеловеченной, оторванной от человеческой сущности, от человеческой общности, и "отрыв от которой вызывает его противодействие"⁴. Через цепь дальнейших определений К. Маркс выявит затем и классовую определенность протеста действительного индивида против обезчеловеченной жизни, и необходимую направленность протеста на всю систему общественных отношений, но начинает основоположник марксизма именно с отдельного действительного индивида, и это важно подчеркнуть по целому ряду причин.

Взятое за исходное определение источников социальной революции, на наш взгляд, отвечает требованиям, предъявляемым началу определений. Оно массовидно, отражает первоначальные представления людей о революции. Это, во-первых.

Во-вторых, такое исходное определение источников социальной революции опровергает вымыслы противников марксизма о якобы обезчеловеченности самой философии марксизма, пренебрегающей, мол, отдельным действительным человеком — его страданиями, его противоречиями, его индивидуальной жизнью. На самом деле, К. Маркс уже в период формирования марксизма выводил социальные революции также из противоречий индивида и его индивидуальной жизни, и подчеркивал именно личностный уровень источников социальной революции, более того, с этого уровня разворачивал определения социальной революции.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. I, с. 447.

⁴ Там же.

В-третьих, приведенное исходное определение источников социальной революции представляется нам весьма актуальным в том смысле, что может быть использовано как оружие в идейной борьбе с противниками марксизма. Определение источников социальной революции как протеста человека против обезчеловеченной жизни звучит весьма актуально в условиях современного государственно-монополистического капитализма, когда обезчеловеченность человеческой жизни приобретает столь глобальный и массовый характер, что действительно ставит миллиарды людей на грань самоуничтожения в ядерной катастрофе, что вместе с тем создает новые, современные источники социальной революции как протеста человека против обезчеловеченной жизни.

Разворачивая далее в "Немецкой идеологии" мысль о том, что революции всегда исходили от самих действительных индивидов, а не неких идей и представлений, якобы, определяющих историю, К.Маркс и Ф.Энгельс дают и определения "индивидов, от которых исходили эти революции"⁵. Если сами эти индивиды "составляли себе, в зависимости от своего культурного уровня и от ступени исторического развития, всякого рода иллюзии насчет своей собственной деятельности"⁶, то действительные индивиды обусловлены "способом производства их материальной жизни, их материальным общением и его дальнейшим развитием в общественной и политической структуре"⁷.

Механизм возникновения обезчеловеченной жизни К. Маркс и Ф. Энгельс на самом всеобщем уровне вскрывают в той же "Немецкой идеологии". Основоположники марксизма выдвигают положение о том, что в процессах производства и процессах общения, осуществляемых в рамках определенных общественных и политических отношений, действительные индивиды развивают свои производительные силы, состояние которых в свою очередь определяет самих действительных индивидов. Вместе с тем, на определенных ступенях развития производительные силы - как силы развития людей, - превращаются в свою противоположность, и в разрушительные силы, как это имеет место, например, в условиях господства отношений частной собственности. Эти разрушительные силы (например, в виде машин и денег) и

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. М., 1980, т. I, с. 56.

⁶ Там же, с. 56.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. М., 1980, т. I, с. 14.

обесчеловечивают жизнь действительных индивидов, превращая, например, рабочего в придаток к машине, а личностное общение людей - в товарно-денежные, вещные отношения.

Вместе с тем, созидательная деятельность в процессе производства материальной жизни, поступательное развитие средств производства неуклонно продолжают развивать производительные силы действительных индивидов, создавая в них новые силы, новые потребности, новые способности и т.д., которые они в рамках данного способа производства, при данных производственных отношениях не могут реализовать, или могут применять только частично. Это частичное применение возросших производительных сил отдельного действительного индивида и всех действительных индивидов вместе, организованных в общество и государство, и является источником того, что возникает противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Это противоречие и составляет один из всеобщих источников социальной революции, на протяжении всей истории человечества.

Данные общие положения марксистской теории источников революции наглядно видны и в современной действительности, когда в условиях государственно-монополистического капитализма людьми созданы, с одной стороны, такие производительные силы, которые на деле стали разрушительными - средствами массового уничтожения людей, средствами катастрофического загрязнения окружающей среды, средствами манипуляции отдельными личностями психотропными лекарствами и т.д., а с другой стороны, созданы и продолжают создаваться такие производительные силы, которые на деле развивают людей, наделяя их новыми силами, новыми потребностями в человеческом способе жизни.

Противоречия между производительными силами и производственными отношениями - ведущие, но не единственные источники социальной революции, не единственные проявления обесчеловеченности жизни. На известных ступенях исторического развития человечества действительные индивиды, наделенные определенными производительными силами, вступают в противоречие и со своей формой общения, которая, будучи, например, при капитализме, основанной на товарно-денежных отношениях, на отношениях конкуренции и т.д., не способствует развитию действительных индивидов, не дает им реализовать свои производительные силы, обесчеловечивает их общение, превращая личностное общение в вещное и т.д.

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс обнаруживают еще один источник революции в истории человечества — противоречия между производительными силами и формами общения. Поскольку этот параметр источников революции по существу обобщен в нашей литературе, остановимся на его характеристике более подробно.

Сразу заметим, что общение занимает в концепции материалистического понимания истории вполне определенное и весьма существенное место и является понятием не только периода формирования марксизма, но широко используется и в "Коммунистическом манифесте" и в "Капитале". Понятие "форма общения" неправомерно сводить к равному, якобы, варианту понятия "производственные отношения".⁸ Отметим в этой связи, что уже в "Немецкой идеологии" К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя производство материальной жизни, характеризуя способ производства, постоянно связывают его с формами общения, со способом общения, с его отношениями таким образом, что производство и общение выступают как парные категории, выражающие их диалектическое единство в исторической действительности. Вместе с тем, неоконченность рукописи обусловила, по всей вероятности, тот факт, что в "Немецкой идеологии" К. Маркс и Ф. Энгельс непосредственно не обозначают наличие противоречий между производительными силами и производственными отношениями как источник революции, а уделяют наибольшее внимание производному от него, вторичному противоречию между производительными силами и формой общения. Именно отсутствие в неоконченной рукописи известных формулировок 1859 года скорее всего и служит одним из оснований того, почему ряд авторов предпочитает видеть в противоречии между производительными силами и формой общения не специфический параметр источников революции, а раннюю, еще, мол, не отработанную формулировку противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

---

⁸ См.: Шелике В.Ф. Объем и содержание понятия общение (Verkehr) в работе К. Маркса и Ф. Энгельса "Немецкая идеология". — В кн.: Философско-методологические проблемы теории общения: Сб. научн. тр. Фрунзе: Кирг. гос. ун-т, 1982, с. 19-29.

⁹ См.: Предисловие к 3 тому сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. — 2-е изд. М., 1955, с. VII; История марксистской диалектики. М., 1971, с. 95-96; Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. М., 1974, с. 460-461 и др.

Чтобы понять специфику этого противоречия необходимо иметь в виду, что производство представляет собой в самых общих определениях такой род человеческой деятельности, обращенный людьми на природу и людей, в процессе которого люди создают определенный продукт производства — людей, средства жизни, отношения людей к людям и отношения людей к природе. В свою очередь общение в самых общих определениях представляет собой такой род человеческой деятельности, в процессе которого люди двигают, перемещают, распределяют, обменивают между людьми продукты производства — людей, средства жизни, отношения людей к людям и отношения людей к природе, и таким образом обрабатывают людей и природу.¹⁰ А поскольку производство и общение не одно и то же, то соответственно и противоречия между производительными силами и формой общения также не есть перефразировка противоречия между производительными силами и производственными отношениями, а потому требуют специального рассмотрения.

Обратимся непосредственно к тексту "Немецкой идеологии". В заключение нескольких страниц анализа истории смены форм общения К. Маркс и Ф. Энгельс приходят к выводу: "Итак, все исторические коллизии, согласно нашему пониманию, коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения".¹¹ Вместе с тем, каждая форма общения сама обусловлена определенным развитием производительных сил, а их несоответствие является источником революции: "То противоречие между производительными силами и формой общения, которое, как мы видели, уже неоднократно имело место в предшествующей истории, не угрожая, однако, ее основам, должно было каждый раз прорываться в виде революции, причем оно вместе с тем принимало и различные побочные формы — как совокупность всех коллизий, как коллизии между различными классами, как противоречия сознания, идейная борьба и т.д., политическая борьба и т.д. Если стоять на ограниченной точке зрения, то можно выхватить одну из этих побочных форм и рассматривать ее как базис этих революций; сделать это тем легче, что сами индивиды, от которых исходили эти революции, составляли себе, в

¹⁰ См.: Шелике В.Ф. Некоторые аспекты марксистской методологии определения философской категории "производство". — В кн.: Общественное производство: понятие, социальная природа и сущность (Препринт /АН СССР Ин-т философии). М., 1982, с. 79-84.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. М., 1980, т. I, с. 56.

зависимости от своего культурного уровня и от ступени исторического развития, всякого рода иллюзии насчет своей собственной деятельности.¹²

Из последнего замечания явствует, что К. Маркс и Ф. Энгельс характеризуют противоречия между производительными силами и формой общения как базис революции, наряду — добавим от себя — с противоречиями между производительными силами и производственными отношениями, также являющимися базисом революции.

Чтобы более наглядно представить содержание названного противоречия как источника революции, напомним, что К. Маркс и Ф. Энгельс характеризуют в качестве общения в первую очередь торговлю и войну, переселение народов, а в качестве исторически первого вида общения, возникающего одновременно с производством, — отношения между мужчиной и женщиной по продолжению человеческого рода. Именно в процессах семейных отношений, в торговле, посредством переселения народов и через войну люди в предшествующих коммунизму формациях осуществляют движение, перемещение, распределение и обмен продуктов производства между людьми. Соответственно формами общения выступают семья, гражданское общество, государство, страховые компании и другие общности людей, как, например, цех, мануфактура и фабрика, в рамках которых люди осуществляют свое общение. Формой общения являются и отношения частной собственности. На протяжении истории человечества происходит не только последовательная смена способов производства материальной жизни, но и соответствующая смена последовательного ряда форм общения.

Противоречия между производительными силами и семейными отношениями, противоречия между производительными силами и гражданским обществом, противоречия между производительными силами и государством, противоречия между производительными силами и цеховым строем, противоречия между производительными силами и мануфактурой, противоречия между производительными силами и фабрикой как организацией крупной промышленности и т.д. и являются проявлением противоречий между производительными силами и формой общения как источников исторических коллизий и революций. Конечно, и отношения собственности, и гражданское общество, и цех, и мануфактура, и фабрика, а в определенных исторических условиях и семья од-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. М., 1980, т. I, с. 56.

новременно являются и производственной организацией, а потому — и ареной противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Но вместе с тем эти общности являются и определенными формами общения, организацией, в рамках которой двигается, перемещается продукт производства, а потому они есть и арена противоречий между производительными силами и формой общения.

Представляется, что определение всех коллизий истории и источников социальной революции, как вытекающих не только из противоречий между производительными силами и производственными отношениями, но также из производных от них противоречий между производительными силами и формой общения, весьма актуально для анализа современных революционных процессов. Не только в XIX в., но и сегодня, в условиях государственно-монополистического капитализма общение между людьми приобретает отчужденный, обесчеловеченный характер, вытесняя отношения между людьми отношениями между вещами, становящимися силой, стоящей над людьми и калечащей их жизнь и их самих. И сегодня актуален вывод К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что никто иной как сами действительные индивиды искажают свои отношения общения в определенных условиях определенного способа производства и сами создают "перевернутый мир"¹³, искаженный мир (*verkehrte Welt*) грозящий человечеству уничтожением. Осуществляя свое общение, как и в прошлом через торговлю, ставшую мировой и создавшую мировой рынок, продолжая свое общение в виде войн, также ставших мировыми, продолжая оставаться в сетях отношений частной собственности как определенной формы общения, люди капиталистического общества и сегодня перемещают не только производительные, но и разрушительные силы — крылатые ракеты, отравляющие вещества, ненависть к людям других наций и т.п. Эти разрушительные силы столь глобальны, что действительно могут уничтожить человечество, если люди сами же не изменят свои формы общения, не разрешат противоречия между производительными силами и формой общения. Так и через анализ данного источника социальной революции мы выходим на современные глобальные проблемы человечества, необходимость разрешения которых ведет человечество к неизбежности коммунистической революции, которую К. Маркс и Ф. Энгельс отстаивали и доказывали уже накануне революции 1848 года.

---

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 150.

В "Немецкой идеологии" К. Маркс и Ф. Энгельс выдвигают далее положение о том, что на основе материального производства и материального общения строится определенная система общественных отношений, представляющая собой организацию, в рамках которой и посредством которой множество действительных индивидов действуют - производят, общаются и т.д. - как некое целое. Общественные отношения связывают действительных индивидов, разделенных на различные подразделения - семьи, сословия, классы и др. - между собой посредством общественных связей, и в первую очередь посредством общественных отношений производства и общественных отношений общения. Эти общественные отношения, при капитализме основанные на эксплуатации одних людей другими, на отношениях общественного неравенства между людьми, также становятся чуждой по отношению к индивидам силой. Так возникает еще одно, производное от предшествующих, противоречие как источник социальных революций - противоречие между производительными силами и общественными отношениями.

Разрешение противоречия между производительными силами и общественными отношениями требует низвержения прежних общественных порядков, обезчеловечивающих жизнь действительных индивидов, и создания новой структуры общества без классов, без наций, без государства, без эксплуатации человека человеком.

Однако для того, чтобы создать новую структуру общества люди должны совершить революцию способа производства и революцию форм общения, на основе которых осуществляется общественная революция. Не случайно К. Маркс и Ф. Энгельс в "Немецкой идеологии" определяют коммунизм как низвержение "прежнего способа производства и общения, а также прежней структуры общества... причем пролетариат сбрасывает с себя все, что еще осталось у него от его прежнего общественного положения."¹⁴ Коммунизм осуществляет переход человеческого общества к человеческому обществу, в котором "свободное развитие каждого является условием свободного развития всех."¹⁵

В свою очередь революция способа производства и революция форм общения требуют разрешения противоречия между производительными силами и отношениями собственности, в рам-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. М., 1980, т. I, с. 70.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447.

как которых они до сих пор развивались и которые являются материальным базисом общественных отношений. А так как отношения собственности основываются на отношениях труда и обмена, то изменение отношений собственности необходимо связано с изменениями характера труда и характера обмена, что и составляет всеобщее содержание экономической революции. Эти сюжеты проанализированы К. Марксом уже в "Экономически-философских рукописях 1844 года", представляя собой первый подступ к анализу экономических отношений капиталистического общества и их противоречий, всесторонне исследованных в "Капитале". Анализ источников социальной революции на данном уровне обобщения должен стать предметом специального рассмотрения, и он выходит за рамки данной статьи.

Рассмотренные противоречия являются материальными источниками социальных революций, возникающими независимо от того, осознаны они или не осознаны людьми. Проанализированная совокупность противоречий составляет материальную основу протеста человека против обезчеловеченной жизни. К. Маркс и Ф. Энгельс в своих работах анализируемого периода более всего исследовали источники социальной революции именно в эпоху капитализма с тем, чтобы уже накануне революции 1848 года вывести пролетариат от индивидуальных и стихийных форм протеста против обезчеловеченной жизни к классовым формам борьбы, сознательно направленным на ниспровержение тех общественных отношений производства, общественных отношений обмена, отношений частной собственности, отчужденного характера труда и товарно-денежного характера обмена, которые уже в XIX в. были действительными, материальными причинами обезчеловечивания жизни массы пролетариев.

Представляется, что и в современных условиях актуально исследование источников социальной революции в параметрах анализа противоречий между производительными силами и производственными отношениями, между производительными силами и формами обмена, между производительными силами и общественными отношениями, между производительными силами и отношениями собственности, труда и обмена, как это делали К. Маркс и Ф. Энгельс в 1844-47 гг. Использование для анализа целой совокупности противоречий, взаимообусловленных и взаимосвязанных, даст возможность изучить современные источники социальных революций столь же многогранно и глубоко, как анализировали их в середине XIX в. основоположники марксизма.

Таким образом, положения об источниках социальной рево-

люции, разработанные К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в период формирования философии марксизма весьма актуальны и применительно к современным условиям мирового революционного процесса.

К АНАЛИЗУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С.Э. Крашвинский

С момента своего появления в качестве философской концепции общественного развития исторический материализм уделял первостепенное значение исследованию механизма перехода общества на качественно новые исторические горизонты и прежде всего - вопросу об экономических основах подобных переходов. Эта проблема остается чрезвычайно актуальной и сегодня. Правильное (глубокое, неупрощенное) понимание экономической основы социальной революции крайне важно для разработки научно обоснованной стратегии и тактики коммунистических партий и, в частности, для понимания как трудностей революционного движения в развитых капиталистических странах, так и специфики революционных преобразований в странах, избравших капиталистический путь развития.

Углубленный историко-материалистический анализ экономической основы перехода от одной общественно-экономической формации к другой необходим также для успешного продолжения нашей полемики с буржуазной "социологией революции" и историографией и по вопросам исторического прошлого человечества и по злободневным вопросам двадцатого века. Ведь даже для сравнительно прогрессивной ветви современной буржуазной историографии, несмотря на нередкие для представителей этого направления симпатии к марксизму и подчеркивание "исключительной эвристической эффективности марксизма", характерно сохранение основных методологических пороков, присущих немарксистскому анализу причин социальных революций (преимат внешних причин над внутренними, сведение революции к социально-политическим изменениям и т.д.)¹.

Поскольку предложенная К. Марксом, Ф. Энгельсом, В.И. Лениным концепция социальной революции получила плодотворное развитие в советской и зарубежной марксистской литературе (философской, экономической, исторической), автор считает целесообразным придать статье проблемный характер. При принци-

¹ См. об этом, например: Бессмертный Д.Л. "Феодалная революция" X-XI веков? - Вопросы истории, 1984, № 1.

пимальном единстве взглядов исследователей-марксистов на кардинальные проблемы революционной теории, при единстве методологического подхода обнаруживается неоднозначное решение некоторых важных вопросов.

Остановимся на одном из них: на вопросе о модификации понятия "конфликт между производительными силами и производственными отношениями" применительно к каждому историческому типу социальной революции. В свое время нам уже приходилось останавливаться на различении революций "характерных" и "уровневых"². Как показывает конкретный анализ известных в истории социальных революций, лишь на двух этапах развития человеческого общества производственные отношения приходили в несоответствие с характером производительных сил: речь идет об эпохах перехода от первобытного общества к антигонистическим формациям и от них к социализму. Новые производительные силы позднего первобытного общества сделали возможной и необходимой замену коллективной формы собственности частной; производительные силы, вызванные к жизни капитализмом, вновь приобретают непосредственно общественный характер и требуют ликвидации частнособственнических производственных отношений. Несколько иную картину мы наблюдаем при анализе социальных революций, связанных с переходом от феодального способа производства к капиталистическому. Поскольку эта революция была порождена такими изменениями уровня производительных сил, которые не приводили сами по себе к изменению их характера и по-прежнему требовали и допускали сохранение частной собственности, она с полным правом может быть квалифицирована как уровневая.

Сложное обстоит дело с характеристикой социальных революций, связанных с переходом от рабовладения к феодализму. Историки техники затрудняются ответить на вопрос, какая техническая революция или по крайней мере качественно новый технический уровень послужили исходным пунктом кризиса рабовладельческих производственных отношений. Именно эти затруднения и пытаются использовать сторонники концепции, согласно которой рабовладение и феодализм представляют собой единую формацию. Приведем ход рассуждений одного из виднейших представителей этой концепции. "Не вызывает сомнений, — пишет В.П. Иллешкин, — выделение исторических типов техники и ступеней развития производительных сил, которым соответству-

² См.: Крапивенский С.Э. К анализу категории "социальная революция". Волгоград, 1971, с. 28-29.

ют первобытнообщинный, капиталистический и коммунистический типы производственных отношений. Что же касается попыток определить типы техники и ступени развития производительных сил, которым соответствовали бы рабовладельческий и феодальный типы производственных отношений, то они наталкиваются на непреодолимые затруднения. Это вызвано отсутствием явно бросающихся в глаза различий между древними и средневековыми обществами в системе производительных сил (включая технику производства), в связи с чем и те и другие представляются в этом плане «однотипными»³. Нельзя не заметить, что элементы истинные, рациональные в этом рассуждении перемежаются с элементами явно ошибочными. И прежде всего предано забвению то чрезвычайно важное обстоятельство, что в понятие «ступень развития производительных сил» (а именно этим понятием при именении механизма социальной революции К. Маркс оперировал чаще всего⁴) входят наряду с их характером и уровнем также потребности их развития, а производительные силы, в свою очередь, включают в себя и человека. Переход к феодализму стал исторической необходимостью потому, что раб как производитель материальных благ уже не отвечал потребностям развития производительных сил. Данная социальная революция должна быть отнесена к числу «потребностных»⁵.

Идея о рабовладении и феодализме как субформациях развивается и в работах ряда других авторов⁶. Мы же присоединяемся к точке зрения тех исследователей, которые считают, что поиск одной докапиталистической антагонистической формации неправомерен в принципе⁶. Тип рабовладельческих и тип фео-

³ Обмен мнениями: Актуальные проблемы анализа производительных сил докапиталистических классовых обществ. — Философские науки, 1983, № 6, с. 13.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7; т. 20, с. 640 и т. д.

⁵ Тем самым мы вносим поправку в предложенную нами концепцию «характерных» и «уровневых» революций — см.: Крапивинский С. Э. Указ. произв., с. 28-30. Не соглашаясь с тем, кто основу любой социальной революции видит в конфликте между новым характером производительных сил и устаревшими производственными отношениями, мы отнесли тогда переход от рабовладения к феодализму к числу «уровневых» социальных революций.

⁶ Теоретико-методологические проблемы общественного развития. — Вопросы истории, 1982, № 8, с. 114-115.

⁶ См., например: Коростовцев М. А. Рабовладельческая формация в свете исторического материализма. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологическое исследование. М., 1975, с. 88; Лукчев Е. М. Очерки

дальних производственных отношений (и соответствующие типы производительных сил) принципиально отличаются друг от друга по уровню развития и социально-экономическому статусу главной производительной силы общества — труженника, производителя материальных благ. Таким образом, марксистская концепция последовательной смены рабовладельческой и феодальной формаций не может быть опровергнута посылками техницистского толка.^{6а} Сказанное отнюдь не снимает того обстоятельства, что данная концепция, как отмечалось в литературе, нуждается в дальнейшем обогащении и конкретизации применительно к Востоку (добавим: и некоторым другим регионам). Речь идет, в частности, об учете длительного сосуществования элементов восходящих и нисходящих общественных отношений в ряде стран.⁷

Вычленение социальных революций характерных, уровневых и потребностных приобретает большое методологическое значение при анализе процесса изменения формаций (нагана исторического отставания). Действительно, если к моменту поворота на некапиталистический путь развития в соответствующих странах нет ни нового уровня производительных сил, ни тем более их нового характера, то в чем же здесь модифицируется и как может быть выражена экономическая основа революционных преобразований, представляющих собой в целом и завершенном виде особый вариант переходного к социализму периода? Такой экономической основой являются потребности прогрессивного развития производительных сил в освободившихся от колониализма странах. Таким образом, экономическая причина действует как бы из будущего, революционные изменения детерминируются из будущего, а сами революции вписываются в разряд потребностных. Вполне понятно, что "будущность" этой детерминированности относительна: она задавалась в прошлом и задается се-

---

методологии истории. М., 1980, с. 108. Эту же концепцию в принципе разделял и крупнейший японский историк Комадиро Такахаши в своей книге "От феодализма к капитализму: Проблемы перехода" (см. рецензии С.Л. Тихвинского и А.Н. Чистозвонова на эту книгу. — Вопросы истории, 1983, № 10, с. 165).

6а. Весьма характерно, что с позиций техницизма пытаются критиковать концепцию "единой формации" и многие ее противники (например, Г.Ф. Ильин), когда стараются обнаружить заметный прогресс техники к концу рабовладения. См.: Философские науки, 1983, № 6, с. 17, 24.

7. Типология развитого феодализма в странах Востока. — М.: Наука, 1975, с. 14—15.

годня всемирным историческим опытом, наличием материального образца, по которому страны, нуждающиеся в "нагоне опоздания", как бы корректируют свое дальнейшее развитие. Так, германцы смогли перейти к феодальному строю только благодаря усвоению исторического опыта Рима, а Киевская Русь - исторического опыта Византии. Если рабство у древних славян не получило широкого развития, то это как раз произошло в результате столкновения славян с рабовладельческой империей. Необходимо отметить, что усвоение исторического опыта в тогдашних условиях могло быть только критическим. Германцы, славяне, арабы не восприняли рабовладельческие производственные отношения, которые тогда уже были в стадии разложения, а, наоборот, сами перешли к более прогрессивному типу отношений - феодальным отношениям - и ускорили подобный процесс в Риме, Византии, Сирии и Верхней Месопотамии⁸.

Разумеется, деление социальных революций на характерные, уровневые и потребностные является в известной мере условным. Революции характерные являются одновременно и революциями уровневыми, но речь идет о таком новом уровне развития производительных сил, который принципиально изменил их характер. Революции характерные являются одновременно и революциями потребностными, ибо приведение производственных отношений в соответствие с новым характером производительных сил выступает в качестве самой настоящей потребности дальнейшего прогресса экономики и социальной системы в целом. И тем не менее отдифференцировать революции просто уровневые от характерных, а потребностные - от характерных и уровневых крайне важно и в плане методологическом (обогащаются наши представления о социальной революции), и в плане конкретно-научном (становится возможным более глубокий и скрупулезный анализ данной, конкретной революции), и в плане тактико-стратегическом (более четкая оценка экономической основы революции позволяет и более точно формулировать стратегические и тактические лозунги революционного авангарда).

В связи с анализом экономической основы социальной революции особо необходимо остановиться на встречающемся в ряде исследований понятии "внутриформационная революция". Нам уже приходилось в связи с этим критиковать концепцию внутриформационных революций С.Л. Утченко. Эта концепция получила

⁸ Греков Б.Д. Киевская Русь. - М.: Наука, 1949, с. 24-26.

дальнейшее развитие в более поздних работах С.Л. Утченко⁹ и, судя по литературе, разделяется многими авторами.

Из признания внутриформационных революций исходит "Философская энциклопедия", утверждая: "... известны революции, имевшие своей экономической основой противоречие между развитием производительных сил и определенными сторонами господствующих производственных отношений. Подобные революции не выводят за рамки данной общественно-экономической формации, хотя и вносят существенные изменения в систему производственных отношений, ведут к перераспределению существующей собственности"¹⁰. Объективное существование внутриформационных революций не вызывает никаких сомнений у М.А. Селезнева. "Отнести ту или иную социально-политическую революцию к разряду межформационных или внутриформационных, - пишет он, - как и многие другие конкретные вопросы, - это прерогатива исторической науки"¹¹.

Хотим мы этого или нет, вопрос о "внутриформационных революциях" является прерогативой не только исторической науки, но и исторического материализма, ибо понятие "внутриформационная революция" по своему смыслу самым непосредственным образом соотносится с важнейшими категориями исторического материализма и прежде всего с категориями "общественно-экономическая формация" и "социальная революция".

Понятие "внутриформационная революция", на наш взгляд, содержит *contradictio in adjecto*. Это нечто вроде квадратного треугольника или овального угла. Революция всегда означает коренную ломку старого, замену его принципиально новым, а внутриформационные изменения при всей своей вынужденности оказываются либо попытками оптимизации данной общественно-экономической формации, либо этапом ее достройки, т.е. завершения межформационной революции, либо переходом от одной стадии развития формации к другой¹². И в первом, и во вто-

⁹ Утченко С.Л. Циперон и его время. - М.: Мысль, 1973, с. 3-9.

¹⁰ Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4. с. 48 (подчеркнуто нами - С.К.).

¹¹ Селезнев М.А. Социальная революция. - М.: Изд-во МГУ, 1971, с. 259, 265-266.

¹² Против понятия "внутриформационная революция" выступает по сути дела В.Л. Бессмертный, когда он, критикуя концепцию "феодальной революции" X-XI вв., справедливо замечает: "... переход от раннего феодализма к зрелому во

ром, и в третьем случае налицо не крутая ломка данных, т.е. присущих именно этой формации, общественных отношений, а модификация их, надстраивание над ними, без изменения их глубинной сущности.

Постараясь пояснить это на конкретных исторических примерах.

I. В качестве примера внутриформационной революции иногда приводят переход к машинному производству и вызванные им социальные последствия.¹³ При этом используют ленинскую характеристику качественных изменений, происходящих в капиталистических производственных отношениях под воздействием машинного переворота: "Переход от мануфактуры к фабрике знаменует полный технический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера, а за этим техническим переворотом идет самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц, полный разрыв с традицией, обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем, и массовое обобществление труда капитализмом"¹⁴.

Если внимательно проанализировать это ленинское положение, то окажется, что под "самой крутой ломкой общественных отношений производства" Ленин имеет в виду не ломку капиталистических отношений, а "доламывание" феодальных и развитие, обострение, расширение на этой основе капиталистических. В самом деле. Технический переворот ниспровергает веками нажитое ручное искусство мастера. Следовательно, ниспровергается то, что сохранилось от феодализма, а не то, что создано капитализмом; последствием технического переворота, по Ленину, является окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц, обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма. Промышленная ре-

Франции и сопредельных с нею регионах представлял действительно глубокий социальный перелом. Все это позволяет считать X-XI вв. очень важной гранью в развитии французского и шире - западноевропейского общества. Значение этой грани, справедливо подчеркиваемой историками охарактеризованного выше направления, состоит, однако, не в революционном рождении феодализма, а в перерастании ранней его формы в зрелую" (Вопросы истории, 1984, № I, с. 67).

¹³ Селезнев М.А. Указ. примеч., с. 265-266.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 455.

волюция восемнадцатого века подвела под капитализм адекватную ему материально-техническую базу и в связи с этим завершила формирование основных классов буржуазного общества и становление основного противоречия капитализма.

2. За внутрiformационные революции порой принимают крестьянские войны в России. Очень близок к такому выводу был А.И. Андрущенко, который, справедливо считая крестьянские войны семнадцатого и восемнадцатого веков в России историческими ступенями борьбы крестьянства против феодалов, утверждал, что "каждая из них соответствовала определенному уровню производительных сил и производственных отношений страны"¹⁵. Если к этому добавить, что авторский коллектив трехтомной монографии "Крестьянская война в России в 1773-1775 годах", в состав которого входил А.И. Андрущенко, аргументированно доказал, что крестьянская война, возглавляемая Пугачевым, вопреки мнению М.Н. Покровского, Г.Е. Меерсон и других, не была "ранней буржуазной революцией"¹⁶, то остается предположить только одно: перед нами внутрiformационная революция, соответствовавшая определенному уровню производительных сил и производственных отношений и ставившая "вопрос лишь о смене существующего варианта феодальных отношений новым, более желательным для крестьянства"¹⁷. Л.В. Милов совершенно прав, когда он, имея в виду эти и многие другие исследования, пишет: "Если вдуматься в предлагаемые определения, то можно увидеть, что в них включены такие объективно-исторические задачи крестьянской борьбы, которые логически неизбежно отождествляют крестьянские войны феодальной эпохи с революцией..."¹⁸. К вопросам, поставленным Л.В. Миловым сторонникам данной концепции (назрела ли в России первой половины XVIII в. объективная задача ликвидации феодального строя? не преувеличивается ли степень зрелости самосознания крестьянства как класса?), можно добавить и ряд других: могли ли стихийные крестьянские восстания быть жестко детерминированы уровнем производительных сил и состоянием их кон-

¹⁵ Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 годов. М., 1969, с. 11.

¹⁶ Крестьянская война в России в 1773-1775 гг.: В 3-х т./ Под общ. ред. В.В. Мавродина. Л., 1966, т. 2, с. 10.

¹⁷ Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1969, с. 33.

¹⁸ Милов Л.В. Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVIII-XIII вв. - Вопросы истории, 1981, № 3, с. 36.

фликта с производственными отношениями? учитывается ли исторически неминуемый характер поражения крестьянских войн? и т.п. В силу своей обреченности крестьянские войны не могли послужить толчком к комплексному качественному сдвигу в развитии России.^{18а}

Концепция внутрiformационных революций возникла на базе изучения очень важных исторических явлений, в определенных отношениях сходных с социальными революциями. Однако эта "схожесть" в устах сторонников рассматриваемой концепции оказалась преувеличенной, абсолютизированной.

Как известно, марксизм-ленинизм не сводит всю причинную обусловленность социальных революций к ее экономической основе, тем более не допускает мысли об автоматическом ее действии; он всегда учитывает воздействие не только экономических, но и внеэкономических явлений, их взаимодействие¹⁹. Между экономической основой революции и производными от нее противоречиями и конфликтами существует определенная субординация. И это особенно необходимо учитывать сегодня в связи с современной экологической ситуацией и возрастанием роли экологического фактора как в историческом процессе в целом, так и в комплексе причин, обуславливающих переход от капитализма к социализму во всемирном масштабе.

Дело в том, что в литературе, посвященной современной экологической ситуации, мы встречаемся по сути дела с рецидивами географического детерминизма, теории "равновесия" и т.п. Г.С. Гудожник, например, исходит из того, что в условиях экологического равновесия между обществом и природой общественные потребности "не имеют внутреннего источника к изменению, развитию, обогащению многообразия"²⁰. И хотя он пишет, что "экологическая проблема в плане всемирной истории человечества выступает как одно из противоречий антагонисти-

^{18а} Мы не касаемся здесь Крестьянской войны XVI в. в Германии, которая, по известной оценке Ф. Энгельса, имела буржуазное содержание и представляла собой, таким образом, метрформационную революцию.

¹⁹ См. об этом подробно: Крапивенский С.Э. Великий Октябрь и ленинское учение об объективных основах вызревания социалистической революции. - Научный коммунизм, 1979, № 1.

²⁰ Гудожник Г.С. Научно-техническая революция и экологический кризис. М., 1975, с. 17.

ческих формаций"²¹, в действительности он возводит его в основное противоречие и в основную движущую силу общественного развития: "Нельзя сказать, что общество вообще не изменяется, но его изменение происходит под влиянием внешних, главным образом, природных факторов, а не под воздействием внутренней необходимости"²². И если Ж. Дорст приводит версию о гибели древних цивилизаций Америки (инков, ацтеков, майя) в результате экологического кризиса, связанного с истощением почв, только как предположительную²³, то сегодня можно встретить совершенно категорические попытки из экологических кризисов вывести происхождение человека, переход к цивилизации и т.д. Есть и прямые попытки "жестко" связать между собой экологические кризисы и социальные революции. "Локальные экологические кризисы, - читаем мы в одном из изданий, - уже не раз происходили в истории человечества и бывали обычно связаны с переходом от одной формации к другой"²⁴.

Экологический компонент исторического процесса безусловно сопряжен с экономической основой социальной революции, ибо "... исторический процесс смены одной общественно-экономической формации другой, более высокой, хотя и совершается на основе развития материального производства, но обусловлен также и естественнo-историческими факторами социальной жизни"²⁵. Однако из усилывающегося исследовательского внимания к экологическому компоненту общественного развития отнюдь не следует фатальная неизбежность преувеличения его роли (вплоть до абсолютизации), упрощенное, биологизирующее и географизирующее, представление о "пусковом механизме" перехода к новой, более прогрессивной, общественно-экономической формации. Созданное К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистическое понимание истории представляет собой необходимый и в то же время достаточный фундамент для истинно научного решения этого вопроса.

---

²¹ Гудожник Г.С. Научно-техническая революция и экологический кризис. М., 1975, с. 5.

²² Там же, с. 19.

²³ Дорст Ж. До того как умрет природа. - М.: Прогресс, 1969, с. 33.

²⁴ Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. - М.: Наука, 1981, с. 34.

²⁵ Ковалев А.М. Общество и законы его развития. - М.: Изд-во ИГУ, 1975, с. 415.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ
(ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПРИЗНАКИ, КОМПОНЕНТЫ)

Н. А. Троицкий

Учение о революционной ситуации - составная часть марксистско-ленинской теории революции, исключительно важная и в научном, и в политическом, и в чисто практическом отношении. С одной стороны, это учение противостоит догматизму, а с другой - авантюризму, поскольку оно мобилизует революционеров на решительные действия, но лишь с учетом необходимых для этого объективных и субъективных условий.

Между тем, проблема революционной ситуации, хотя она и фундирована методологически указаниями К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина¹, остается недостаточно разработанной. Это показала еще дискуссия 1966-1968 гг. по вопросам революционной ситуации в журнале "Вопросы истории КПСС" (статья А.Я. Авреха² и девять статей-откликов на нее). В итоговой статье после дискуссии констатировалось, что "обмен мнениями по этим, еще недостаточно выясненным вопросам, ... не дал сколько-нибудь исчерпывающего решения"³. В частности, спорными оказались тогда вопросы соотношения признаков революционной ситуации, ее объективных и субъективных факторов, самого понятия "революционная ситуация" с такими понятиями, как "революционный кризис", "политический кризис", "общенациональный кризис". Эти вопросы не стали яснее поньше, хотя за последние 15 лет и вышел ряд ценных работ, относящихся к проблеме революционной ситуации⁴.

¹ Подробно об этом см.: Ленинская теория социалистической революции и современность. М., 1980, гл. I, 4.

² Аврех А.Я. О некоторых вопросах революционной ситуации. - Вопросы истории КПСС, 1966, № 5.

³ Некоторые итоги выступлений по проблеме революционной ситуации. - Вопросы истории КПСС, 1968, № 7, с. 120

⁴ См., напр.: Миллер И.С. О некоторых вопросах, связанных с понятием "революционная ситуация". - В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971; он же. О некоторых проблемах первой революционной

Один из недостатков дискуссии 1966–1968 гг. редакция "Вопросов истории КПСС" усмотрела в том, что ее участники использовали, как правило, "аргументы, почерпнутые из истории России эпохи империализма", почти не касаясь предыдущих эпох⁵. Моя статья основана на материале почти исключительно доимпериалистического периода, а именно – революционных ситуаций в России XIX в. Но я тоже не берусь дать "сколько-нибудь исчерпывающего решения" вопросов, поставленных в заголовке статьи. Моя задача – высказать по этим вопросам ОБЩИЕ соображения, которые мне представляются наиболее резонными, и рассмотреть в свете ленинского учения о революционной ситуации ряд КОНКРЕТНЫХ (из числа самых дискуссионных) сюжетов двух первых революционных ситуаций в России.

I

Начнем с того, что такое революционная ситуация вообще. Какой смысл вкладывается в это понятие и каковы его признаки? Казалось бы, такие вопросы ясны. Существует хрестоматийное, классически точное определение смысла и признаков революционной ситуации в статьях В.И. Ленина "Крах II Интернационала" и "Первое мая и война". Напомню вкратце три главных объективных признака, совокупность которых Ленин назвал революционной ситуацией: 1) "кризис "верхов", 2) "обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов", 3) "значительное повышение ... активности масс", их "экстраординарная активность"⁶.

Итак, первый из трех признаков, образующих понятие "революционная ситуация", – кризис "верхов". Это все (советские исследователи) признают. Но в том, что следует понимать под кризисом "верхов" и под самими "верхами", мнения расходятся. А.Я. Аврех полагает, что под "верхами" Ленин "разумел класс, господствующий ПОЛИТИЧЕСКИ", а не просто господствующий класс. Значит, в царской России буржуазию из этого понятия

ситуации в России. – История СССР, 1974, № 5; Красин Ю.А. Теория социалистической революции: ленинское наследие и современность. М., 1977; Революционная ситуация в России в середине XIX в. /Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1978; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов /Под ред. Б.С. Итенберга. М., 1983.

⁵ Вопросы истории КПСС, 1968, № 7, с. 120.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218–219, 379.

надо исключить, иначе "можно прийти к абсурдному выводу, что Февральская революция, уничтожившая указанные "верхи", привела к власти те же самые верхи"⁷.

Другие исследователи резонно не согласились с таким мнением. Во-первых, А.Я. Аврех здесь неточно определил исход Февральской революции: власть захватили тогда не "те же самые" "верхи", а иные, составлявшие как бы "низы" прежних "верхов". Ведь буржуазия (та, что пришла к власти в феврале 1917 г.), экономически гораздо более могущественная, чем дворянство, политически была, сравнительно с дворянством, маломогущей. Между тем класс, господствующий экономически (то есть буржуазия), после 1861 г. был не менее важным субъектом угнетения "низов", чем класс, политически господствующий, и, стало быть, неотъемлемым компонентом "верхов"⁸. Что же касается ушибы между буржуазией и дворянством, борьбы за власть между ними, то ведь это и есть проявление кризиса "верхов", неспособности их сохранить в неизменном виде свое господство — политическое и экономическое⁹.

В оценке кризиса "верхов" как признака революционной ситуации важнее (и труднее) всего для исследователя и политика определить его глубину, силу, зрелость. Опыт истории (в частности, первых двух революционных ситуаций в России) учит, что даже при крайнем смятении в верхнем этаже государственного здания нельзя считать этот признак вполне созревшим, ибо для революции необходим такой кризис "верхов", который "касается именно основ государственного устройства, а вовсе не каких-либо частных его, касается фундамента здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа"¹⁰.

Второй признак революционной ситуации — обострение, выше обычного, нужды и бедствий масс (так сказать, кризис "ни-

⁷ Аврех А.Я. Указ. соч., с. 40.

⁸ См. об этом: Лаврычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861—1900). М., 1974.

⁹ Конечно, здесь надо учитывать, что понятие "буржуазия" в пореформенной России неоднозначно. В.И. Ленин в 1912 г. различал "две буржуазии", противопоставляя узкому слою крупных торгово-промышленников и финансистов, как младшему партнеру дворян, компоненту "верхов", "очень широкий слой ... мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян", как силы революционно-демократической, компонента "низов" (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 241).

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 300—301.

зов") - А.Я. Аврех считал менее важным, чем первый и третий, сославшись для примера на то, что в 1913 УРОЖАЙНОМ году российские "низы" бедствовали меньше, нежели годом-двумя прежде, и тем не менее в России 1913 г. революционная ситуация была налицо¹¹. Оппоненты А.Я. Авреха оспорили (думается, справедливо) этот тезис, подчеркнув равнозначность всех признаков революционной ситуации - хотя бы потому, что лишь совокупно они образуют революционную ситуацию, отсутствие же любого из них ее исключает. Что же касается 1913 г., то он сам по себе не показателен. Гораздо важнее ТЕНДЕНЦИЯ к обострению нужды и бедствий масс, которая была очевидной в предыдущие годы и которую один, сравнительно благополучный 1913 г. не мог пресечь, тем более, что с 1914 г. бедствия масс вновь обострились¹².

Трудность выявления этого признака революционной ситуации заключается в критериях жизненного уровня масс: каковы должны быть критерии "обычного" и "выше обычного" состояния нужды и бедствий и на каком отрезке времени следует их фиксировать? Здесь надо считать определяющей именно тенденцию изменения жизненного уровня масс за ряд лет, а не однозначный показатель того или иного года, причем "не в физическом, а в социальном смысле"¹³, т.е. в сравнении с уровнем жизни господствующего класса.

Третий признак революционной ситуации (экстраординарная активность масс) настолько очевиден, что ни в дискуссии 1966-1968 гг., ни в специальной литературе не вызвал каких-либо споров. Только в последнее время Е.Г. Плимак и В.Г. Хорос сочли этот признак третьим лишним. "Как известно, - пишут они, - классическое ленинское определение включает два основных признака: "верхи" не могут, а "низы" не хотят жить по-старому"¹⁴. Такой вывод похож на недоразумение. В.И. Ленин в разное время действительно акцентировал формулу "вер-

¹¹ Аврех А.Я. Указ. соч., с. 39. О революционной ситуации в России летом 1913 г. см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 301.

¹² См. об этом: Черменский Е.Д. К вопросу о ленинской концепции революционной ситуации. - Вопросы истории КПСС, 1967, № 7, с. 87; Титова Г.А., Егидес П.М. Диалектика объективного и субъективного в революционной ситуации. - Там же, 1968, № 3, с. 112-113.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 208.

¹⁴ Плимак Е.Г., Хорос В.Г. "Народная воля": история и современность. - Вопросы философии, 1981, № 5, с. 102.

хи не могут - "низы" не хотят" как часть целого¹⁵, но это ни в коей мере не расходится с тем, что вообще "классическое ленинское определение" революционной ситуации (цитированное выше) включает в себя не два, а три основных признака - в обязательной их совокупности.

2

Совокупность всех трех признаков, т.е. понятие "революционная ситуация" в целом, разноречиво соотносится в нашей литературе с такими понятиями, как "политический кризис", "революционный кризис", "общенациональный кризис". Одни авторы считают, что понятие "революционный кризис" тождественно понятию "революционная ситуация"¹⁶. Другие судят иначе: "Ленинские понятия "революционный" или (что то же самое) "общенациональный" кризис тождественны с понятием "непосредственно-революционная ситуация" в смысле высшей фазы революционной ситуации как таковой"¹⁷.

Между тем, внимательно присмотревшись к тому, как Ленин употреблял понятия "политический кризис", "революционный" и "общенациональный" кризисы, можно заметить, что каждое из них имеет особый оттенок значимости и ни одно не отождествляется с понятием "революционная ситуация". Так, "революционный кризис" Ленин считал разновидностью "политического кризиса", наряду и в отличие от другой его разновидности - "конституционного кризиса": "В чем сущность разницы между конституционным и революционным кризисом? В том, что первый может быть разрешен на почве данных основных законов и порядков государства, второй же требует ломки этих законов и крепостнических порядков"¹⁸.

Как разновидность "политического кризиса" "революционный кризис" - понятие более широкое и менее конкретное, чем "революционная ситуация". Эта последняя складывается по мере углубления революционного кризиса, когда созреют все ее три объективных признака. "Общенациональный" же кризис включает

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 300; т. 41, с. 69-70.

¹⁶ См. об этом: Левинтов Н.Г. Некоторые аспекты ленинской теории революции. - Вопросы философии, 1966, № 4, с. 28.

¹⁷ Иванова Н.А. К вопросу о революционной ситуации. - Вопросы истории КПСС, 1966, № 12, с. 106.

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 86.

в себя всю совокупность объективных признаков революционной ситуации плюс СУБЪЕКТИВНЫЙ фактор, необходимый для перерастания революционной ситуации в революцию: "...революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса"¹⁹.

Вернемся теперь к ленинскому определению революционной ситуации в статье "Крах II Интернационала". "...не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство"²⁰.

Итак, совокупность объективных факторов обуславливает, по Ленину, ВОЗМОЖНОСТЬ революции. Перерастание же этой возможности в ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ зависит уже от фактора субъективного²¹. Отсюда самое важное и для ученого, и для политика в изучении революционной ситуации — это правильная оценка того момента, когда субъективный фактор, необходимый для перерастания революционной ситуации в революцию, можно считать созревшим, чтобы не выступить с призывом к революции преждевременно и не опоздать. Здесь особую важность приобретает вопрос о различных видах революционной ситуации, ее стадиях — общей и непосредственной.

В.И. Ленин не пользовался такими понятиями, как "общая" и "непосредственно-революционная ситуация". Оба они впервые были введены в научный и политический оборот XIV конференцией РКП(б) 1925 г.: "Следует различать между: а) революционной ситуацией вообще, б) непосредственно-революционной

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 70. Эту совокупность необходимых для революции объективных и субъективных условий Ленин назвал здесь (с. 69) "основным законом революции".

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

²¹ Разумеется, между объективным и субъективным на пути от революционной ситуации к революции существует неразрывная связь и взаимопроникновение. "Уже само наличие революционной ситуации предполагает довольно высокий уровень политической активности масс, а, следовательно, определенный минимум зрелости субъективных условий революции" (Красин Ю.А. Ленин, революция, современность. М., 1967, с. 225).

ситуацией и в) прямой революцией²². Мнения на этот счет наших историков разделились. Одни (Е.Д. Черменский, Б.П. Кондратьев, В.В. Варлашкин, Е.Ф. Ерыкалов, И.С. Миллер) считают, что расчленять понятие "революционная ситуация" неправомерно, — главным образом потому, что этого не делал Ленин²³. Другие (А.Я. Аврех, Р.Н. Блум, Г.А. Титова, П.М. Егидес, Н.А. Иванова) признают целесообразным и полезным употребление двух понятий "революционная ситуация", хотя вкладывают в них разное содержание.

По-моему, наиболее убедительна здесь точка зрения Р.Н. Блума, который рассматривает общую и непосредственно-революционную ситуацию как две фазы назревания революции, из которых вторая, высшая, отличается от первой "существенным обострением кризиса верхов", а главное, "переходом от революционных настроений к революционным действиям"²⁴. В принципе, такова же позиция Г.А. Титовой, П.М. Егидеса²⁵ и А.Я. Авреха. Думается, однако, что А.Я. Аврех слишком широко толкует общую революционную ситуацию, полагая, что она сохранялась в России "все начало XX в., вплоть до 1917 г.", включая время столыпинской реакции²⁶. Первые же революционные ситуации в России (1859—1861 и 1879—1881 гг.), по его мнению, были только общими, без непосредственно-революционной фазы²⁷.

Соглашаясь в основном с точкой зрения Р.Н. Блума, я нахожу возможным несколько конкретизировать понятие непосредственно-революционной ситуации как восходящей фазы револю-

²² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.—8-е изд. М., 1970, т. 3 (1924—1927). с. 208.

²³ Черменский Е.Д. Указ. соч., с. 90—91; Кондратьев Б.П. К вопросу о непосредственно-революционной ситуации и о категории общенационального кризиса. — Вопросы истории КПСС, 1967, № 6, с. 103—104; Варлашкин В.В. К вопросу о революционной ситуации. — Там же, 1968, № 4, с. III; Ерыкалов Е.Ф. В.И. Ленин о революционной ситуации и основном законе революции. — В кн.: Идеи Ленина живут и побеждают. Л., 1970, с. 37; Миллер И.С. О некоторых проблемах..., с. 37.

²⁴ Блум Р.Н. Объективное и субъективное в революционной ситуации. — Уч. зап. Тарт. ун-та, 1966, вып. 187, с. 98.

²⁵ Титова Г.А., Егидес П.М. Указ. соч., с. 110.

²⁶ Аврех А.Я. Указ. соч., с. 38.

²⁷ Там же, с. 35.

ционного кризиса, на которой вполне определенно складываются, проявляются и достигают кульминационного напряжения все объективные признаки революционной ситуации. В этом смысле термин "непосредственно-революционная ситуация" применяется далее и к России XIX в.

3

Конкретная история революционных ситуаций в России изобилует спорными вопросами. Остро дискусируются, например, хронология и периодизация, компоненты (включая решающий фактор), итоги первой и особенно второй революционных ситуаций.

В статье В.И. Ленина "Крах II Интернационала" о первой из них сказано, что она "была ... в 1859-1861 годах"²⁸. Между тем, ранее, в статье "Гонители земства и Аннибалы либерализма" Ленин называл в ряду компонентов первой революционной ситуации такие (к примеру, выступление мировых посредников Тверской губернии), которые выходят за рамки 1861 г.²⁹ Это обстоятельство озадачивает специалистов и побуждает их осторожноничать в датировке первой революционной ситуации. Акад. М.В. Нечкина пользуется такими определениями: "революционная ситуация в исходе 50-х - начале 60-х годов XIX в.", "революционная ситуация конца 50-х - начала 60-х годов XIX в.", "революционная ситуация в середине XIX в." (именно так названа коллективная монография о первой революционной ситуации под ред. М.В. Нечкиной)³⁰.

Когда же возникает необходимость конкретно датировать первую революционную ситуацию, начинаются споры. И.С. Миллер резонно подчеркнул: в статье "Крах II Интернационала" В.И. Ленин "констатирует, что в 1859-1861 гг. в России была революционная ситуация, но не говорит, что она только этими годами ограничивалась"³¹. Однако попытки И.С. Миллера отнестись начало революционной ситуации к 1854 г.³² (Е.Л. Руд-

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 29-30.

³⁰ Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978, с. 7, 9, 12. На с. 15 здесь датированы "три волны" первой революционной ситуации: 1859-1861, 1862 и 1863 гг.

³¹ Миллер И.С. О некоторых проблемах..., с. 40.

³² Там же, с. 41-42.

ницей и А.Ф. Смирнова - к 1856³³, Н.Г. Сладкевича - к 1855³⁴, А.З. Бараболя - даже к 1848³⁵) бездоказательны. Конечно, Крымская война 1853-1856 гг. сыграла стимулирующую роль в возникновении революционной ситуации, ускорив ее приближение, но усматривать революционную ситуацию уже во время войны нет оснований.

Во-первых, по крайней мере, до 1857 г. и кризис "верхов" еще не проявился с должной отчетливостью, а главное, **ОТСУТСТВОВАЛ** такой признак революционной ситуации, как экстраординарная активность масс. Факты свидетельствуют, что в 1854-1856 гг. массовое движение оставалось на уровне предыдущих лет и только в 1857, особенно же в 1858 г., обозначился его подъем.

1850 - 61 волнение крестьян	1855 - 45
1851 - 60	1856 - 66
1852 - 68	1857 - 100
1853 - 59	1858 - 378 волнений ³⁶ .
1854 - 55	

В 1857 г. стал очевидным и кризис "верхов". Это засвидетельствовали царские рескрипты В.И. Назимову и другим губернаторам, а также создание 3 января 1857 г. Секретного комитета по крестьянскому делу (вскоре переименованного в Главный комитет), а вслед за ним - губернских комитетов. В том же 1857 г. А.И. Герцен и Н.П. Огарев начали издавать "Колокол", а Н.Г. Чернышевский - реорганизовывать (в журнал преимущественно политический) "Современник", критический отдел которого тогда же возглавил Н.А. Добролюбов. Все это позволяет заключить, что первая революционная ситуация в России (хотя бы и в общей форме, как преддверие, канун антиправи-

³³ Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. - В кн.: История СССР. М., 1962, с. 253.

²³ Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли в России в конце 50-х - начале 60-х гг. XIX в. Л., 1962, с. 271.

³⁵ Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1960, с. 29-30.

³⁶ Крестьянское движение в России в 1850-1856 гг.: Сборник документов. М., 1962, с. 732-733; Крестьянское движение в России в 1857 - мае 1861 гг. М., 1963, с. 736. Число волнений - главный, но, конечно, не единственный показатель недовольства и активности масс. Именно с 1857 г. офицеры корпуса жандармов начали фиксировать в своих донесениях "ПОВСЕМИСТНОЕ распространение (среди крестьян - Н.Т.) слухов о свободе" (Революционная ситуация в России в середине XIX в., с. 49).

тельствственного натиска) сложилась не раньше 1857 г.

Период непосредственно-революционной ситуации в тех условиях, очевидно, не выходил за пределы 1859-1861 гг., поскольку, с одной стороны, в 1859 г. число крестьянских волнений больше чем вдвое выросло по сравнению с 1858 г. (с 378 до 797, включая так называемые "трезвенные" бунты), а с другой стороны, в 1862 г. больше чем вдвое сократилось по сравнению с 1861 г. (с 1859 до 844)³⁷. Есть мнение, будто революционная ситуация развивалась тогда по восходящей линии до весны 1862 г., ибо сохранилась революционная перспектива³⁸. На мой взгляд, сохранение революционной перспективы - это признак не обязательно восходящей линии революционной ситуации, такая перспектива должна сохраняться какое-то время и на нисходящей линии. Если же революционной перспективы нет, то нет и революционной ситуации как таковой вообще. Между тем, в 1862-1863 гг. первая революционная ситуация продолжалась - в общей форме, по нисходящей - и была исчерпана лишь с подавлением восстаний в Польше, Литве, Белоруссии.

Споры вокруг второй революционной ситуации как исследовательской проблемы тоже начинаются с хронологии. Казалось бы, статья В.И. Ленина "Гонители земства и Амнибалы либерализма" снимает всякие сомнения на этот счет. Ленин здесь показал, что кульминационной вехой второй революционной ситуации было царубийство I марта 1881 г.: до тех пор царизм под натиском революционного лагеря и либеральной оппозиции колебался, и лишь после того как "революционеры исчерпали себя I-ым марта", а либералы ограничились "одними ходатайствами", реакция взяла верх, и "волна революционного приюба была отбита"³⁹. Более того, здесь же Ленин определил период с марта 1881 г. по май 1882 г. как "отступление правительства к прямой реакции" и назвал точную дату, когда это отступление закончилось: 30 мая 1882 г., день назначения главой правительства гр. Д.А. Толстого⁴⁰.

Отсюда, в полном согласии с фактами, можно заключить,

³⁷ Крестьянское движение в России в 1857 - мае 1862 гг., с. 736; Крестьянское движение в России в 1861-1869 гг.: Сборник документов. М., 1964, с. 798-800.

³⁸ Миллер И.С. О некоторых проблемах ..., с. 44.

³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 44-45.

⁴⁰ Там же, с. 46-47.

что 1879–1881 гг. (точнее, до 1 марта 1881 г.) – это время непосредственно-революционной ситуации, т.е. восходящая фаза революционного кризиса, а период с марта 1881 по май 1882 г. – время общей революционной ситуации в нисходящей фазе. Специалисты большей частью датируют вторую революционную ситуацию 1878–1882 гг.⁴¹, соотнося ее начало с кризисом "верхов", первым существенным проявлением которого явился созыв 31 марта 1878 г. Особого совещания по борьбе с "крамолой". Такая датировка приемлема, хотя и нуждается в уточнении: во-первых, спорной выглядит здесь начальная дата⁴², а главное, не разграничены восходящая и нисходящая фазы. Менее оправдана точка зрения тех историков (М.В. Нечкиной, И.Д. Ковальченко, И.В. Кузнецова и др.), которые ограничивают время второй революционной ситуации в России 1879–1880 годами⁴³. Станным образом отворачиваясь от "Гонителей земства и Аннибалов либерализма", они ссылаются на то, что именно так обозначил вторую революционную ситуацию В.И. Ленин в статье "Крах II Интернационала".

"Хотелось бы встретить, – пишет в связи с этим акад. М.В. Нечкина, – внимательный разбор того, почему Ленин, отлично знавший дату 1 марта 1881 г., не ввел этот год в предложенную им датировку революционной ситуации конца 70-х годов, точно обозначив ее 1879–1880 годами"⁴⁴. Этот вопрос решается просто. Как явствует из контекста статьи "Крах II Интернационала"⁴⁵, Ленин называл даты всех революционных си-

⁴¹ Хейфец М.И. Вторая революционная ситуация в России. М., 1963, с. 230–232; Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964, с. 475–478; Волк С.С. "Народная воля" (1879–1882). М.–Л., 1966, с. 63–64; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1983, с. 13, 533.

⁴² Можно признать 1878 г. началом ОБЩЕЙ революционной ситуации. Время же непосредственно-революционной ситуации точнее отсчитывать с 1879 г., когда вполне определенно проявились и кризис "верхов" (учреждение института временных военных генерал-губернаторов), и антигосударственная нацеленность революционного натиска (возникновение партии "Народная воля").

⁴³ Очерки истории СССР (1861–1904). М., 1960, с. 220; В.И. Ленин и историческая наука. М., 1968, с. 56; Кузнецов И.В. История СССР: Эпоха капитализма (1861–1917). М., 1971, с. 192; Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982, с. 168.

⁴⁴ Нечкина М.В. Ленинская концепция истории революционного движения в России. – Коммунист, 1970, № 7, с. 64.

⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

туаций в России (1859-1861, 1879-1880, 1905 гг.) НЕ ТОЧНО, а условно, датируя в каждом случае не всю протяженность революционной ситуации, а наиболее характерное и устойчивое ее выражение. При этом он учитывал, что в 1881 г. революционное движение развивалось по восходящей только первые месяцы, а после 1 марта оно уже "шло на убыль и падало"⁴⁶.

Попытки замкнуть в даты 1879-1880, будто бы "по Ленину", всю революционную ситуацию неосновательны. Для нас важно уяснить ленинский АНАЛИЗ второй революционной ситуации в "Гонителях земства ...", а не прятаться от него за ДАТЫ в "Крахе II Интернационала". Ведь в статье "Крахе II Интернационала" Ленин обозначил третью революционную ситуацию одним 1905 г. Нельзя же на этом основании заключить, что ни в 1904, ни в 1906-1907 гг. революционной ситуации в России не было!

4

Вопрос о компонентах революционной ситуации, ее движущих факторах применительно к 1859-1861 гг. не дискутируется. Слишком очевидно, что решающим фактором первой революционной ситуации являлось не революционно-демократическое (в то время еще крайне слабое), а массовое, почти исключительное крестьянское движение, достигшее вершины в 1861 г.: по числу и размаху крестьянских волнений 1861 г. в России вплоть до 1905 г. не имел себе равных - 1859 волнений, из которых 937 были подавлены лишь с применением войск⁴⁷. Именно крестьянское движение в первую очередь и предопределило тогда кризис "верхов".

В 1879-1881 гг. массовое движение было гораздо слабее, чем в 1859-1861 гг. Если тогда число волнений крестьян выразилось ежегодно в сотнях и даже тысячах, то теперь - лишь в десятках: 1879 г. - 43, 1880 - 17, 1881 - 58 волнений на всю Россию⁴⁸. Отсюда вовсе не следует, что в 1879-1881 гг. "экстраординарной активности масс не наблюдалось"⁴⁹. Активность крестьянства на рубеже 70-80 годов определялась не

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 123.

⁴⁷ См. сноску 36.

⁴⁸ Анфимов А.М. Крестьянское движение в России во второй половине XIX в. - Вопросы истории, 1973, № 5, с. 23, 36.

⁴⁹ Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Указ. соч., с. 102.

только числом волнений (тоже относительно возросшим⁵⁰), но и его повсеместным, опасным для "верхов" брожением, вследствие повальных слухов о переделе барских земель, а главное, беспрестанного воздействия на крестьян со стороны общероссийской революционной организации, каковой не было в России 1859-1861 гг.⁵¹

Мало того, к концу 70-х годов в России начался подъем рабочего движения, которое представило собой качественно новый (сравнительно с 1859-1861 гг.) фактор революционной ситуации, потенциально еще более угрожающий для царизма, чем волнения крестьян. Но по крайней мере до середины 80-х годов размах и воздействие рабочего движения на политику "верхов" оставались еще слабыми, о чем свидетельствуют и данные о количестве выступлений рабочих (стачек и волнений) по стране в целом: 1879 г. - 60, 1880 - 33, 1881 - 27⁵².

Между тем, кризис "верхов" в 1879-1881 гг. оказался сильнее, чем в 1859-1861 гг. Такой паники в "верхах", как на рубеже 70-80-х годов, когда страна была расчленена на шесть проконсульств (временных военных генерал-губернаторств) и "объявлена в осадном положении"⁵³, придворная знать кликушествовала от страха⁵⁴, министры мрачно констатировали "марш власти" и предрекали скорую гибель собственному режиму⁵⁵, один царь был убит, а другой бросил столицу и укрылся в предместном замке, где и прозябал, как "военнопленный революции"⁵⁶, - такого Россия вообще не знала ни раньше, ни

⁵⁰ В 1876 г. было 32 крестьянских волнения, в 1877 - 21, в 1878 - 34 (см.: Анфимов А.М. Указ. соч., с. 23).

⁵¹ См.: Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60-70-е гг. XIX в.). Л., 1972, с. 119-121.

⁵² Рабочее движение в России в XIX в.: Документы и материалы. М., 1950, т. 2, ч. I, с. 45-56.

⁵³ Милютин Д.А. Дневник. М., 1950, т. 3, с. 187.

⁵⁴ "Страшное чувство овладело нами, - плакался в феврале 1880 г. наследник престола, будущий Александр III. - "Что нам делать?" (ЦГАОР, ф. 677, оп. I, д. 79, л. 320). "Все ошалело окончательно, потеряли голову", - сокрушался в те же дни вел. кн. Константин Константинович (цит. по: Зайончковский П.А. Указ. соч., с. 148).

⁵⁵ Так оценивали положение дел в России 1879-1881 гг. К.П. Победоносцев, П.А. Валуев, И.А. Шестаков и др. Подробно см.: Троицкий Н.А. "Народная воля" перед царским судом. - 2-е изд. Саратов, 1983, с. 38-42.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305.

позже, вплоть до 1905 г.⁵⁷ К 1861 г. ВПЕРВЫЕ в истории русского освободительного движения на повестку дня встал вопрос о судьбе самодержавия, которому, как заметил тогда же Ф. Энгельс, пришлось "уже подумывать о возможности капитуляции и о ее условиях"⁵⁸. Если в 1861 г. царизм решал задачу "уступить и остаться", то теперь оказался перед дилеммой "быть или не быть?"

Итак, во второй революционной ситуации массовое движение было слабее, чем в первой, а кризис "верхов" — сильнее. Отсюда напрашивается вывод: кризис самодержавия 1879—1881 гг. был вызван не столько массовым движением, сколько борьбой революционной партии (главным образом, "Народной воли"), которая выражала интересы масс. Такой вывод первыми сделали еще великие современники "Народной воли" К. Маркс и Ф. Энгельс⁵⁹. Позднее к такому же выводу пришел В.И. Ленин, сказав о борьбе народолюбцев с царизмом буквально следующее: "Благодаря этой борьбе и только благодаря ей, положение дел еще раз (после 1861 г. — Н.Т.) изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки"⁶⁰. Ряд новейших исследований лишь подтвердил колоссальным фактическим материалом точку зрения Маркса, Энгельса, Ленина.

Тем не менее, в нашей литературе бытует расхожий взгляд о том, что "Народная воля" не только не была решающим фактором второй революционной ситуации, но и вообще являла собой уже "нисходящий этап" народнического движения⁶¹. Такой взгляд идет вразрез с логикой истории второй революционной ситуации. Ведь если считать народолюбчество нисходящим этапом революционно-демократической борьбы и учитывать, что

⁵⁷ Кризис "верхов" 1879—1881 гг. впечатляюще обрисован в трудах П.А. Зайончковского, М.И. Хейфеца, Ю.Б. Соловьева. См. также мою книгу "Безумство храбрых" (М., 1978, гл. 3).

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 451. Курсив мой. — Н.Т.

⁵⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 449; т. 35, с. 234; т. 36, с. 105.

⁶⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 39. Курсив мой. — Н.Т.

⁶¹ Ионова Г.И., Смирнов А.Ф. Революционные демократы и народники. — История СССР, 1961, № 5, с. 138—139; В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970, с. 81; Джакупова Н.В. Мемуары как источник для изучения организационной сплоченности революционеров-разночинцев 1870-х гг. — История СССР, 1984, № 1, с. 95.

борьба рабочих и крестьян даже в момент ее относительного подъема на рубеже 70-80-х годов оставалась еще слабой, то как объяснить, из чего сложился в 1879-1881 гг. (как раз в годы "Народной воли"!) революционный натиск? Почему вдруг царизм именно тогда стал подумывать о возможности капитуляции? И перед кем?

Факты, документы свидетельствуют: трагедия "Народной воли" заключалась не в ее ущербности, а в исторической ограниченности условий, которые ее окружали, прежде всего - в слабости массового движения, в отсутствии революционного КЛАС-СА, способного поднять массы и повести их за собой. Именно слабость массового движения, с одной стороны, объективно выдвигала тогда революционную ПАРТИЮ (народовольцев) на первый план как решающую силу, а с другой стороны, обрекала ее, лишенную поддержки масс, на поражение. Как партия "Народная воля" сделала в тех условиях максимум возможного, но побуждаемая логикой обстоятельств, она взяла на себя роль класса, взяла и - не осилила.

Уничжительная оценка "Народной воли" как субъекта второй революционной ситуации держится отнюдь не на фактах и документах, а, во-первых, на догматическом убеждении, исключавшем, чтобы народные массы даже временно, в конкретно-исторической обстановке, могли сыграть меньшую роль, нежели партия, хотя бы и выражающая интересы масс, и, во-вторых, на предубеждении против народовольческого террора. Догматикам здесь уместно было бы задуматься в следующее мудрое наблюдение: "История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, "хитрее", чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов"⁶². Добавлю от себя: и самые ортодоксальные историки. Что же касается народовольческого террора, то сегодняшние филиппики против него носят не столько исследовательский, сколько конъюнктурный характер.

Исследования и документальные публикации последних десятилетий уже опровергли ходячее представление о "Народной воле" как партии преимущественно террористической. Ни в программе ее, ни в практике террор не занимал главного места - просто он был на виду. Занималась им очень малая часть сил партии - Исполнительный комитет плюс полтора десятка рядовых

⁶² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 80.

народовольцев, известных нам поименно. Но тот же Исполнительный комитет и вся подведомственная ему многоотраслевая, невиданная до тех пор в России по масштабам и мощи, сеть революционных кружков (не менее 80-90 местных, 100-120 рабочих, 50 военных, 30-40 студенческих, 20-25 гимназических по всей стране от Гельсингфорса до Тифлиса и от Ревеля до Иркутска) вели активную пропагандистскую, агитационную, организаторскую деятельность во всех слоях населения⁶³. Именно в том, что народовольцы "постарались привлечь к своей организации всех недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием", В.И. Ленин усматривал их "великую историческую заслугу"⁶⁴.

5

Итоги революционного подъема 1879-1881 гг. в сравнении с 1859-1861 гг. должным образом еще не исследованы. Поэтому время от времени в нашей литературе высказываются поверхностные суждения о том, что если первая революционная ситуация "завершилась крестьянской реформой", то вторая - "закончилась победой реакции"⁶⁵. Такой взгляд не оправдан ни логически (следуя этой логике, нельзя понять смысла революции 1905-1907 гг., поскольку она "закончилась победой реакции", еще более оголтелой, чем в 1880-х годах), ни конкретно-исторически. Во-первых, надо учитывать, что в 1879-1881 гг. революционная Россия шла ВПЕРЕД от рубежа, достигнутого в 1861 г., к новому рубежу, а именно к свержению самодержавия. Во-вторых, нельзя закрывать глаза и на то, что революционная ситуация 1879-1881 гг. вырвала у царизма много уступок в различных областях экономики, политики, культуры.

Наиболее крупными из них были уступки в крестьянском вопросе: упразднение временно-обязанного состояния крестьян, отмена подушной подати, понижение (в среднем почти на 30%) выкупных платежей, аннулирование 14 млн. руб. безнадеж-

⁶³ Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. "Народная воля" перед царским судом, с. 20-31.

⁶⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.

⁶⁵ Кузнецов И.В. Указ. соч., с. 192; К вопросу о смене общественно-экономических формаций и типах социальных революций. М., 1975, с. 186. О том же см.: Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978, с. 416-417.

ных недоимок, учреждение Крестьянского банка. В рабочем вопросе царизм вынужден был положить начало фабричному законодательству (1 июня 1882 г. вышел закон об ограничении детского труда и о введении фабричной инспекции). Из политических уступок, вырванных революционным натиском, царизм одни взял обратно (например, "конституцию" М.Т. Лорис-Меликова), но другие оставил: было ликвидировано III отделение, освобожден из Сибири Н.Г. Чернышевский. В области культуры примечательны отставка весной 1880 г. министра просвещения Д.А. Толстого и начавшийся пересмотр реакционнейших толстовских школьных правил, отмена 24 марта 1882 г. монополии императорских театров, воссоздание (с 1879 г.) грузинского и начало (с 1882 г.) украинского профессионального театра⁶⁶.

Но дело не в этих конкретных уступках. Дело в том, что революционная ситуация 1879-1881 гг., хотя и не переросла в революцию, непоправимо расшатала самодержавно-полукрепостнические устои. Главное же, в горниле второй революционной ситуации определилась новая расстановка классовых сил (с выдвижением на первый план рабочего класса), осуществилась итоговая проверка народнической доктрины, сделавшая необходимым переход от народничества к марксизму⁶⁷, и, таким образом, стали, как никогда прежде, РЕАЛЬНЫМИ перспективы вызревания русской революции - сначала буржуазно-демократической, а затем и социалистической.

Эти итоги второй революционной ситуации в России обрели выдающееся не только национальное, но и международное значение, поскольку Запад после гибели Парижской Коммуны вступил в период, отличавшийся, по определению В.И. Ленина, "мирным характером, отсутствием революций"⁶⁸. Именно на гребне революционного подъема 1879-1881 гг. наша страна впервые стала выдвигаться в авангард мирового революционного

⁶⁶ См.: Россия в революционной ситуации на рубеже 1870-1880-х годов, с. 118, 193-194, 443, 446 и др.

⁶⁷ Народничество не могло до конца обнаружить свою несостоятельность, прежде чем был отбит революционный натиск 1879-1881 гг., который развивался под народническим знаменем. С другой стороны, марксизм не мог распространиться в России раньше, чем созрели необходимые для этого предпосылки. В начале 80-х годов одно совпало с другим: вторая революционная ситуация была исчерпана в то время, когда уже оказались налично предпосылки для распространения марксизма.

⁶⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 2.

процесса. Уже в январе 1882 г. К. Маркс и Ф. Энгельс заявили: "Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе"⁶⁹.

---

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 305.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ

В.С. Рахманин

Революционная ситуация, будучи совокупностью объективных перемен в классовых отношениях, характеризуется глубокими, качественными сдвигами в общественной психологии. "Всякая революция, - писал В.И. Ленин, - означает крутой перелом в жизни громадных масс народа. Если не назрел такой перелом, то настоящей революции быть не может"¹. Марксизм-ленинизм отличается научным подходом к динамике общественной психологии. Однако ненаучно определять революционную ситуацию без учета кризисных сдвигов в общественной психологии и делать вывод о ее наличии по настроениям отдельных социальных слоев.

Общенациональный кризис характеризуется необычной, чрезвычайной напряженностью всей системы общественных отношений. Эта напряженность имеет не только экономическое и политическое содержание, но и психологическую динамику. Она охватывает как кризис "верхов", так и кризис "низов" в их взаимосвязи.

Прежде всего общенациональный кризис разворачивается как процесс нарастающей неспособности правящего эксплуататорского класса, а не отдельной его политической группировки, контролировать ход событий, регулировать социальные конфликты. Кризис "верхов" обычно усматривают в кризисе методов классового господства или - еще уже - способов правления. С точки зрения социальной психологии эти явления и процесс намного сложнее.

Бесспорно, кризис методов господства - серьезнейший признак неспособности господствующего класса управлять по-старому. Но дело не только в методах. Их арсенал у буржуазии достаточно разнообразен: от грубо репрессивных до изощренных методов манипуляции сознанием и поведением широких масс. В современных условиях государственно-монополистическому капи-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 55.

талу часто приходится переходить от одних методов к другим.

Общенациональный кризис отличается именно неспособностью господствующего класса жить и управлять так, чтобы оставить свои политические и экономические позиции незатронутыми могучим стремлением трудящихся к коренным общественным переменам. В этой обстановке наступает частичный или полный паралич его властной воли.

В.И. Ленин, анализируя многообразные революционные ситуации, давал многоцветную картину кризиса "верхов". Суммируя свои взгляды в книге "Детская болезнь "левизны" в коммунизме", он обращал внимание на такие явления: 1) не простой правительственный кризис правящего класса, а втягивающий "в политику самые отсталые массы"²; 2) резкое обострение политических противоречий внутри господствующего класса, открытое выявление конфликтов между различными его группировками, их истощение взаимной борьбой, "которая им не по силам"³; 3) невозможность господствующего класса жить и управлять по-старому, кризис институтов его власти; 4) чрезвычайное, экстраординарное обострение взаимоотношений "верхов" с "низами", массовый кризис доверия "низов" к "верхам"; 5) разрушение социально-психологической опоры господства эксплуататорского класса.

В.И. Ленин указывал, что политический кризис общенационального масштаба — это "кризис такой, который касается именно основ государственного устройства, а вовсе не каких-либо частностей его, касается фундамента здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа"⁴. Общенациональный кризис характеризуется потрясением всего политического режима. Потрясение политического режима, вызванное и усиливаемое массовыми выступлениями трудящихся, порождает смятение и растерянность в "верхах", лихорадочную сумятицу принимаемых решений, прогрессирующую неуверенность в эффективности сменяемых политических курсов, обострение конфликтов между различными политическими группировками и даже слоями господствующего класса. Неспособность контролировать события — серьезный показатель расстройтва государственной структуры и политической системы. Стремительно подтачивается

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 70.

³ Там же, с. 79.

⁴ Там же, т. 23, с. 300-301.

и разрушается психология законности существующей системы власти не только в сознании возмущенных масс, но и даже у части правящего класса. Нарастающее ощущение, сознание политического банкротства создают чрезвычайно нервную обстановку и напряженность в "верхах".

Атмосфера разлада механизма управления, утрата способности эффективно воздействовать на массы, кризис власти формируются не сразу. Это — исторический процесс, который чаще всего идет трудно, прерывается порой попытками эксплуататорского класса перегруппироваться, сменить методы господства, а также сопровождается неравномерностью нарастания и проявления энергии и сознания революционных масс. Не всегда общенациональный кризис "верхов" дозревает до их полного краха. Для него характерна своя психодинамика. Можно с некоторой степенью огрубления выделить в ней несколько специфических этапов.

Кризис "верхов" психологически начинается с колебаний относительно правильности избранного политического курса, с нарастающей неуверенности в нем. В центре колебаний и сомнений — проблемы политического обеспечения социально-экономических (в конечном итоге) интересов господствующего класса, предотвращения возможностей антигосударственного взрыва социального недовольства трудящихся. Это обостряет разногласия и конфликты между различными группировками эксплуататорского класса и его правящих кругов.

Если при этом усиливается брожение в массах и растет революционный подъем, то психодинамика кризиса "верхов" поднимается на второй этап: политическая растерянность, смятенность. Наблюдаются попытки овладеть положением, изменив состав правительства ("министерская чехарда"), и осуществить перестройку госаппарата, провести реформы. Но если напор снизу возрастает, маневры "верхов" становятся неэффективными и в самом господствующем классе усиливается недовольство институтами власти. В.И. Ленин писал о ситуации в России в 1903 г., что господствующие классы все сделали для предотвращения кризиса и "должны были убедиться, что ничего не вышло. Отсюда всеобщее недовольство в стане самих помещиков и самой буржуазии"⁵. Каждое новое свидетельство банкротства "верхов" усиливает разложение политического режима, подрывает его социально-психологическую базу, т.е. бессознательно

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 329.

доверчивое или конформное отношение к нему широких социальных слоев. Растерянность и смятенность, будучи признаком бессилия, — это еще не полная потеря государственной и политической силы господствующим классом.

Третий психологический этап кризиса "верхов" — полный паралич власти, всеохватывающая дезорганизация не только способности контролировать события, но и сохранить в своих руках основное политическое орудие своего господства — государство. Этот этап связан с распадом массовой социальной базы, на которую обычно опираются "верхи", с отходом от них союзников, с разрушением той бессознательной доверчивости или конформного отношения к государству, к "верхам", на которую всегда психологически рассчитывает и опирается эксплуататорский класс. Идейный и политический разброд в правящих кругах достигает наивысшей точки, такого состояния, когда ни одна из конфликтующих группировок не в состоянии сплотиться на своей платформе хотя бы относительное большинство, чтобы попытаться стабилизировать положение. Существенным признаком этого этапа является "полный моральный и политический крах старого... правительства"⁶. В.И. Ленин считал такой крах одним из важнейших непосредственных условий решительной борьбы революционного класса за власть.

Психодинамика кризиса "верхов" может застопориться на любом этапе. Если революционная энергия масс не возбуждается с достаточной интенсивностью или масштабы ее проявления не носят общенационального характера, "верхи" вновь могут обрести уверенность в себе, укрепить институты власти и тем самым приостановить углубление кризиса.

Неотъемлемой частью общенационального кризиса является нежелание "низов" жить по-старому. В.И. Ленин не случайно употреблял выражение "низы не хотят жить по-старому"⁷. Оно имеет глубокий психологический смысл.

Классовый конфликт — объективно существенная черта взаимоотношений "низов" и "верхов" в антагонистическом обществе. Трудящиеся всегда так или иначе борются против эксплуатации, выявляют недовольство своим положением, стремятся к его улучшению. Но массы не всегда воспринимают объективный социальный антагонизм как классовый конфликт, разрешение кото-

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 337.

⁷ Там же, т. 41, с. 69.

рого требует низвержения политического господства "верхов". Для того, чтобы объективный антагонизм воспринимался как классовый конфликт необходим определенный сдвиг в психологии трудящихся масс. Без такого сдвига объективное обострение социальных антагонизмов может тяжело переживаться массами, вызывать даже рост недовольства, и тем не менее не восприниматься как нестерпимый классовый конфликт.

При анализе общественно-психологической атмосферы в докризисный период В.И. Ленин часто употреблял выражения "политическая спячка", "дремлющее сознание". Он указывал, что "при несознательных, сонных, нерешительных массах никакие изменения к лучшему невозможны"⁸. Говоря об острой кризисной ситуации в Европе, сложившейся накануне II Конгресса Коминтерна, В.И. Ленин указывал, что задача сознательного авангарда заключается в том, чтобы уметь подвести к новому положению широкие массы, "теперь еще в большинстве случаев спящие, апатичные, рутинные, косные, не пробужденные"⁹.

Политические позиции и поведение народных масс не автоматически и не однозначно определяются их социально-экономическим положением и объективной остротой классовых антагонизмов. Нередко аналогичные по своему объективному содержанию явления (например, экономические кризисы) воспринимаются трудящимися в одних странах как значительное бедствие, оцениваются в классовых категориях и вызывают в них революционное возбуждение, а в других - рассматриваются как нечто заурядное, будничное, стимулируют не рост негодования и политических выступлений, а даже снижение социальных притязаний. Направленность и тональность стимулирующего воздействия объективного фактора на общественные настроения зависит от того, какое значение ему придает массовое сознание, какое место займет он в системе мотивов социального поведения рабочего класса, крестьянства, городской мелкой буржуазии и других слоев трудового населения.

Конформно-реформистская оценка объективного социально-классового антагонизма широкими слоями трудящихся является внутренней причиной того, что в докризисные периоды отсутствует такой психологический комплекс, который В.И. Ленин определил как нежелание масс жить по-старому.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 364-365.

⁹ Там же, т. 41, с. 78.

Исследователь психологии конфликта Л.А. Петровская отмечает: "Разрешение конфликта возможно, во-первых, за счет преобразования самой объективной конфликтной ситуации и, во-вторых, за счет преобразования образов ситуации, имеющих у сторон"¹⁰. Психологический способ состоит в создании, формировании и укоренении в массовом сознании такого образа объективной реальности, в котором заинтересованы классовые и политические силы, не желающие коренных перемен и стремящиеся укрепить свое господствующее положение. Политика и практика "социального партнерства" — только одно из средств психологического псевдорешения классовых конфликтов. Этим же целям превратной оценки классовых конфликтов может служить и шовинизм (переадресовка социального недовольства с классовых объектов на этнические), и нарочитое нагнетание внешней угрозы, и распространение реформистских иллюзий, возложение ответственности на жертву (за безработицу — на ... безработных), и многое другое. Вся система буржуазного воспитания, информационно-идеологического и политического господства капитала служит этим целям.

В последние десятилетия усиливается стремление буржуазных психологов и социологов анализировать демократические и революционные движения трудящихся с психотерапевтической точки зрения. Разрабатываются методы изменения поведения их участников, приведения их в соответствие с нормативными требованиями буржуазного общества¹¹. Американский психолог Дж. Наэм отмечает, что "поведенческие исследования в большинстве своем становятся своеобразной формой идеологии"¹². Они ориентированы на решение политических и идеологических проблем американского общества.

Образ объективной реальности имеет принципиальное значение для психического состояния субъектов социально-классовых отношений, для превращения объективного антагонизма в острый социально-психологический конфликт направленного классового и политического характера. Обстановка общенационального кризиса характеризуется массовым взломом привычных, устоявшихся

¹⁰ Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта. — В кн.: Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977, с. 135.

¹¹ См.: Рошин С. "Психополитика" и что за ней скрывается. — Коммунист, 1983, № 12.

¹² Наэм Дж. Психология и психиатрия в США. М., 1984, с.290

стереотипов социально-психологических отношений и поведения. Широкие народные массы стремятся к фактическому преобразованию социальной действительности, к устранению антагонизмов в объективных основаниях их бытия, к глубоким общественным преобразованиям. Рушатся представления о нормальности, законности экономического и политического порядка. Распадается доверчиво бессознательное и конформное отношение трудящихся к правящим кругам и в целом к эксплуататорским классам. Остро аффектировано актуализируются в мотивационной структуре поведения масс установки на социальную справедливость и потребность добиться ее. Социальное недовольство приобретает отчетливо выраженную классовую направленность. Падает авторитетность всех институтов власти и политических структур, противоречащих интересам масс и их стремлению самим вмешаться в политику. В динамике кризиса "низов", их нежелания жить по-старому выделяются три этапа: 1) глухое брожение и политическое оживление, 2) революционный подъем, 3) революционный натиск на всю систему господства эксплуататорского класса.¹³

Вопрос о причинах, факторах, путях и методах перехода масс от психологии политической пассивности, обиденного недовольства к психологии активной борьбы против власти и всего господства эксплуататоров — одна из самых важных проблем марксистско-ленинской теории революции, стратегии и тактики пролетарской партии. Без такого перехода, иногда стремительного и бурного, иногда трудного и медленного, общенациональный кризис, революционная ситуация не складываются и не углубляются.

Буржуазные социологи, политологи и социал-психологи извращают причины и действительное содержание тех фаз, периодов в истории, которые марксизм классифицирует как общенациональные кризисы и революционные ситуации. Однако их концепции претерпевают эволюцию. Если раньше они апеллировали только к таинственному взрыву темных сил, инстинктов, страстей толпы, то сегодня не редкость концепции, пытающиеся выявить социальные основания возбуждения психологии народных масс в революционные эпохи.

На резкое повышение напряженности в социальных отношениях как на одну из причин взрывоопасной политической актив-

¹³ См.: Рахманин В.С. В.И. Ленин о роли социально-психологического фактора в революционной борьбе. — Научный коммунизм, 1984, № 4.

ности масс указывал на международной конференции по проблемам либерализма в 1976 г. З. Бжезинский. "Мы живем в такое время, когда внезапное расширение народного политического сознания фундаментально изменяет способы восприятия политики и способы превращения политических ценностей в политические действия... Взятые вместе, эти изменения могут привести к глубоким нарушениям в политическом поведении, в социальных институтах и основных ценностях, вокруг которых формируются институты и действия"¹⁴. Д. Белл усматривает истоки интенсивного возмущения масс в росте притязаний на социальные ценности. "Революция растущих притязаний, - по его мнению, - одновременно является революцией растущих обид"¹⁵. Так как притязания обгоняют фактическое потребление, то нарастает недовольство, обиды, которые в известный момент достигают критического предела. Косвенно Д. Белл признает нарастающее недовольство в буржуазном обществе. Однако не вскрывает его социально-классовых норм, поэтому и революцию он сводит к актуализации чувства обиды.

Немало концепций пытаются объяснить критическое возмущение масс несовершенством управления социальными процессами. По мнению А. Фельдмана (США), революции "происходят из неудачного управления напряженными ситуациями"¹⁶. Д. Дэвис (США) считает, что революции "с наибольшей вероятностью случаются, когда продолжительный период объективно социально-экономического развития сменяется коротким периодом попятного движения"¹⁷. Революция, по его мнению, наступает в моменты резкого падения жизненного уровня после заметного роста потребления и потребительских экспектаций.

Один из ведущих социал-психологов США К. Боулдинг еще в начале 60-х гг. пытался анализировать процесс революции через категории теории игр. "Спокойные" периоды классовой борьбы при этом рассматривались им как "игры с положительной

¹⁴ The Relevance of Liberalism. Boulder (Cal.), 1978, p. IX.
Цит. по кн.: Гуревич П.С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980, с. 303.

¹⁵ Bell D. Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976, p. 183.

¹⁶ Eckstein H. (ed.) Internal War. Problems and Approaches. N. Y., 1964, p. 117.

¹⁷ Davis J. Toward a Theory of revolution. - American Sociological Review, vol. 27, February 1962, N I, p. 6.
Обстоятельная критика концепции Д. Дэвиса, как и многих других буржуазных теорий революции, дана Ю.А. Красиным в книге "Революцией уstraшенные": Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975.

суммой", т.е. как смесь конфликта и сотрудничества. Но когда потребности наталкиваются на ограничение возможности их удовлетворения, то наблюдаются "игры с отрицательной суммой", конфликт становится крайне острым и чреватым насильственной революцией. Чем ограниченнее возможности общества, тем вероятнее революции. "Чем беднее общество и дефицитнее предметы потребления, тем интенсивнее будут его конфликты"¹⁸, — утверждал К. Боулдинг. Бедных и богатых, нанимателя и продавца рабочей силы разъединяет, по его мнению, не противоположность экономических интересов (это можно было бы уладить), а "непонимание в области культуры"¹⁹, т.е. неумение понять друг друга, создать взаимоприемлемые образы (image) и принять взаимные позиции. В этом — психологический корень доведения конфликта до нестерпимой остроты.

В буржуазных концепциях нередко схватываются отдельные весьма реальные психологические феномены, обычно наблюдаемые в периоды общенациональных кризисов: обострение неудовлетворенных социальных притязаний, эффект фрустраций, аффектированность выступлений масс, конфликт политических установлений, норм и ценностей с желаниями трудящихся, снижение жизненного уровня и т.п. Однако при этом не раскрывается, а тщательно маскируется социально-классовая природа антагонизмов, лежащих в основе кризисных потрясений и революционного движения трудящихся. Не выявляется самое главное: сдвиг в общественной психологии, без которого нет общенационального кризиса, имеет не имманентно психологические, а социально-экономические классовые корни.

При изучении общенациональных кризисов методологически важно расчленять понятия факторов сдвига и поводов сдвига в общественной психологии, в сознании и поведении трудящихся. Факторы сдвига — это экономические, политические и духовно-культурные факторы обострения социально-классовых антагонизмов. Они поддаются научному анализу и теоретическому прогнозированию. Одним из важнейших факторов такого порядка является обострение выше обычного нужды, ухудшение экономического положения трудящихся. Этот фактор был предметом дискуссий среди марксистов²⁰.

¹⁸ Boulding K. Conflict and Defense: A General Theory. N.Y., 1963, p. 191.

¹⁹ Ibid, p. 211.

²⁰ См.: Аврех А.Я. О некоторых вопросах революционной ситуации. — Вопросы истории КПСС, 1966, № 5; Зародов К.И.

Марксизм-ленинизм всегда выступал против вульгаризаторской абсолютизации материального обнищания масс как фактора революционирования пролетариата и его союзников. Да и обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенного класса нельзя понимать только как прямое ухудшение его экономического положения. Вместе с тем нельзя недооценивать экономических нужд трудящихся при анализе факторов, создающих кризис "низов" и актуализирующих их нежелание жить по-старому. Революционные ситуации в XIX - в начале XX вв. складывались и формировались преимущественно на почве экономических (аграрных и промышленных) кризисов, в обстановке прямого обнищания, обострения материальных лишений народа.

Факторы, ведущие к общенациональному кризису и способствующие вызвать сдвиг в общественной психологии, конечно, ныне стали более сложными и многообразными. Но и сегодня сохраняет всю свою силу и истинность идея В.И. Ленина: "Революцию могут делать только массы,двигаемые глубокими экономическими нуждами"²¹.

Понятие нужды исторично. Оно может проявляться и как прямое материальное обнищание масс, значительное ухудшение их экономического положения. Это наблюдалось в ходе назревания общенациональных кризисов в России в начале XX в., в формировании европейских революционных ситуаций периода первой империалистической войны и в последующие годы, на Кубе в 50-х гг., в Иране во второй половине 70-х гг. Раскрывая условия общенационального кризиса, приведшего к апрельской революции 1974 г., португальские коммунисты отмечали: "Ухудшение экономического положения проявилось в снижении темпов и уровня сельскохозяйственного производства, росте дефицита торгового баланса..., во вспышке инфляции и в ухудшении условий жизни рабочих, крестьян, трудящихся классов в целом и даже некоторых слоев мелкой и средней буржуазии, что вызвало безработицу и массовую миграцию..."²².

Понятие нужды и бедствий нельзя замыкать сферой материального потребления. Его социальное содержание - это не только, а иногда не столько неудовлетворенность потребностей, но прежде всего растущая ненадежность, неустойчивость материального и социального обеспечения, зыбкость экономи-

---

Три революции в наше время. М., 1983, с. 84-86; Романов В.Ф. Абсолютное обнищание и источники революционности рабочего класса. - Рабочий класс и современный мир, 1979, № 4.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 238.

²² VIII съезд Португальской коммунистической партии. М., 1977, с. 85.

ческих оснований общественного бытия трудящихся, прогрессирующая интенсификация труда, углубление антигуманистических тенденций во всей системе государственно-монополистического капитализма. На психологию современных трудовых слоев в этой связи воздействует мощный научно-технический, экономический и социально-культурный потенциал современного общества. Одно дело, когда неудовлетворенность потребностей и экономическая необеспеченность, неустойчивость источников и средств существования возникают и развиваются в условиях ограниченных общественных возможностей. И совершенно иной психологический эффект возникает, когда трудящиеся чувствуют, если и не осознают отчетливо, что потенциал общества огромен, наука и техника открывают новые перспективы прогресса производительных сил, а необеспеченность, неустойчивость, зыбкость источников их собственного существования возрастают. Тут актуализируется не только психологический комплекс неутоленных потребностей и социальной лишенности, но и стремление в корне преобразовать всю систему общественных отношений в своих интересах. В.И. Ленин еще в конце прошлого века подчеркивал, что "растет нищета не в физическом, а в социальном смысле, т.е. в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс"²³. Эта тенденция значительно усилилась в конце XX в. и стала ведущей.

Для понимания психологической динамики кризисного возбуждения масс важно учитывать уровень и содержание притязаний трудящихся в экономической, политической и духовной сферах жизни. Если уровень притязаний низкий, а их содержание ограничивается интересами материального потребления, то даже в условиях сужения последнего классовая борьба пролетариата вполне может укладываться в рамки экономических требований, не представляющих особой угрозы буржуазии. Этим в немалой степени объясняется то, на первый взгляд, парадоксальное обстоятельство, что нередко в периоды острых экономических кризисов, например, начала 80-х гг., приводящих к резкому снижению жизненного уровня рабочих, к массовой безработице, тем не менее не наблюдается бурного и отчаянного возмущения масс ухудшением своего положения и политикой господствующего класса, а социальный протест не переклещивает рамки обычного забастовочного движения и узаконенных форм экономической

---

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 208.

борьбы. Психология масс революционизируется, когда уровень и содержание социальных притязаний превышает уровень и структуру достигнутого потребления, когда в них и через них актуализируются коренные классовые интересы трудящихся. Это зависит в первую очередь от развития классового сознания пролетариата, его культуры и горизонтов социального мышления.

Наряду с факторами сдвига в общественной психологии, порождающими общенациональные кризисы или ведущими к ним, следует выделить и поводы сдвига. В отличие от первых, поводы сдвига — это, как правило, конкретные действия властей, которые непосредственно взрывают стрессовые, до предела напряженные социальные отношения и представляют случай открыто вылиться народному возмущению и классово направленному протесту в политической форме. Это всегда та капля, которая переполняет чашу народного терпения и выплескивает гнев революционного класса из привычных берегов повседневного недовольства. Поводы сдвига фактически невозможно прогнозировать, тактико-стратегически программировать. В этом смысле В.И. Ленин указывал: "Революцию нельзя учесть, революцию нельзя предсказать, она является сама собой"²⁴.

Поводы сдвига сами по себе не обуславливают качественных изменений в общественной психологии. Но без них не бывает общенациональных кризисов, и массы не переходят к прямым революционным действиям.

Мелкобуржуазный революционаризм всегда опирался и опирается на концепции и тактико-стратегические установки искусственного стимулирования, провоцирования возбуждения масс с целью подтолкнуть их к общенациональному кризису. Левацко-анархистские группировки в последние десятилетия прибегали к различным "возбуждающим средствам": индивидуальный террор, крахи политических деятелей, военные и полувоенные путчи, экстремистские демонстрации, взрывы бомб и т.п. Такую тактику В.И. Ленин называл величайшей глупостью²⁵. Противопоставляя марксистское отношение к психологии масс эсеровской тактике ее волюнтаристского провоцирования ("эксциративного террора"), В.И. Ленин указывал, что надо не создавать искусственных поводов для возбуждения, а использовать, уметь брать в руки тот материал, который дает жизнь. "Мы считаем, — писал он в сентябре 1902 г., — способными иметь

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 69–70.

²⁵ См.: там же, т. II, с. 365.

действительно и серьезно "агитирующее" (возбуждающее), и не только возбуждающее, но (и это гораздо более важно) воспитывающее действие только событие, в котором действующим лицом является сама масса, которое порождается ее настроением, а не инсценируется "с специальной целью" той или иной организацией"²⁶.

Принципиальная непримлемость для марксистско-ленинской партии тактики искусственного возбуждения масс не означает игнорирования ни психологической проблемы мотивов массовых выступлений, ни важности инициативы политического авангарда пролетариата. Наоборот, В.И. Ленин учил коммунистов сложному и тонкому искусству анализировать действительные родники социального недовольства, народного гнева, уметь их объединять в единый поток, размывающий эксплуататорские устои общества и создающий атмосферы революционного возмущения и неудержимого стремления трудящихся вмешаться в дела государства и перестроить по-своему систему власти. Он указывал, что революционная партия "безусловно обязана использовать все и всяческие конфликты, разжигать их, расширять их значение, связывать с ними свою агитацию за революционные лозунги, нести весть об этих конфликтах в массы, побуждать их к самостоятельным и открытым выступлениям с своими собственными требованиями и т.д."²⁷

Марксизм-ленинизм всегда рассматривает процесс вызревания и развития общенациональных кризисов в единстве их объективных и субъективных обстоятельств и сдвигов в общественной психологии. Интенсивность и масштабность объективных перемен, классовая зрелость сознания пролетариата и его союзников, динамика массовых настроений обуславливают собой характер и темпы формирования и развертывания общенационального кризиса. Процесс вызревания общенационального кризиса может растягиваться на годы, может быть и очень стремительным, "внезапным". Кризис может не сформироваться до конца и даже затянуться, особенно если революционный класс не готов к решительным и целенаправленным действиям. Нельзя не учитывать и того, что "верхи" никогда не оставляют попыток сбить волну революционных настроений, стабилизировать положение, разрядить общенациональный кризис в свою пользу. Опыт 70-80-х гг. (Чили, Португалия, Сальвадор) показывает, что

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 60.

²⁷ Там же, т. I7, с. 281.

эксплуататорский класс, опираясь на поддержку международной реакции (прежде всего американского империализма) осуществляет "программированную тактику" предотвращения и, когда это не удастся, разрушения общенационального кризиса и перевода его в контрреволюционную ситуацию. Методы и формы такой тактики многообразны: дезорганизация экономики, нагнетание атмосферы страха и неуверенности, политическая дезинформация, создание обстановки идейной неразберихи, дискредитация революционных сил и ставка на их раскол, обещание и проведение частичных реформ, бонопартистская игра на противопоставлении различных слоев трудящихся друг другу, интервенция и т.д. и т.п. "Верхи" могут использовать и метод постепенной передвижки партийно-политических сил вправо (Португалия после ноября 1975 г.), и прямой контрреволюционный переворот фашистского или полуфашистского типа. При этом во всех случаях правые и реакционные силы стремятся вызвать в общественной психологии такой сдвиг, который позволил бы им так или иначе подорвать и разрушить опасное для эксплуататорского класса развертывание общенационального кризиса. Не всегда революционному классу удастся предотвратить такой сдвиг.

В.И. Ленин характеризовал общенациональные кризисы, независимо от темпов и особенностей их вызревания, как противоречивые, крайне напряженные и бурные периоды в жизни народа. "Тихих" общенациональных кризисов не бывает. Эмоциональная экспрессивность, взрыв страстей, экстраординарная политическая активность народных масс, неоднозначный характер сдвигов в общественной психологии и попытки "верхов" стабилизировать положение, открытое столкновение классовых интересов — все это в обстановке общенационального кризиса требует от революционного авангарда трудящихся политической выдержки, стратегической последовательности, тактической гибкости, умения не растеряться в динамике настроений, искусства целенаправленно влиять на массы, не допускать бессмысленной растраты их революционной энергии, собирать и концентрировать ее для решительных действий. В.И. Ленин учил коммунистов, что "твердая линия партии, ее непреклонная решимость тоже есть фактор настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты..."²⁸

Для марксистско-ленинской партии общественная психология народных масс — не поле политической игры и не объект соци-

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 411-412.

альных спекуляций. Она — условие и фактор революционной борьбы. Управлять ее динамикой в общенациональных кризисах — архисложная и сверхтрудная задача. Условием ее решения является укрепление и расширение связей партии с многообразными массовыми слоями рабочего класса, крестьянства, мелкой городской буржуазии, трудовой интеллигенции, умение своевременно и точно понять и выразить их устремления, придать им революционную направленность. Главное заключается в способности политического авангарда поднять сознание трудящихся на уровень революционных задач, научить их на собственном опыте борьбе за власть и вывести на такие позиции, которые позволили бы свергнуть "верхи" и установить господство рабочего класса и его союзников.

ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Г.Г. Водолазов

В начале статьи имеет смысл несколько подробнее и систематичнее остановиться на том, как вообще марксистско-ленинской теорией понимается суть, смысл, содержание процесса "слома" государственного аппарата. Об этом стоит сказать несколько подробнее, потому что здесь далеко не у всех, кто пишет по этим вопросам, имеется ясность.

Во-первых, о самих терминах "слом", "разбитие", "разрушение". Нередко с ними связывается представление об обязательной вооруженной борьбе; они кажутся абсолютно несовместимы с понятием "мирного пути революции". По-видимому, обыденному сознанию трудно представить себе "разбитие" в виде "мирного преобразования", тем более что процесс "слома" однозначно отождествляет обыденное сознание с той его формой, которая имела место в России в октябре 1917 г., то есть с формой вооруженной борьбы.

Между тем действительное содержание этого понятия, разработанное марксистской наукой, включает в себя возможность как вооруженных, так и невооруженных форм его реализации. Правда, тут подчас возникает искушение пойти не по пути разъяснения действительного содержания, стоящего за этими терминами, а по пути, который, на первый взгляд, выглядит более плодотворным, — по пути выработки новой терминологии. И рассуждают при этом примерно так. Поскольку вышеназванные представления обыденного сознания получили довольно широкое распространение, то не лучше ли, во избежание недоразумений, выработать для характеристики современных мирных форм преобразования государства какие-то новые термины, которые бы совершенно не ассоциировались с "вооруженным разрушением". Не "слом", не "разбитие", а, скажем, "качественные изменения", "преобразования", — сохраняя при этом за ними все богатство марксистского содержания. Подобно, например, тому, как отказались некоторые современные представители рабочего класса от термина "диктатура пролетариата" в пользу других терминов

("политическая власть рабочего класса и его союзников" и т.п.), мотивируя это тем, что в массовом сознании слово "диктатура" ассоциируется—де с недемократическими формами правления и необходимо с помощью нового термина подобную ассоциацию исключить.

Конечно, вопрос о термине — это второстепенный вопрос. Главное, разумеется, — содержание, стоящее за той или иной терминологией. И все же, думается, лучше строго держаться терминов, сложившихся в марксистской революционной науке. Лучше потратить время на их терпеливое и последовательное разъяснение, чем отбрасывать их, идя навстречу стереотипам и предрассудкам обыденного сознания. Сохранение строгой терминологии (в том, конечно, случае, если не произошло принципиального изменения содержания понятия) является обязательным условием содержательного развития теории. В трудные моменты развития практики и теории, в периоды появления больших зазоров между научным и обыденным сознанием марксистский теоретик не имеет права подлаживаться под обыденное сознание, не имеет права отказываться от нелегкой работы по сохранению и защите научной строгости марксизма, не боясь дешевых обвинений в догматизме со стороны всевозможных теоретических конформистов и прагматиков.

Вот почему мы за сохранение термина "диктатура пролетариата", понимаемого, разумеется, не на маоистский манер, а по-марксистски, — то есть как высшая форма демократического устройства общества, как демократическая форма союза рабочего класса и его союзников в борьбе против капитала.

Вот почему мы против трусливых уступок обыденному сознанию и прагматическому мышлению в отношении терминов "слом", "разбитие" и т.д. Не отбрасывать, не заменять их, ибо принципиальные моменты их содержания сохраняют и сегодня всю свою актуальность, а раскрывать богатство стоящего за ними содержания, показывать возникшие сегодня новые формы "слома", в особенности — преобладающие сегодня мирные формы.

Далее, мы хотели бы обратить внимание и на то, что раскрытие действительного богатства содержания, стоящего за понятием "слом", возможно лишь в полемике с упрощенческими и вульгарными его интерпретациями.

Так, неверно понимать "слом" как разрушение "всего и вся". Марксисты-ленинцы — не анархисты, стремящиеся к тотальному разрушению прошлого; они решительно отмежевываются от инициаторов всякого рода "культурных революций", в основе

которых, по сути, разрушение основ всей человеческой цивилизации. Марксисты, как известно, понимают отрицание диалектически, для них отрицание — не только преодоление, но и продолжение прошлого, сохранение всего ценного, что в этом "прошлом" было. Не "демократия" стремятся "разбить" марксисты-ленинцы, как их в том кое-кто пытается упрекать, а те формы, которые делают демократию неполной, ограниченной, урезанной.

Неверно также понимать "разбитие", "слом" как непременно "физическую" ликвидацию того или иного института. Слом может иметь место и тогда, когда сохраняется, так сказать, "материальный субстрат" того или другого аппарата, например, при "сохранении" аппарата, ведающего финансовыми делами. Неверно понимать слом и как простую политическую переориентацию прежних государственных институтов (осуществляющуюся под давлением правительства) — от служения буржуазии к выполнению задач, выдвигаемых пролетариатом. Но, пожалуй, наиболее распространенным типом неточного, упрощенного понимания вопроса является представление о сломах государственного аппарата как процессе смены социального состава служащих: на место выходцев из буржуазных и других привилегированных кругов должны прийти — де выходцы из рабочих и крестьян, которые и направят работу государственной машины против эксплуататорских сил к выгоде трудящихся.

Конечно, решительная чистка старого аппарата, замена определенной части прежнего чиновничества (в особенности верхушки) служащими, выходцами из пролетариата и крестьянства и других слоев трудящихся — процесс необходимый. Невозможно повернуть на решение новых задач государственный аппарат, в котором, как, например, в Португалии, после апрельской революции 1974 года, из 208 тысяч чиновников старого аппарата было уволено всего лишь 24 человека.

И все же в деле "слома" это хотя и важный, но не самый главный вопрос. А главное состоит не в смене лиц и социального состава работников "аппаратов", а в изменении самого типа учреждений. Одна только смена лиц при сохранении старого типа учреждений чревата весьма серьезными опасностями для победивших народных масс. Марксисты всегда решительно выступают против того, чтобы "новый класс командовал, управлял при помощи старой государственной машины", ибо в старых институтах, суть которых состоит в отрыве от масс, "должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращенными

ми, точнее говоря)" и "проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т.е. в оторванных от масс, в стоящих над массами привилегированных лиц"¹. Вот почему В.И. Ленин так настоятельно подчеркивал, что нужна не просто замена одних – буржуазных – государственных служащих другими – пролетарскими – государственными служащими, но "замена одних учреждений учреждениями иного рода"².

В чем же суть новизны учреждений подлинно демократического, пролетарского государства? В их принципиальное иное взаимоотношение с трудящимися, народными массами. В буржуазном государстве массы выступают, в лучшем случае, в качестве избирателей. Конечно, голосованием трудящиеся имеют возможность оказать некоторое влияние на состав правящих сил, на их политику (и в этом отношении, как отмечал В.И. Ленин, буржуазная демократия есть "громадный исторический прогресс по сравнению с феодализмом"³). Но, с одной стороны, экономические и политические условия буржуазного общества не позволяют посредством голосования выявить действительную волю народа, а с другой – избиратели лишены реальных форм контроля за деятельностью избранных представителей, возможного реального влияния на их деятельность. И таким образом на все время от выборов до выборов они отчуждают в пользу определенной политической элиты (опирающейся на рычаги правительственной власти) свое право распоряжаться своей собственной судьбой. Новое же государство призвано уничтожить это отчуждение, это "передоверие" управления. Новое государство – это такое, где народ правит сам, то есть где он создает такие формы управления, когда его избранные находятся под постоянным и действительным контролем масс, когда трудящиеся обладают правом (и реальной возможностью его применения) отзыва и смены своих избранных в любое время, когда сами государственные институты "открываются" для масс и становятся ареной их практической деятельности и вследствие этого перестают, по сути, быть "представительными" институтами, то есть институтами, лишь "представляющими" массы, лишь действующими "от их имени". "Новые учреждения" – это учреждения, открытые для народа и находящиеся под постоянным контролем народа. Это учреждения, когда "вместо особых учреждений привилегированного

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. II4–II5.

² Там же, с. 42.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 388.

меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии) само большинство может непосредственно выполнять это" (управление государством - Г.В.), когда "более всенародным становится само выполнение функций государственной власти"⁴, когда государственные должности перестают быть синекурой, "доходными местечками", когда государственный служащий получает зарплату, не превышающую средний заработок рабочего, когда силы общественного порядка и социального принуждения становятся организациями, в которых в той или иной форме принимает участие все население.

Переход от старого типа учреждений к новому и состоит, таким образом, в том, что "масса населения поднимается до самостоятельного участия не только в голосовании и выборах, но и в повседневном управлении"⁵.

В нашей революции таким государственным учреждением стали Советы - "непосредственная организация самих масс, облегчающая им возможность самим устраивать государство и управлять им"⁶.

Следует только сразу же оговориться, во избежание недоразумений, что, указывая на Советы как на конкретную форму реализации государства нового типа, В.И. Ленин обычно отнюдь не считал те или другие формы Советов в тот или другой период нашей революции законченным и воплощенным идеалом нового государства, новых учреждений. Он неоднократно указывал на чрезвычайную сложность и своеобразие условий, в которых развивалась российская революция. "Нам нужно громадное повышение культуры"⁷, - отмечал В.И. Ленин. Потому что "недостаточная культурность" препятствовала широким народным массам быстро взять в свои руки все рычаги государства и квалифицированно управлять ими, "недостаточная культурность" ограничивала возможность контроля снизу, "недостаточная культурность" масс вынуждала пролетарское государство обращаться за помощью по управлению политическими и экономическими процессами к буржуазным специалистам и части прежних чиновников (оплачивая их труд по ставкам, значительно превы-

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 43.

⁵ Там же, т. 33, с. 176.

⁶ Там же, т. 37, с. 257.

⁷ Там же, т. 44 с. 170.

шающим заработок рабочего) - все это сужало возможность Советов, тормозило развитие демократических начал, порождало элементы бюрократизма. "Советская власть не чудесный талисман, - писал В.И. Ленин. - Она не излечивает сразу от недостатков прошлого, от безграмотности, от некультурности, от наследия дикой войны, от наследия грабительского капитализма"⁸. И, думается, не случайно Владимир Ильич прибег к приведенной выше формулировке, что Советы - это организация, облегчающая трудящимся возможность самим устраивать государство и управлять им, но сама по себе отнюдь не гарантирующая это при любых условиях и обстоятельствах. Нужна целенаправленная деятельность, творческий поиск партии, всего авангарда трудящихся в течение длительного исторического периода, чтобы в полной мере реализовать идеал нового, пролетарского государства. На этом пути возможны зигзаги, отступления и ошибки. Тем более - у тех, кто идет первыми. Идущие за ними имеют возможность учиться на их опыте, избегая не оправдавших себя тех или иных конкретных шагов первопроходцев. Печально только, когда та или другая конкретная неудачная форма отождествляется с принципом и когда, вследствие неудачности тех или иных форм осуществления, отказываются от самого принципа, когда возникает стремление отбросить сам принцип, самую суть государства нового типа. Да, советская организация сама по себе не гарантирует быстрой и немедленной реализации идеала демократического устройства. Но она указывает верный путь и метод движения к этому идеалу, "она дает возможность (разрядка наша - Г.В.) подняться тем, кого угнетали, и самим брать все больше и больше в свои руки все управление производством"⁹. Вот почему, несмотря на громадные реально существовавшие и могущие возникнуть в будущем трудности, тем оптимистичнее звучит ленинский вывод: "Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому - верный, и потому - непобедимый"¹⁰.

Этим ленинским идеям демократизма, ставящим во главу угла историческую самодеятельность народных масс, остаются верными коммунистические партии и сегодня. *ВБ* всей своей

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 239.

⁹ Там же, с. 239.

¹⁰ Там же.

деятельности, — отмечает видный деятель компартии Финляндии С. Тойвиайнен, — коммунисты исходят из приоритета массового движения"¹¹. Французская компартия, как подчеркивалось на ее XXIV съезде, исходит из того, что главная революционная задача состоит в "обратном поглощении государственной власти обществом". Это предполагает преобразование отношений "между трудящимися и государством таким образом, чтобы они были не только выражением представительной власти, но и инструментом демократической жизни самих масс на всех уровнях"¹². И такого рода установки являются доминирующими сегодня в международном коммунистическом движении.

Как и во времена В.И. Ленина, коммунисты исходят из задачи превращения государства, стоящего над массами, в государство масс, из задачи, как выразился однажды С. Тойвиайнен, ввести массы в государство.

"Ввести массы в государство" — это и значит разбить прежнюю систему власти. Это было верно в начале XX века, это остается верным сегодня. Это — принципиальное положение марксизма.

Правда, в наше время появился ряд новых моментов (связанных с усилением демократических и пролетарских сил и отступлением капитализма и реакции на важных участках классовой борьбы), что требует выработки новых конкретных идей реализации этого принципа, этой задачи введения масс в государство. И в этом направлении теоретического поиска у многих компартий капиталистических стран уже имеются определенные позитивные завоевания. Ленинская позиция рассматривает народные массы как главный субъект исторического действия. И задача партийных политиков ленинского типа — не превращать массы в пьедестал для своей деятельности, рассматривать себя в качестве проводников и исполнителей воли народа. Раздвигать тесные рамки государственных учреждений, наполняя их деятельностью масс, их инициативой, создавая формы участия масс в работе государственных институтов, формы их контроля за деятельностью государственных чиновников. Быть с трудящимися, с народом всюду и всегда: вместе с ним входить в парламент, в правительство, в армию, создавая новые формы связи массы и ее избранников. И стимулы деятельности, и нити конт-

---

¹¹ Тойвиайнен С. Современный кризис и правительственный вопрос. М., 1978, с. 81.

¹² XXIV съезд Французской коммунистической партии. М., 1982, с. 77.

роля идут здесь в первую очередь, снизу вверх: не министры командуют парламентской фракцией и партией, а партия обязывает свою фракцию в парламенте и своих посланцев в правительстве проводить партийную линию. В свою очередь линия эта является выражением интересов рабочего класса и его союзников, перед которыми партия и несет свою историческую ответственность.

Иначе говоря, ленинская позиция требует вводить массы в государство. Такой ввод масс в государство может осуществляться как "фронтальной атакой", что было характерно для прошлых времен, так и постепенно, что более характерно для нынешних. Ленинизм не отрицает (особенно применительно к современным условиям) постепенность в разрушении прежнего государства и создании нового. Но понимает ее не как постепенное увеличение доли прогрессивных депутатов и чиновников в различных институтах власти, а как постепенное наполнение деятельностью масс государственных учреждений, как постепенное, поэтапное введение масс в государство; как последовательное установление контроля народа над деятельностью тех или иных государственных органов.

Каковы же конкретные пути и конкретные механизмы ввода масс в государство? Какие рекомендации дает здесь ленинизм, о чем говорит современный опыт?

Прежде всего отметим, что расширение возможности, а подчас и необходимости постепенного разрушения прежнего госаппарата связано с появлением ряда новых акцентов в содержании деятельности государства в современном буржуазном обществе. Ленин писал, что буржуазное государство выполняет функции палача и попа, то есть является инструментом политического давления и террора, направленного против трудящихся, а также институтом, затемняющим сознание масс.

Сегодня, преследуя свои интересы, буржуазия рядом с палачом ставит "бухгалтера" (или "экономиста"), в задачу которого входит выработка программы деятельности буржуазного класса, учитывающей определенные интересы (материальные и социальные) части трудящихся масс. Буржуазия стремится формировать вокруг себя достаточно широкие социальные союзы. Стратегии антимонополистической демократии она стремится противопоставить стратегию буржуазного консенсуса.

В связи с этим появился ряд новых моментов. Когда государство выступает в роли "палача", разрушающего или урезающего демократию, когда для прогрессивных сил перекрыты

все пути борьбы на арене государственных институтов, тогда коммунисты ставят резкий акцент на взрыве государства "извне". Когда расширяется функция "попа" (растут формы манипулирования общественным сознанием), тогда увеличивается значение деятельности и борьбы коммунистов внутри буржуазных государственных институтов; хотя характер этой борьбы по большей части критический, разоблачительный, где доминируют разоблачения ложных фальсификаторских, идеологических построений буржуазии, а также ведется пропаганда своих, коммунистических целей и принципов.

Когда же более весомой становится фигура "бухгалтера-экономиста", то делать ставку только на насилие нельзя, ибо правительство держится и поддержкой части масс (чьи интересы в той или иной степени учтены); нельзя ограничиваться и только критически-негативистской, разоблачительной деятельностью, ибо в буржуазном консенсусе действительно (а не только по утверждению "попов") удовлетворяются некоторые интересы части масс. Новизна в данном случае и состоит в том, что наряду с прежними формами деятельности и борьбы нужны конструктивные позитивные программы. То есть - конструктивные программы, альтернативные программам буржуазного консенсуса, программы, назначение которых - вырвать массы из под влияния буржуазии и. повести их за собой. Смысл конструктивности этих программ: подчеркнуть, что определившиеся уже интересы масс капитализм не может не удовлетворять, но удовлетворяет их однобоко, не полностью; нужно требовать их полного удовлетворения - за счет монополий, посредством ограничения действия капиталистических законов. Конструктивный - и одновременно революционный - характер подобных программ связан с выдвиганием таких требований, которые будучи практически осуществимы с сегодня на завтра, открывали бы в то же время перспективы дальнейших, все более глубоких преобразований, вплоть до тех, для осуществления которых требуется ликвидация капиталистических отношений.

И вот на основе этих конструктивных программ вполне возможно и даже необходимо завоевание рубежей внутри государства. И это - существенный элемент новизны ситуации. Однако важно далее дать точную и взвешенную оценку этой новизне.

Позиция же марксистов-ленинцев состоит в том, что нужно рассматривать массы не только как избирательный корпус, избирательную силу, но как силу, гарантирующую социальные преобразования. Опирается на массы, не только получая парла-

ментские мандаты, но и потом, получив мандаты. Врываться в государство вместе с массами; завоеывая рубежи внутри, опираться на массы вовне, которые в итоге перестают быть массами, находящимися "вовне", они становятся частью той политической силы, которая закрепляется внутри государственных институтов. Вспомним мысль Маркса о том, что пролетарское государство — это пролетариат, организованный в господствующий класс, это сам вооруженный народ и т.д. И пролетарские революционеры, отвоевывая часть государства, раскрывают его для масс, вводят массы в государство и тем самым создают зародыш новой, открытой массам государственности. Это уже иная государственность, здесь речь уже все больше идет не о государстве, стоящем над массами, а о государстве масс, не о государстве меньшинства, но о государстве большинства. Таким образом осуществляется процесс постепенного разрушения старого и строительства нового государства — революционного, демократического; и, добавим, разрушение, осуществляемое с помощью применения и нового, указанного выше средства — введения масс в государство.

А что нужно для того, чтобы трудящиеся массы были действительно гарантом демократических преобразований, чтобы они могли выступить в качестве силы, реально преграждающей путь реакционным попыткам, чтобы они могли реально "войти" в те или иные сферы государства и быть в них значимой величиной?

Революционный опыт прошлого подсказывает: они должны быть организованной политической силой. То есть должны быть созданы разнообразные организации народа вне институтов государственного аппарата. Они и смогут выступить опорными пунктами мобилизации масс в их борьбе за демократические преобразования и перестройку государства. Именно в "организации рабочих масс" В.И. Ленин видел "единственную гарантию" защиты и развития демократии¹³. Борясь после Февральской революции 1917 года за переход России к социализму, он постоянно выступает против аморфности, неорганизованности массового движения и указывает на необходимость создания "самочинных демократических организаций", различных "союзов" трудящихся, вообще "обсоюживания" населения¹⁴. В.И. Ленин с удовлетворением отмечал появление всякого рода "комитетов снабжения", "продовольственных комитетов", "совещаний по

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 208.

¹⁴ Там же, с. 183.

топливу"¹⁵; он призывал разворачивать "народную инициативу контроля через союзы служащих, через союзы рабочих, через все политические партии"¹⁶. Но вершину народного организационного творчества в революционные 1905-1907 и 1917 гг.: В.И. Ленин видел в Советах - организации, охватывающей "всех рабочих всех отраслей промышленности, затем всех солдат и все трудящееся и беднейшее сельское население"¹⁷. Советы были главными пунктами консолидации массовых сил, концентрации революционной энергии народа. "Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, - писал В.И. Ленин, - то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, то со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власть не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя"¹⁸. Вот какое громадное значение имели эти центры организации революционного народа.

В.И. Ленин видел во всех этих самодеятельных организациях трудящихся формы будущей, пролетарской государственности. Он решительно выступал за "превращение организаций угнетенного ея (буржуазией - Г.В.) класса в государственные организации"¹⁹. "Пролетарские организации, способные победить финансовый капитал, - снова и снова подчеркивал Владимир Ильич, - должны превращаться в государственные организации"²⁰.

И сегодня эти ленинские идеи не потеряли ни грана своей актуальности. Создавать политические организации масс вне сфер аппарата государства и стремиться к превращению их - быстрому или постепенному - в государственные организации - такова важная задача, возникающая в ходе современных преобразовательных процессов. Нужно только доверять инициативе масс, стимулировать ее - в направлении поиска форм и типов организаций, соответствующих особенностям современной эпохи, специфике этапов революционной борьбы, национальному своеобразию условий отдельных стран.

Исторический опыт свидетельствует: демократические рубежи, завоеванные левыми силами в современном буржуазном госу-

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 183.

¹⁶ Там же, с. 173.

¹⁷ Там же, с. 273.

¹⁸ Там же, т. 34, с. 305.

¹⁹ Там же, с. 270.

²⁰ Там же, с. 271.

дарстве, должны закрепляться поддержкой и охраной политических организаций масс. И, в первую очередь, на такие организации должны опираться демократические силы парламента и правительства. Нужно только отдавать себе ясный отчет в чрезвычайной важности поиска и в этом направлении, нужно искать и находить разнообразные организационные формы, наиболее точно отвечающие этапу социальной борьбы в той или другой стране и степени политической зрелости масс.

В этом ключе ведут сегодня свой поиск многие компартии капиталистических стран, выдвигая задачу "приблизить к народу центры принятия решений"²¹ и, с другой стороны, приблизить народ к этим центрам.

При этом коммунистические партии капиталистических стран стоят перед необходимостью постоянно и каждодневно решать объективное, диалектическое противоречие: быть партией данной политической системы, подчиняющейся главным законам и принципам ее функционирования, и одновременно — партией, разрушающей эту систему; быть партией, действующей и внутри данного государственного аппарата и одновременно вне его и против него; быть партией парламентской и одновременно — враждебной буржуазному парламентаризму; быть партией правительства (там, где коммунисты вошли в него) и "борьбы", то есть, по сути, быть партией правящей и оппозиционной — одновременно, партией конструктивных программ и сокрушающей критики. И это, действительно, диалектическое (т.е. содержательное, развивающее всю общественную жизнь) противоречие. Это противоречие — не свидетельство невозможности деятельности компартий (как это может показаться иному, диалектически неразвитому уму), а выражение тех реальных, непростых, но вполне разрешимых задач, решение которых одно только и может обеспечить социальный прогресс общества.

---

²¹ См.: XI съезд Коммунистической партии Греции. М., 1983, с. 61.

ОСНОВНОЙ ЗАКОН РЕВОЛЮЦИИ И ПРОБЛЕМА ДВОЕВЛАСТИЯ В СОВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Н.Г. Левинтов

В истории революций прошлого не раз встречались ситуации, которые определяются как двоевластие. Нам представляется, что одной из важных характеристик современного революционного процесса в капиталистических странах является возрастание в нем удельного веса и изменение исторического места двоевластия по сравнению с революциями прошлого. Об этом свидетельствует и опыт трех наиболее значительных революций последних лет — чилийской, португальской и иранской, особенно двух первых. Об этом говорит и тот факт, что в программах многих коммунистических партий капиталистических стран предусматривается возможность начала революции с частичного завоевания власти.

Проблема двоевластия в теории революции была поставлена К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1850 г. в знаменитом "Обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов" в связи с их концепцией непрерывного революционного процесса: последовательного отстранения от власти всех более или менее мнущих классов, вплоть до перехода государственной власти в руки пролетариата. По их мысли, этот переход должен быть подготовлен вооружением рабочих и созданием рабочих правительств, существующих наряду с буржуазно-демократическими органами власти¹.

Всесторонний анализ проблемы двоевластия и методология этого анализа содержатся в работах В.И. Ленина, посвященных периоду двоевластия в России после Февральской революции².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов. — Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 7, с. 261.

² См.: Ленин В.И. О двоевластии. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 145-148; Задачи пролетариата в нашей революции. — Там же, с. 151-183; Уроки кризиса. — Там же, с. 324-327. Кризис власти. — Там же, т. 32, с. 1-3. О твердой революционной власти. — Там же, с. 30-32. Исчезло ли двоевластие?. — Там же, с. 127-130. Где власть и где контр-

Развивая мысли Маркса и Энгельса, В.И. Ленин раскрыл историческое место и роль двоевластия в революционном процессе новой эпохи. "Двоевластие, - писал он, - выражает лишь тот переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до "чистой" диктатуры пролетариата и крестьянства"³.

Несомненно, что это не только характеристика конкретного случая двоевластия в России в 1917 г., но и раскрытие сущности и исторического места двоевластия в наступающую всемирную эпоху перехода от капитализма к социализму, когда решение общедемократических задач уже не вмещается в рамки обычных буржуазно-демократических революций, когда нельзя идти вперед, не ориентируясь на социализм.

Один из возможных путей современного революционного процесса в капиталистических странах, выводящий революцию за рамки буржуазно-демократической и ведущий к социализму, - путь антимонополистической демократии с использованием парламентских методов борьбы, прямо предполагает завоевание демократическими силами первоначально лишь части государственной власти, а значит и неизбежность периода двоевластия.

Именно об этом говорит опыт чилийской революции. Но и португальская революция, осуществленная иными методами, начавшаяся с вооруженного выступления военных, также поставила в центр борьбы проблему двоевластия, ибо и она вышла за рамки обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла до "чистой", по выражению Ленина, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. И в иранской революции складывались элементы двоевластия, связанные с созданием органов власти революционно-демократических сил, с их попытками ориентации иранской революции на путь, выводящий за рамки только антиимпериалистической и антимоноархической революции.

Таким образом, классовая сущность двоевластия в современную эпоху - это вопрос о том, останется ли страна, где идет революция, в рамках капитализма или будет продвигаться

революция? - Там же, с. 410-417. Классовый сдвиг. - Там же, с. 384-386. Политическое положение. - Там же, т. 34, с. 1-5. К лозунгам. - Там же, с. 10-17. О конституционных иллюзиях. - Там же, с. 33-47. Начало бонопартизма. - Там же, с. 48-52 и др.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 155.

к социализму. Это — главный водораздел между силами революции и контрреволюции. Поскольку такая дилемма ныне стоит практически перед каждой демократической революцией, то возможность образования двоевластия значительно расширяется.

Классовое объяснение двоевластия В.И. Ленин видел прежде всего в недостаточной сознательности широких, в основном мелкобуржуазных масс, а также части пролетариата, поднятых революцией к активной политической жизни, но не освободившихся от бессознательно доверчивого отношения к буржуазии, от мелкобуржуазных взглядов на политику, не имеющих достаточного политического опыта. Ленинский анализ исторического места, классовой сущности и классowego значения двоевластия, сохраняя полностью свою актуальность, служит основой для дальнейшей разработки этой многогранной проблемы, требующей обобщения как позитивного, так и негативного опыта современности.

К числу тех аспектов ленинских положений о двоевластии, которые оказались до последнего времени вне поля зрения исследователей, относится проблема действия основного закона революции в условиях двоевластия. Руководители чилийской компартии, анализируя уроки революции, одним из первых прямо поставили эту проблему как одну из важнейших. Более того, они подчеркнули, что своевременно не была понята связь борьбы за полноту власти с революционной ситуацией и ее перерастанием в общенациональный кризис⁴. Ряд сделанных ими выводов по этому вопросу имеет, с нашей точки зрения, общетеоретическое значение, является вкладом в теорию революции. На них мы широко опираемся в настоящей статье, посвященной именно этому вопросу.

Прежде всего представляется необходимым уточнить саму категорию "двоевластия". Под двоевластием в литературе понимают в сущности две очень близкие, но отнюдь не тождественные исторические ситуации. Одна из них характеризуется наличием в рамках страны двух систем государственной власти, находящихся в открытом противоборстве, в состоянии открытой войны. Это имеет место в каждой революции, когда она созда-

⁴ Родригес П. Проблемы защиты народной власти. — В кн.: 1000 дней революции: Руководители КПЧ об уроках событий в Чили. Прага, 1978, с. 113. Особо важна статья Луиса Корвалана "Невооруженный путь революции: как он сложился в нашей стране". Там же, с. 150-167.

ет свои органы революционной власти, ведущие прямую борьбу со старой государственной властью с целью ее ликвидации. Здесь — два ясно очерченных центра власти, неделающих ее между собой, как правило с географическими определенными сферами своего господства.

Но есть иная историческая ситуация — это раздел государственной власти между антагонистическими классами в рамках одной государственной системы, при определенном взаимопризнании такого раздела, даже известном сотрудничестве. Раздел власти принимает многообразные формы: или овладение революционными силами отдельными позициями власти (например, правительством в Чили), или этот раздел идет в рамках основных ее органов и инструментов (в правительстве, в парламенте, в вооруженных силах и т.д., как было в Чехословакии, Польше в 1945—47 гг.), или параллельное существование революционных и контрреволюционных органов власти, сотрудничающих друг с другом (Россия, март—июнь 1917 г.), или комбинация всех этих форм.

В этих условиях коренной вопрос революции принимает форму борьбы за полноту власти, за овладение всей полнотой власти каждой из борющихся сторон. Нам представляется, что точнее будет в первом случае говорить о наличии в стране двух властей, и лишь во втором — о двоевластии. Отожествлять их нельзя, потому что они отличаются различными закономерностями, требуют различной тактики революционных сил.

Каковы главные характеристики двоевластия?

Прежде всего, это категория периода революции или контрреволюции, и вне этих условий о двоевластии говорить нельзя. Двоевластие неразрывно связано с реальными, а не формальными признаками политической, в первую очередь государственной власти, то есть с реальной способностью сил, занимающих позиции власти, осуществлять на деле волю своего класса. "Именно революции, — писал В.И. Ленин, — показывают нам на каждом шагу затемнение вопроса о том, где настоящая власть показывает нам расхождение между формальной и реальной властью"⁵.

Игнорирование или непонимание этого обстоятельства чревато для революционных сил двумя последствиями: с одной стороны, может быть своевременно не замечен факт образования двоевластия, затуманенный существованием формально единой

⁵ Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 34, с. 14.

господствующей государственной системы. Именно к этому вела дело контрреволюция в Польше в 70-х годах, набирая силу в рамках социалистической государственности с тем, чтобы ее уничтожить. С другой стороны, можно не заметить факта прекращения состояния двоевластия, реальной победы контрреволюции, когда, как указывал Ленин в июле 1917 г., факт установления диктатуры контрреволюции был затемнен еще рядом революционных на словах, но бессильных на деле учреждений⁶.

Не всякий раздел власти в революционное время между антагонистическими классами создаст ситуации двоевластия. Надо прежде всего отличать ограничение власти в той или иной сфере, потерю частичных позиций, от потери основных, решающих позиций. Не следует забывать, что буржуазия неоднократно маскировала свое единевластие, допуская представителей народа, чаще мелких буржуа, в безвредном меньшинстве и на безвредные (для капитала) роли в министерстве, как писал Ленин.

К основным позициям власти относятся центральная исполнительная власть (правительство, глава государства), государственный аппарат в целом, высшая законодательная власть, военно-репрессивный, судебный аппарат, местные органы власти. В современную эпоху к числу важных позиций власти следует отнести обладание средствами массовой информации. Но система политической власти шире государственной системы, и реальной властью могут обладать негосударственные организации, как гражданские, так и военные.

Ситуация двоевластия создается только при определенном соотношении сил, а именно тогда, когда реакционный класс уже не в состоянии удержать все основные позиции власти, а революционный класс еще не в состоянии овладеть ими всеми полностью. Это - состояние известного равновесия.

Но жизнь всегда богаче однолинейных схем. Она показывает, что двоевластие может сложиться и тогда, когда объективно, казалось бы, соотношение сил революции и контрреволюции могло позволить первой овладеть всей властью, но этого не происходит, ибо революционные силы или добровольно передают государственную власть буржуазии, как это было в России в 1917 году, или не доводят своевременно борьбу за власть до конца, как это было в Португалии в 1974-1975 гг.

Это значит, что в соотношение реальных сил важнейшим фактором входит степень сознательности, организованности,

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 34, с. 1.

беснотности масс, их неприятие и готовность бороться за вся паллету власти.

Особого рассмотрения заслуживают те случаи, когда власть в основном перешла в руки революционных классов, но у контрреволюции еще остались позиции, иногда довольно значительные, в органах власти. И хотя перевес сил революцион в этом случае таков, что о двоевластии может быть и не говорят, но, несомненно, элемент двоевластия в таких случаях наличен. Так обстояло дело в Чехословакии и Польше в 1945-47 гг. Видимо, также можно оценить и положение в Португалии сразу после свержения фашистской диктатуры. УП съезд Португальской компартии (1974) констатировал, что "политическая власть находится в руках демократических сил"⁷. Но "реакция продолжает оставаться сильной и активной. Она располагает позициями в государственном аппарате"⁸. Такое состояние таит серьезную опасность для революции, порождая настроения самоуспокоения, недооценки значения своевременного использования превосходства в силах для решения коренного вопроса революции, что может привести к потере инициативы, дать возможность контрреволюции перейти в наступление и создать уже беспспорное двоевластие. Так и произошло в Португалии, где мелкобуржуазные и реформистские силы не прислушались к призывам КПП довести до конца ликвидацию старого государственного аппарата и создать новое демократического государство.

Важнейшая обобщающая характеристика двоевластия заключается в том, что она выражает "неопределенно-переходное состояние власти"⁹. "Исчезло ли двоевластие? - спрашивал Ленин в июне 1917 г. и отвечал - Нет. Двоевластие осталось. Коренной вопрос всякой революции, вопрос о власти в государстве, не-прямому висит в неопределенном, неустойчивом, лишь переходном состоянии"¹⁰. Эти основные характеристики определяют и важнейшие закономерности развития революции в период двоевластия. Первая и основная закономерность - переходное состояние не может быть по своей природе ни стабильным, ни длительным. Так, хотя в силу особых условий в Порту-

⁷ Куньял А. Страницы борьбы. М., 1977, с. 275.

⁸ Там же, с. 273.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34. с. 10.

¹⁰ Там же, т. 32, с. 127.

галии период двоевластия затянулся, компартия Португалии постоянно подчеркивает, что такая ситуация может еще сохраняться длительное время, но не бесконечно. "Мы приближаемся к тому рубежу, - писал уже в 1983 г. т. А. Куньял, - когда сохранение статус-кво станет невозможным. Или демократические силы сумеют отстранить от власти реакционные партии, или же реакция доведет до конца свой план восстановления политической и экономической власти монополией"¹¹.

Отсюда и вторая закономерность: главная линия борьбы - борьба за изменение соотношения сил между революцией и контрреволюцией. Изменение в соотношении сил определяет фазы борьбы за полноту власти, приводит к изменению тактики борющихся сил и к смене форм борьбы.

Третья закономерность: по своей объективной сущности двоевластие является периодом борьбы двух диктатур - нарождающейся революционной диктатуры и контрреволюционной диктатуры реакционного класса. Непонимание или игнорирование этого революционными силами приведет к конституционным иллюзиям, к представлению контрреволюции свободы действий.

Опыт чилийской и португальской революций совершенно бесспорно свидетельствует, что контрреволюция игнорирует всякую закономерность, будь это буржуазная конституция, как в Чили, или новая демократическая конституция 1976 года, как в Португалии, что ее методы - дестабилизация, террор, диверсия, клевета, провокации, подготовка условий для государственного переворота и даже для интервенции империализма. В этих условиях закономерен выход борьбы за рамки буржуазной законности, сочетание конституционных и непосредственно революционных форм борьбы масс, неизбежность обнаружения сущности периода двоевластия как борьбы революционной и контрреволюционной диктатур. Ведь двоевластие, как правило, в случае поражения революции, заканчивается установлением кровавой, попирающей всякую законность, диктатуры контрреволюции, как произошло в Чили.

Отмеченные выше особенности необходимо учитывать при рассмотрении действия основного закона революции в условиях двоевластия.

Напомним ленинскую формулировку основного закона революции: "Революция невозможна без общенационального (и экспан-

¹¹ Куньял А. Португалия накануне перемен. - ПИИС, 1983, № 1, с. 15.

тируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса"¹². Обычно действие основного закона революции сводяют лишь с созданием условий для начала успешной революции. Но, анализируя еще революцию 1905-1907 гг., Ленин установил кардинальный факт сохранения и развития революционной ситуации в течение всей революции, опровергающий традиционное представление о том, что с началом революции революционная ситуация исчезает¹³.

Это фундаментальное для теории революции положение, однако, долго не привлекало внимания ни историков, ни теоретиков революционных процессов. Это не могло не сказаться и на революционной практике. В ходе чилийской революции явственно обнаружился не только факт существования революционной ситуации, но прямая зависимость успеха борьбы за полноту власти от развития революционной ситуации.

Руководители КПЧ в своем детальном анализе уроков чилийской революции тщательно проанализировали эту сторону дела. Прежде всего, чилийская революция подтвердила то важнейшее обстоятельство, что и мирный путь революции, начинающийся с победы на календарно-планируемых, очередных выборах связан с наличием в стране общенационального кризиса, по крайней мере его первоначальной стадии - революционной ситуации. Другими словами, в стране обнаружился и известный кризис "верхов", и повышенная активность "низов", и обострение бедствий масс выше обычного.

Конечно, степень развития революционной ситуации была далекой от кульминации, но все же достаточной для первого шага революции - победы на выборах президента. Революционная ситуация после этого не только не исчезла, но, наоборот, победа и создание правительства Народного единства, как констатирует П. Родригес, член национального руководства КПЧ в статье, специально анализирующей эту проблему, стали "одним из решающих факторов развития революционной ситуации"¹⁴.

Как развивается революционная ситуация в условиях революции вообще, в условиях двоевластия в частности, в чем кон-

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 70.

¹³ См. подробнее: Левинтов Н.Г. В.И. Ленин и некоторые вопросы революции 1905-1907 гг. - Вопросы истории КПСС, 1971, № 8, с. 32-37.

¹⁴ Родригес П. Проблемы защиты..., с. 109. Разрядка наша - Н.Л.

кретно выражается факт ее сохранения — эти крайне существенные вопросы, пока теоретически не разработавшиеся, нашли свое постановление в анализе итогов чилийской революции руководителями КПЧ. Кризис верхов теперь — это состояние лагеря контрреволюции, это степень подрыва его единства, степень ослабления его связей с союзниками, в первую очередь с империализмом, ослабление влияния на средние слои, опоры на армию.

Подъем необычной активности масс теперь связан не только с кризисом политики "верхов", с обострением бедствий, как было ранее, но и с новым фактором — с положительной деятельностью революционных секторов власти, в том числе в экономической сфере, направленной на подъем жизненного уровня масс, и с реакцией на действия контрреволюции. Общациональный кризис в этих условиях может пройти присущие ему фазы развития — на основе революционной ситуации возникает подъем революционного массового движения, достигший в определенный момент своего апогея.*

Руководители КПЧ пришли к весьма существенному выводу о том, что борьба за полноту власти в конкретных условиях Чили должна была пройти через ряд закономерных фаз. Они выделяют четыре фазы: первая — завоевание части государственной власти; вторая — "когда народное правительство осуществляет свою власть, но не порывает в то же время с теми институтами государственного аппарата, которые находятся в руках крупной буржуазии, действуя в рамках буржуазно-демократической конституционности. Это фаза первых демократических преобразований, когда на фоне подъема борьбы масс и временного оцепенения реакции общественно-политическая обстановка не позволяет использовать конституционные формы, обусловившие появление такой обстановки"¹⁵. Но все возрастающее сопротивление внутренней и внешней контрреволюции, их резкая активизация приводят к третьей фазе — фазе нарастающих открытых столкновений и конфликтов между органами государственной власти, находящимися в руках реакции, и частью государственных органов, принадлежавших народу. Это вынуждает народную власть и массы вывести борьбу за рамки буржуазной законности и ее ин-

* Надо иметь в виду, что П. Родригес и другие руководители КПЧ определяют высшую фазу, возникающую на основе революционной ситуации, как общациональный кризис.

¹⁵ Родригес П. Цит. соч., с. 109.

ститутах и перенести ее на почву непосредственно революционной борьбы. "В определенный момент народное движение в целях самосохранения и доведения до конца начатых преобразований само стало превращаться в своего рода центр государственной деятельности революционных масс, т.е. становится властью, опирающейся "прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, не на закон, изданный центральной государственной властью"¹⁶

И, наконец, должна наступить фаза, когда народная власть и массы выдвигают задачу прямого овладения всей полнотой власти, сочетая непосредственно революционные действия "снизу" с конституционными формами борьбы "сверху". Каждой фазе соответствует определенное политическое содержание, определенное соотношение сил, и столь же определенный уровень развития назревающей революционной ситуации.

Чем же обусловлен переход от одной фазы борьбы за полноту власти к другой? Чилийские товарищи дают четкий ответ, важный во всех отношениях. Эти фазы связаны с фазами развития революционной ситуации, общенационального кризиса, в первую очередь с готовностью масс к борьбе и углублением кризиса "верхов". "С точки зрения динамики революционного процесса, — подчеркивает П. Родригес, — необходимого перехода от одной его фазы к другой... было очень важно, чтобы борьба народных масс нарастала неуклонно, а в решающие моменты принимала общенациональные масштабы. Это возможно лишь при наличии национального революционного кризиса, возникающего на основе созревания революционной ситуации"¹⁷.

Когда же наступает решающий момент в борьбе за полноту власти? И для ответа на этот вопрос чилийские товарищи опять обращаются к ленинскому учению об основном законе революции. Общеизвестны сформулированные В.И. Лениным в знаменитом письме Центральному Комитету РСДРП(б) "Марксизм и восстание"¹⁸ условия, необходимые для успешного вооруженного восстания. Но чилийские товарищи пришли к выводу, что эти условия обязательны не только для вооруженного восстания, но и для решающей фазы в борьбе за полноту власти в период двоевластия.

¹⁶ Родригес П. Цит. соч., с. 109.

¹⁷ Там же, с. 112.

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 242-243.

ние замешности от форм борьбы.

Партия "должна уметь пользоваться моментом, когда враг наиболее ослаблен и ему требуется передышка для восстановления временно парализованных в результате победы народа сил, когда на-за внутреннего раскола он менее всего способен выступить единым контрреволюционным фронтом и спланировать свои действия. Другими словами, партия должна уметь выбирать, - цитирует П. Родригес Ленина, - "такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции".¹⁹

Переломный пункт в развитии общенационального кризиса, как указывал В.И. Ленин, по своей природе не может быть длительным, и революционные силы должны без промедления использовать сложившуюся особо благоприятную для начала революции обстановку. "При таких условиях, - писал Ленин, - ...ждать - преступление перед революцией"²⁰.

Естественно, что переломный пункт периода двоевластия имеет свою специфику, но промедление с использованием его для решающего наступления чревато так же, как в ситуации восстания, потерей инициативы революционных сил, переходом ее на сторону контрреволюции.

"В результате проведенного анализа нам стало ясно, - пишет П. Родригес, - что все указанные фазы (борьбы за полноту власти - Н.Л.), каждую из которых характеризует свое политическое содержание, определенное соотношение сил и столь же определенный уровень развития революционной ситуации, могли иметь место в Чили скорее всего уже в первой половине 1971 года. Это был период невиданного подъема борьбы масс, время, когда империализму и крупной национальной буржуазии объективно трудно было объединиться... когда значительная часть средних слоев склонялась на сторону народного правительства"²¹. Как известно, этот период не был использован для решающего наступления на реакцию.

И руководители КПЧ "сделали для себя вывод, что авангардная партия должна уметь их предвидеть, эти считанные минуты... должна уметь предвидеть их еще до того, как народное

¹⁹ Родригес П. Цит. соч., с. III.

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 340-341.

²¹ Родригес П. Указ. раб., с. IIО-III.

диктаторские завладеет частью государственной власти²² (подчеркнуто нами - Н.Д.).

Этот вывод в сущности лишь составная часть другого основного вывода: революционная партия, ориентирующаяся на мирный путь демократической революции с использованием методов, которые могут вначале привести лишь к завоеванию части государственной власти, должна иметь всесторонние разработки стратегии и тактику борьбы в период двоевластия, опираясь на ленинское учение об основном законе революции.

Такая стратегия включает в особую политическую подготовку масс к борьбе в условиях двоевластия, цель которой - добиться понимания массами сложной структуры власти, различия между формальными и реальными рычагами власти, необходимости единства революционных сил как единственной гарантии всех завоеваний революции и самой революции. "Широким народным массам, - подчеркивает Л. Корвалан, - не осознавали необходимости завоевать всю полноту власти, что объяснялось недостатком в политическом воспитании масс на протяжении многих лет, и мы, коммунисты, несем за это особую ответственность".²³

Подобный же разрыв между уровнем наступления на экономические позиции эксплуататорских классов - монополистов и латифундистов - и закреплением этого наступления политически, т.е. созданием полномочной революционной власти, наблюдается и в португальской революции. Противоречие между глубиной демократических преобразований и незавершенностью ликвидации политической власти реакционных классов определяет ход этой революции. Контрреволюция получила возможность перейти в контрнаступление главным образом благодаря отсутствию единства в лагере демократических сил, переходу на ее сторону руководства социалистической партии и реакционных военных.

Сила народного движения, опирающаяся на демократическое преобразование, такова, что дока срывает планы пелией реставрации политического и экономического господства монополистов и латифундистов. Но, как уже говорилось, эта ситуация не может продолжаться бесконечно. "Либо рабочее и народное движение вместе со всеми демократическими силами отстра-

²² Редригес П. Указ. раб., с. III.

²³ Корвалан Л. Цит. соч., с. 157.

мит реакционеров и обеспечит упрочение завоевания революции, — не в первый раз подчеркнул т. Куньял — либо реакция овладеет всей полнотой власти, уничтожит революционные завоевания и демократический режим".²⁴

Опыт чилийской и португальской революций учит, что стратегия революции в период двоевластия должна исходить из одновременного решения задач политического и экономического наступления на позиции контрреволюции, должна направлять главные удары в действиях масс как против надстройки, так и против базиса старого общества, не допуская недооценки, неоправданного промедления в решениях той или другой стороны дела.

И как показал этот опыт, ленинское учение о революции, включая учение об основном законе революции, служит коммунистическим партиям верным компасом в ходе такого ответственного и сложного перелома, каким является период двоевластия.

---

²⁴ Куньял А. Португальская революция отражает атаки реакци-
ции. — ПИИС, 1981, № 5, с. 22.

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕНИНСКОГО АНАЛИЗА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

И.М. Клямкин

Как известно, суть расхождений между ленинской и плехановско-меньшевистской оценками хода и результатов первой революции в России сводилась к тому, что меньшевики ориентировались на победу буржуазии в данной революции, а сторонники ленинской точки зрения — на победу других классовых сил (пролетариата и крестьянства), полагая, что буржуазия способна лишь к сделке с самодержавно-абсолютистским режимом, а не к победе над ним. При этом обе стороны апеллировали к характеру конкретной объективной ситуации, к объективному ходу и положению вещей. Речь, таким образом, шла не просто о различии тактических установок, но о принципиальном расхождении методологических и философско-социологических позиций, о разных способах теоретического мышления. Речь шла, не больше и не меньше, как о несовпадении представлений о соотношении объективного и субъективного в истории, о связи революционной деятельности и детерминирующих ее условий. На эту сторону дела в нашей литературе почти не обращается внимания. Между тем рассмотрение ленинского способа мышления (в сравнении с плехановско-меньшевистским), "извлечение" философско-социологических предпосылок ленинского анализа из непосредственной "конкретики" этого анализа — задача, актуальность которой, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

Актуальность эта обусловлена как непрекращающимися — со стороны буржуазных и социал-демократических авторов — обвинениями ленинизма в волюнтаризме и субъективизме (что представляет собой, в конечном счете, лишь перенос старых меньшевистских упреков), так и теми дискуссиями, которые ведутся в нашей литературе по проблеме деятельности и ее соотношения с объективно-историческими законами этой деятельности¹. Ос-

¹ См., напр.: Арефьева Г.С. Социальная активность. М., 1974; Келле В.М., Новальзон М.Я. Теория и история. М., 1981.

новая трудность, которая здесь обнаруживается, сводится, на наш взгляд, к следующему. С одной стороны, все историческое развитие является результатом деятельности людей - вне и помимо человеческой деятельности в обществе ничего не происходит. С другой стороны, деятельность не произвольна, она подчиняется определенным объективным законам, зависит от определенных условий и обстоятельств. И вот на стыке, на пересечении этих двух одинаково бесспорных положений и возникает проблема.

В самом деле, если деятельность зависит от объективных условий, то где находятся, где располагаются эти условия - "внутри" деятельности или являются внешними по отношению к ней? Второй вариант ответа неизбежно ведет к допущению, что в обществе есть нечто такое, что не связано с деятельностью и не обязано ей своим происхождением. Но если принять первый вариант, то это тоже не избавляет от трудностей. Ведь если условия деятельности находятся "внутри" нее самой, то как отделить в ней то, что принадлежит к собственно деятельности, от того, что принадлежит к ее условиям? Как осуществляется определяющее воздействие понятых подобным образом условий на деятельность, каков механизм ее детерминации?

Тут-то первый вариант ответа и обнаруживает склонность превратиться во второй и возникает мысль о вынесении условий деятельности (объективного момента) за ее пределы и о их самостоятельном, независимом от деятельности изучении. История начинает рассматриваться не только как процесс и результат деятельности людей, но и как абстрагированный от деятельности и внешний по отношению к ней "естественно-исторический процесс"¹. Речь идет при этом о "естественно-историческом процессе", не зависящем не только от тех целей, которые люди ставят перед собой в своей деятельности, и тех волевых усилий, которые они прикладывают для достижения данных целей, но и от человеческой деятельности вообще. Но такие попытки, разумеется, неизбежно вызывают возражения: ведь получается, что можно представить себе некий "естественно-исторический процесс", развертывающийся помимо деятельности, сам по себе, в некоем бездеятельном пространстве².

Каким же образом совмещаются в деятельности противореча-

¹ Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Цит. соч., стр. 62.

² См. статью В.Н. Сагатовского и А.В. Маргулиса в "Вопросах философии", 1981, № 12.

щие, исключающие друг друга характеристики? Каким образом она одновременно выступает как определяющий и определяемый, обуславливающий и обусловленный, детерминирующий и детерминированный факторы истории? Ясно, что это совмещение не механическое, не рядоположенное, не пространственное: нельзя одну характеристику отделить от другой, противоположной ей, рассмотреть их отдельно, а потом соединить полученные результаты такого двойного исследования. Ибо немыслимой представляется сама процедура отделения в истории того, что принадлежит "естественно-историческому процессу", от того, что связано с деятельностью. Нетрудно заметить, что речь идет здесь не просто и не только о методологии исследования истории. Речь идет и о построении теории истории, о соотношении исходных категорий такой теории.

Надо сказать, что проблема не решается и в том случае, если мы исключим друг друга характеристики деятельности субъекта расположим друг подле друга не в пространстве, а во времени, т.е. если мы условия деятельности отнесем к прошлому, а саму деятельность — к настоящему. Тут мы тоже ни на шаг не продвинемся дальше тривиального утверждения о зависимости настоящего от прошлого или, что то же самое, нынешней деятельности от превратившейся в "объективные обстоятельства" деятельности прошлой. Мнимый характер такого решения, при котором условия деятельности перестают быть внедеятельностными и сами оказываются результатом деятельности, имевшей место в другое время, обнаруживается очень просто, если учесть, что прошлая деятельность оказывается здесь отсеченной от настоящей. Получается, что для изучения объективных закономерностей настоящего надо абстрагироваться от настоящего и исследовать только прошлое. Получается, что в самом настоящем никакой объективной детерминации не существует. Получается, что прошлая деятельность ("условия деятельности") никак не входит в нынешнюю деятельность. А ведь вся сложность в том, чтобы отделить, абстрагировать одно от другого, чтобы показать, как, каким образом прошлое входит и переходит в настоящее. А это значит, что мы возвращаемся к прежней проблеме, к необходимости понять современную деятельность людей как единство противоречащих друг другу, взаимоисключающих характеристик. Проблема, которая, как нам представляется, и составляла философско-социологическое содержание споров, ведущихся в международной социал-демократии периода первой российской революции и последующего осмысле-

ния ее уроков; проблеме, которую не удалось в то время решить никому, кроме В.И. Ленина. И хотя своеобразие его подхода к ней проявилось прежде всего в борьбе с меньшевизмом, речь, по сути, идет об отличиях от подхода, характерного в той или иной степени для всего II Интернационала, от подхода, в котором условия деятельности различных классов так или иначе выносились за скобки самой деятельности этих классов.

Наиболее отчетливо, пожалуй, философско-социологическое содержание ленинского решения просматривается в статье "О политической линии"³, написанной уже после поражения революции и направленной против меньшевика Н. Николина, статье, которая, по существу, целиком посвящена анализу мысли Н. Николина о том, что "новую Россию никто не строит, она строится (подчеркнуто самим Н. Николиным) в сложном процессе борьбы различных интересов..."⁴. Смысл этой фразы, если интерпретировать ее с точки зрения разбираемой нами здесь проблемы, следующий: в России имеет место деятельность разных классов, борющихся за свои интересы, но, вместе с тем, имеет место и некий объективный, независимый от деятельности классов, процесс, подчиняющий себе эту деятельность и предопределяющий ее результат (общество с господством буржуазии). "Новую Россию никто не строит, она строится" - значит, строится чем-то и кем-то помимо "строителей" и независимо от производимой ими исторической работы, чем-то и кем-то, что выходит за рамки непосредственной деятельности людей, что заранее известно, что соответствует определенному "закону" и согласно этому закону должно быть построено.

А вот как комментирует фразу Н. Николина В.И. Ленин: "Если новая Россия строится в процессе борьбы различных интересов, - то это значит, что классы, имеющие различные интересы, по-разному строят новую Россию"⁵. Тут перед нами в конкретной оценке проявляется совершенно иная философско-социологическая позиция: деятельность различных классов и их борьба не подчинены никакому, вне этой деятельности и этой борьбы расположенному, объективному процессу с заранее пред-

³ Эта статья в последние годы все чаще привлекает внимание исследователей. См.: Водолазов Г.Г. Метод, теория, революционное действие. - В кн.: Проблемы мирового революционного процесса. М., 1983, вып. 3, с. 194-195; Пантин И.К. Метод политического мышления. - В кн.: Ленин как политический мыслитель. М., 1981, с. 330.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 100.

⁵ Там же.

начертанным и известным исходом; наоборот, только эта деятельность и эта борьба формирует объективный процесс и его результат, и этот результат ("новая Россия"), этот исход борьбы может быть разным, а пока борьба еще только ведется, пока ее итог не определился, нет и не может быть никакой другой объективности кроме объективности самой борьбы. Непредопределенность результата не означает, что облик "новой России" зависит исключительно от того, насколько энергично и целеустремленно будет вести борьбу та или иная из сторон (от "субъективного фактора"). Речь у В.И. Ленина идет о другом - о том, что в российской революции два класса - буржуазия и пролетариат - ведут борьбу за утверждение себя в качестве исторических субъектов, что каждый из них является носителем определенной объективной тенденции; какая же из этих тенденций реализуется, какая окажется объективно сильнее, заранее сказать невозможно, это покажет борьба. Вот в чем содержание вводимого В.И. Лениным весьма емкого понятия "объективизм классовой борьбы", противопоставляемого им меньшевистскому "объективизму" буржуазного оправдания действительности"⁶.

В.И. Ленин не случайно во втором случае ставит слово "объективизм" в кавчки. Позиция меньшевиков, несмотря на их постоянные апелляции к объективному ходу вещей, оказывалась именно необъективной; она учитывала лишь одну сторону "хода вещей" и отбрасывала другую его сторону. Говоря о том, что новую, т.е. буржуазную, Россию никто не строит, что она "строится", меньшевики на самом деле возводили в объективный закон "строительную" деятельность лишь одного из классов, а именно - буржуазии, действующей в союзе с силами старого режима, и игнорировали деятельность других сил (пролетариата и крестьянства), объективно заинтересованных в иной, чем буржуазия, форме развития, иной форме буржуазных порядков. А это и есть утрата объективности ("объективизма классовой борьбы"), это и есть "оправдание действительности" - той действительности, которая строится не сама по себе, а которую строит именно буржуазия и другие правящие классы после того, как революция потерпела поражение, т.е. после того, как деятельность революционных классов была приостановлена, смята, отброшена с поверхности общественной жизни в ее подпочву. "Если ... я скажу: "новую Россию никто не

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 101

строит, она строится в борьбе интересов", то я накидываю сразу некоторое покрывало на ясную картину борьбы таких-то классов, я делаю уступку тем, кто видит лишь находящиеся на поверхности действия правящих классов, т.е. в особенности буржуазии. Я невольно скатываюсь к оправданию буржуазии, вместо объективизма классовой борьбы беру себе за критерий наиболее заметное или имеющее временный успех буржуазное направление"⁷.

В этих словах В.И. Ленина фиксируется подлинное содержание того хода мысли, той характерной для теоретиков II Интернационала философско-социологической установки, в свете которой "объективность", "закономерность", "условия деятельности" и т.п. выступают как существующие вне деятельности и, соответственно, извне детерминирующие ее характер и ее результат. Под видом объективных условий деятельности какого-то определенного класса (или классов) здесь скрывается не что иное, как тоже деятельность, только другого (или других) классов, деятельность тех экономических и социально-политических сил, которые на данный момент определяют (или кажется, что определяют) ход исторического развития, заведуют (или кажется, что заведуют) историческим процессом.

Но отсюда следует, что в ленинской концепции какие-либо "условия деятельности", абстрагированные от самой деятельности, лишаются всякого смысла. Условия деятельности включены в деятельность через механизм классовой борьбы, борьбы экономических и производных от них социально-политических интересов. Эта борьба и есть единство, тождество деятельности и ее условий. Нет никаких внедеятельностных "закономерностей" и "обстоятельств"; условия деятельности данного класса, играющего роль исторического субъекта или претендующего на нее, заданы объективно, но они заданы тоже деятельностью, а именно: деятельностью других классов, других социально-политических сил, играющих роль (или претендующих на роль) исторических субъектов. В свою очередь, деятельность других классов не является сугубо внешней, механической противоположностью по отношению к деятельности данного класса; эта последняя обуславливает первую, "входит" в нее, образует вместе с ней то противоречивое целое, то единство противоположностей, движение которого и составляет исторический процесс.

---

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 101.

Нам представляется, что трудности, возникающие при анализе взаимосвязи деятельности и ее условий, в значительной степени именно тем и вызваны, что деятельность рассматривается абстрактно, без учета ее расчлененности на противоположности, каждая из которых является объективным условием для другой. Отсюда — как неизбежный и закономерный результат — и попытки отыскать условия деятельности вне деятельности.

Разумеется, речь идет не о том, что исследователи отрицают классовую борьбу, распадение общества на классовые противоположности и т.п. Речь о другом — указания на классовый подход и классовую борьбу существуют сами по себе, а рассуждения о деятельности — сами по себе. Перед нами внешне парадоксальная ситуация: более абстрактная категория деятельности, взятая в нерасчлененном виде, выступает в ряде исследований в качестве более конкретной, а такие конкретизирующие ее понятия, как классы, классовая борьба и т.п. — в качестве более абстрактных. Не останавливаясь детально на причинах подобных превращений, отметим только, что обычно они имеют место тогда, когда утрачивается, становится неявной связь тех или иных конкретных понятий с реальностью. В этом случае конкретные понятия приобретают абстрактно-безжизненную окраску, и мысль начинает свой путь к реальности как бы сначала, с предельно общих понятий.

Главная особенность ленинского преодоления догматизма II Интернационала как раз и заключается в конкретности этого преодоления. Как мы уже говорили, для всех теоретиков II Интернационала в той или иной мере и в том или ином виде было характерно представление о наличии некоей внедеятельностной, т.е. существующей вне деятельности реальных социально-политических сил, объективной закономерности, которой и подчиняется деятельность этих сил. Преодоление В.И. Лениным такого подхода в ходе анализа реального революционного процесса состояло, однако, вовсе не в том, что он сумел дополнить объективный анализ "деятельностным аспектом" (это не так уже потому, что у тех же меньшевиков, как мы пытались показать, отсутствовал не "деятельностный аспект", а сам объективный анализ). Речь шла о преобразовании более глубоком и принципиальном: об освобождении деятельности от всяких внедеятельностных "закономерностей" вообще, о рассмотрении условий деятельности как момента, стороны самой деятельности, об интерпретации последней как конкретного единства классовых противоположностей. Речь шла об "объективизме классовой

борьбы" безотносительно к любому заранее определенному масштабу, о соотношении и динамике классовых сил и интересов "как они есть", а не как они "должны быть" согласно мертвой букве отвлеченного закона. И в этом — главное преимущество ленинского анализа первой российской революции по сравнению с плехановско-меньшевистским подходом к ней. Этот анализ шел не от абстрактного "понятия" буржуазной революции, а от самой революции и бесстрашно доводился до таких выводов (революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства и др.), которые в понятия, сформировавшиеся на основе прошлого исторического опыта, не укладывались, которые изменяли их до неузнаваемости, но которые находились в полном соответствии с реальной комбинацией классово-политических сил в стране, с конкретным содержанием их деятельности в период революции. В этом, кстати, отличие ленинизма не только от догматизма меньшевистского толка, но и от волюнтаристско-анархистских интерпретаций деятельности, игнорирующих ее объективную обусловленность и зависимость от деятельности других экономических и социально-политических сил. Можно сказать иначе: объективизм классовой борьбы противостоит не только объективизму оправдания действительности, но и субъективизму классовой борьбы.

К сказанному можно добавить, что в том единстве противоположностей, которое представляет собой деятельность, всегда есть ведущая, доминирующая на данный момент сторона. В революционные эпохи этой ведущей стороной выступает деятельность господствующего класса, который не исчерпав себя еще в качестве исторического субъекта или исчерпав, но искусственно пытаясь сохранить себя в данном качестве путем использования силы социальной инерции, подчиняет себе деятельность других классов, формирует ее в соответствии с интересами правящих сил. Кстати, именно опыт таких эпох располагает нередко к тому, чтобы выносить условия деятельности в форме "естественно-исторического процесса" за рамки деятельности: ведь в подобные эпохи условий для деятельности революционных, прогрессивных сил, для их непосредственного вмешательства в ход истории нет, нет и самой такой деятельности, а исторический процесс тем не менее имеет место. Этим, т.е. "бездеятельным", характером определенных исторических периодов и стимулируется выделение некоего внедеятельностного "естественно-исторического процесса" как особого если и не момента истории, то уж во всяком случае момента ее познания.

В пользу такого подхода есть пример, на первый взгляд, неопровержимый - "Капитал" К. Маркса. И действительно, здесь перед нами вроде бы анализ объективного "естественно-исторического процесса" в чистом виде, анализ экономических закономерностей самих по себе при полном абстрагировании от "деятельностного аспекта". Однако "деятельностный аспект" в "Капитале" присутствует, причем в двойном смысле. Во-первых, "Капитал" - это не исследование "естественно-исторического процесса" в противовес деятельности, а исследование естественно-исторического процесса развертывания самой деятельности (прежде всего производственной как детерминирующей все остальные ее формы и уровни) или, говоря точнее, исследование деятельности господствующего в буржуазном обществе класса в качестве субъекта истории, ее (деятельности) возникновения, ее внутренних закономерностей, механизма подчинения ей деятельности класса угнетенного и - одновременно - зависимости от последней и т.д. Во-вторых, в анализе этой деятельности присутствует потенциальная революционная деятельность другого субъекта - рабочего класса. Более того, именно она определяет, по существу, характер всего исследования капиталистического способа производства с точки зрения его самоисчерпания, самоотрицания, границ и пределов возможного подчинения труда капиталу. Если бы исследование, подобное "Капиталу", предпринял буржуазный ученый, то его угол зрения был бы совершенно иным: он смотрел бы на капиталистический способ производства не с точки зрения его самоотрицания и самоисчерпания, его движения к своему историческому пределу, а с точки зрения его самоутверждения и неисчерпаемости, безграничности и беспредельности его развития, а отдельные кризисные явления рассматривал бы как случайные и преходящие. Вот почему исследование деятельности господствующего класса в "Капитале" уже само по себе являлось проявлением революционной деятельности пролетариата, проявлением деятельностного подхода в "бездеятельностную" эпоху.

В революционные времена характер деятельности как единства противоположностей, разумеется, изменяется: ведущая сторона противоречия, определяющая характер производственных отношений, утрачивает свой ведущий характер, теряет, будучи не способной обеспечивать развитие и нормальное функционирование производительных сил, исчерпывает возможности своего воздействия на ведомую сторону и подчинения ее; последняя же, напротив, преодолевает свое подчиненное, зависимое поло-

жение и начинает претендовать если и не на ведущую, то во всяком случае на новую роль, на новое положение в обществе. Этот механизм лаконично охарактеризован в третьем тезисе К. Маркса о Фейербахе: "Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменения, может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика"⁸.

Но, как мы видели на примере российского меньшевизма, и в революционную эпоху тоже могут возникать иллюзии о существовании некоего внешнего по отношению к деятельности "естественно-исторического процесса". Чтобы сориентироваться в такой ситуации, не имевшей в прошлом аналогов, как раз и необходим был последовательно проведенный "объективизм классовой борьбы", который и в качестве метода, и в качестве общей философско-социологической установки и составлял главную отличительную особенность ленинизма по сравнению с концепциями всех теоретиков II Интернационала, пытавшихся анализировать содержание и движущие силы первой революции в России.

---

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах: Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, с. 101. Более конкретно тот же механизм передвижки классовых сил и изменения их деятельности раскрыт в известных ленинских признаках революционной ситуации. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ПОНЯТИЕ
МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ
(К постановке вопроса)

С.Х. Каннике

1. Целью каждой революции является такое изменение старого общества, которое стремится к коренной перестройке всего существующего. Одной из сфер общества, где революция ведет борьбу не только с конкретными историческими условиями, а в известном смысле с наследством всей человеческой цивилизации, является сфера права как часть и область человеческой культуры. В настоящей статье сделана попытка обсудить некоторые теоретические подходы к трактовке революционного правосознания не только с точки зрения правовой науки, но и с точки зрения марксистской теории революции.

Как известно, концепция революционного правосознания как самостоятельного феномена в жизни революционного общества — продукт Октябрьской революции. Она появилась как удачная теоретическая формулировка, конкретизирующая характер и направленность активности классового правового сознания. Последующая теоретическая разработка проблем нового социалистического права подтвердила теоретическую правомерность и практическое значение этой концепции в условиях революционной борьбы. С тех пор она занимает определенное место в марксистской общественной теории. Но, несмотря на значительный вклад нескольких поколений марксистов-правоведов в разработку этой многогранной проблематики, ряд ее аспектов нуждается в дальнейшем исследовании.

Сущность революционного правосознания определяется фактом, что оно представляет собою одновременно и правовое, и революционное явление. Но с другой стороны, именно это обстоятельство осложняет его изучение, поскольку оно связано с множеством потенциально возможных теоретических подходов.

2. Уточняя конкретные пути исследования этого революционно-правового явления уместно подчеркнуть принципиальное отличие теоретического изучения проблем т.н. "революции права" от выявления характера и роли правовых феноменов в раз-

витии самой социальной революции.

При первом, преимущественно юридическом подходе, предмет исследования рассматривается в контексте всего исторического развития права. "Революции" выступают здесь как переломные моменты на линии такого развития. Социальная революция признается первопричиной "революции права", но не тождественной с ней. Упрощая, можно утверждать, что, следуя логике такой юридической точки зрения, вся правовая жизнь в период создания новой общественно-экономической формации трактуется как "революционная", как отрицание предшествующих форм права.

Вышесказанное относится и к трудам советских правоведов, занимающихся революционно-правовой проблематикой. Как отмечает А.А. Плотник, советские юристы после Октябрьской революции широко пользовались термином "революция права". В содержание последнего включали преобразование всех частей правовой надстройки - правовых норм, правоотношений, а также революцию "... в области правосознания: искоренение буржуазного и формирование социалистического правосознания у трудящихся."¹ Иногда под "революцией права" подразумевалось и обновление правовой идеологии. А.А. Плотник, например, указывает, что П.И. Стучка еще в 1927 году утверждал: (теоретическая) "революция права еще почти целиком впереди".²

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что правовая наука и марксистская теория революции интересуются различными параметрами революционно-правовых процессов даже в случаях совпадения их объекта исследования на эмпирическом уровне. С точки зрения теории революции особый интерес представляют именно наиболее самобытные революционно-правовые явления, которые рождаются только в условиях революции. Это во многом относится и к различным оттенкам правовой идеологии.

Из-за своей "аномальности" такие самобытные явления и идеи часто "забываются" правовой теорией, так как на фоне последующего развития права они просто теряют свое значение. *

¹ Плотник А.А. Развитие общей теории права в период Великой Октябрьской социалистической революции. - В кн.: Октябрьская революция и развитие права. Рига, 1968, с. 24. (Учен. зап./Латв. гос. ун-т, вып. 105).

² См.: там же, с. 25. Стучка П.И. Избр. произвед. по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964, с. 517.

* Так даже непосредственно после революции многими советскими правоведом не хотелось признать существование ре-

Следовательно, изложение истории возникновения концепции революционного правосознания выступает не только как необходимое введение в проблему, но и представляет возможность обратить внимание на такие черты исследуемого явления, которые из-за своей необычности являются наиболее информативными.

3. Можно ли отнести особенности революционного правосознания как продукта социалистической революции к изменениям правовой надстройки в буржуазной революции? Поскольку такие революции также решают правовые вопросы и правотворческая деятельность отражается революционным сознанием, постольку с формальной точки зрения можно говорить о наличии там революционного правосознания. Но чтобы установить, в какой степени такому сознанию свойственна своя, особая революционная специфика, т.е. насколько оно отличается от правосознания, типичного для данной формации, вообще требуется специальное исследование.

Отметим только, что наблюдаемая в буржуазных революциях тенденция к "юридизации", явно стирает грань между "революционным" и "нормальным" буржуазным правосознанием. Однако этим утверждением нам нисколько не хочется обесценить значение "правового опыта", например, Французской революции для марксистской теории революции. Своеобразие этой революции в том, что ее правовая практика в известном смысле противостояла идеологии, пытавшейся конституироваться именно как буржуазное правосознание вообще. В этой практике мы найдем множество интересных для теории революции самобытных, "вне-юридических" черт, разрывающих пределы буржуазности революционного правосознания. Но они исчерпывают себя, выполняя разрушительные задачи революции. Выход за пределы своей юридической сущности остается для такого сознания по существу вынужденным шагом, и оно не в состоянии приобрести качественно новую синтетичность. Здесь "... вновь разверзалась бездна между "ratio naturalis", укрывшимся в декларациях прав, кодексах гражданском и уголовном, бесчисленных законопроектах, переходивших от одного "чтения" к другому и - жуткою "bona fides", которую осуществлял революционный трибунал".³

волюционного правосознания как объективного явления в дооктябрьский период. См.: Емельянова И.А. Советская юридическая литература о революционном правосознании и правотворчестве народных масс в период с февраля по октябрь 1917 г. - Правоведение, 1967, № 3, с. 50.

³ Португалов Г.М., Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург, 1922, с. II.

В социалистических революциях, и особенно в Октябрьской, "разрыв" правосознания революцией, перенесение туда элементов, приобретавших смысл только вне узкого юридическо-правового контекста, не привели к такому самоуничтожающему раздвоению революционного сознания. Об этом свидетельствует феномен массового народного правотворчества, которое вызывалось не только отчаянной необходимостью самозащиты. Поэтому история Октябрьской революции является наиболее благоприятным объектом изучения сущности революционного правосознания.

4. Что касается фактической стороны истории концепции революционного правосознания, то обстоятельства ее появления довольно подробно выявлены в соответствующей литературе.⁴ Как термин, так и сама теоретическая концепция, безусловно, являются результатом социалистической революции в России. Революционное правосознание как теоретический и практическо-регулятивный принцип выступило на арену непосредственной революционной борьбы в знаменитом Декрете о суде, изданном СНК 22 ноября (5 декабря) 1917 года.

В ст. 5 этого декрета говорилось, что местные суды "... руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию".⁵ К этому пункту было добавлено следующее примечание: "... Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабочего и Крестьянского правительства, а также программ-минимум Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов-революционеров".⁶ В дальнейшем это положение подтверждается во втором декрете "о суде" (15 февр. 1918 г.), где речь идет о "народном" или "социалистическом" правосознании (ст. 6 и 36)⁷, и повторяется во многих

⁴ См.: Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства 1917-1918 гг. М., 1965, с. 326-335.

Плотникова А.А. Становление и развитие марксистско-ленинской общей теории права в СССР 1917-1936 гг. Рига, 1978, с. 66-72.

⁵ Декреты Советской власти. М., 1957, т. I, с. 125.

⁶ Там же, с. 125.

⁷ Там же, с. 468 и 475.

других актах, где оно именуется "революционной совестью", "социалистической совестью", "революционно-социалистическим правосознанием" и т.д.⁸

Скрытый за этими терминами теоретический генезис понятия - интересный пример работы революционной мысли.

Марксистско-ленинской теории революции всегда было естественно понимание того, что в ходе революционной борьбы классовое сознание масс неизбежно проявляет себя в своих правовых качествах, и что оно способно творить новое революционное право.⁹

Но такую резкую формулировку идеи о самостоятельной роли правосознания в революции, какая содержалась в первом декрете "о суде", мы не встретим ни в работах классиков марксизма, ни в дореволюционных трудах В.И. Ленина.¹⁰ Видимо, этим и объясняется обвинение некоторых современных буржуазных авторов, что это понятие - "квазимарксистское".¹⁰

Если рассмотреть приведенную выше формулировку первого декрета "о суде", то она разделяется на три части: положение об отмене старых законов, положение о революционном правосознании и примечание о роли программ партий. Части этой революционно-юридической конструкции имеют разное происхождение.

Первым вариантом декрета был доклад П.И. Стучки, сделанный им 10 ноября на заседании ВЦИК. Вариант до нас не дошел, хотя "... есть все основания предположить, что этот вариант соответствует его статье, опубликованной в "Правде" в тот же день".¹¹ По словам самого П.И. Стучки, первоначальный проект декрета заключал только два пункта, определяющие разгон ста-

⁸ См.: Португалов Г.М. Революционная совесть и ..., с. 21-26.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 320-321.

¹⁰ А.И. Королев предполагает, что опыт революционной творческой деятельности масс, вероятно, был бы проанализирован В.И. Лениным в седьмой главе книги "Государство и революция". См.: Королев А.И. Ленинские идеи о государственно-правовом творчестве трудящихся масс России. - Правоведение, 1970, № 2, с. 37.

¹⁰ See: Schapiro L. The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State. First Phase 1917-1922. Cambridge Mass., 1977, p. XXI.

¹¹ Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства 1917-1918 гг., с. 329.

рого суда и отмену всех старых законов.¹² После доклада П.И. Стучки продолжалась напряженная работа над декретом. Разработанный комиссией СНК новый проект обсуждался на заседании президиума ВЦИК 17 ноября. Теперь в проект была внесена формула о революционной совести и о революционном правосознании, поскольку в первом проекте Ленина "... видимо, смущало одно возражение, что у нас для нового народного суда из рабочих нет достаточно новых законов".¹³

Что касается примечания к ст. 5 декрета, то, согласно П.И. Стучке, предложение о том, что для суда являются обязательными пункты программ победивших партий, принадлежит непосредственно Ленину¹⁴ и было, видимо, добавлено уже к третьему, окончательному проекту,¹⁵ утвержденному в СНК, несмотря на возражения эсеров.

Что касается идеологических источников такой революционной трактовки возможностей правосознания, то здесь П.И. Стучка, подчеркивая значение "примечания к декрету, утверждал потом, что "Владимир Ильич не любил фраз без конкретного содержания. Его не привлекли ни "революционная совесть", ни "революционное правосознание".¹⁶ Зато во время принятия проекта "... т. Дуначарский из скептика превратился в восторженного защитника во имя революционного правосознания, тут же подтверждая, что это понятие к нам перешло от Петражицкого..."¹⁷.

Как явствует из вышеизложенного, в период возникновения концепции революционного правосознания многие ее моменты имели "чисто-революционное" происхождение и как таковые должны быть объяснены, в первую очередь, теорией революции.

Видимо, имеет смысл интерпретировать (объективное) появление революционного правосознания вообще как некую "дефор-

¹² См.: Стучка П.И. Избр. произвед. ..., с. 344.

¹³ Там же, с. 344.

¹⁴ Там же, с. 344-345.

¹⁵ См.: Стерник И. Ленинский опыт использования права в интересах революции: Отдельные стороны и аспекты. Ташкент, 1979, с. 163.

¹⁶ Стучка П.И. Избр. произвед. ..., с. 344.

¹⁷ Там же, с. 344.

мацию" революцией (революционным сознанием и революционной практикой) определенных параметров "нормального" классового правосознания. Раскрытие сущности такой "деформации" — задача невыполнимая в рамках одной статьи. Но некоторые предварительные соображения по этому поводу можно высказать после изучения свойств правового и революционного сознания еще до их фактического слияния в революционном правосознании.

5. Исходя из вышесказанного, целесообразно начать более глубокое изучение революционного правосознания с уточнения потенциальных "пунктов соприкосновения" между правовым и революционным сознанием. Только после этого, на наш взгляд, оказывается возможным указать на источники и истинное значение происходящих видоизменений обеих сторон взаимодействия.

Что касается революционного правосознания, то ясно, что оно выступает как разновидность правосознания вообще. Главной отличительной чертой революционного правосознания оказывается особая "регулятивная энергия", чрезвычайная активность его.¹⁸ Отсюда необходимость найти некоторые "внутренние" особенности правосознания, являющиеся основой его регулятивной деятельности.

Даже в случае "нормального" правосознания именно регулятивная функция его считается функцией интегрирующей, в отношении которой все остальные (напр., оценочная, познавательная, воспитательная и т.д.) "... выступают как стороны проявления этой основной функции..."¹⁹. Общей основой как регулятивной, так и других функций правосознания является свойство правового отражения выступать как опережающее отражение,²⁰ которое "... как бы "стремится" переместиться в объективную реальность, "выйти" за границы своей субъективности..."²¹. Одновременно с этим правосознание стремится к фиксации своего содержания (правотворчество), поэтому "... идеальный образ материального ... как бы вторично преобразуется, приобретая нормативную форму..."²². С содержательной точки зрения такая активность правосознания представляется

¹⁸ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. М., 1981, т. I, с. 207.

¹⁹ Бельский К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. М., 1982, с. 66.

²⁰ См.: Чернобель Г.Т. Структура норм права и механизм их действия: Логические аспекты. — Правоведение, 1983, № 6, с. 43.

²¹ Бельский К.Т. Формирование и развитие..., с. 67.

²² Керимов Д.А. Право, правосознание, мировоззрение. — Вопросы философии, 1975, № 12, с. 148.

как особая идеологическая форма общественных отношений, как специфическая связь (юридических) прав и обязанностей,²³ а непосредственным содержанием этой формы оказывается человеческое взаимодействие.²⁴

Так, суть регулятивной активности правосознания выступает как идеальное структурирование разнородного взаимодействия людей по особой абстрактно-нормативной схеме; эмпирическая деятельность как бы распределяется в сознании по "квантам" прав и обязанностей.

Следовательно, правосознание характеризует особое внимание к форме реализации своего содержания (классовой воли). Можно сказать, что эта форма (связь прав и обязанностей) более жестко предопределена сущностью правового сознания, чем у других форм общественного сознания.

Так, при выделении специфики правосознания мы обращаем особое внимание на те общие условия, от удовлетворения которых зависит эффективность именно правового регулирования данной области общественной жизни. Такой подход позволяет более четко указать на "перспективную" с точки зрения права "арену" общественных отношений в революции.

Поэтому, в целях дальнейшего исследования, введем понятие исходных имплицитных установок регулятивной деятельности правосознания. В соответствии с традициями марксизма мы исследуем, в первую очередь, установки классического буржуазного правосознания как некой идеальной модели правосознания вообще. Под содержанием имплицитных установок правосознания мы понимаем совокупность тех свойств социальной действительности, наличие которых правосознание предполагает внутри себя как что-то данное до реальной регулятивной деятельности. С другой стороны, на уровне (типичного) сознания субъекта правового отношения такую систему "установок" можно рассматривать как фильтр селекции эмпирической информации, лежащей в основе поведения. Думается, в содержание таких имплицитных установок буржуазного правосознания, на наш взгляд, включается:

1. Положение о репродуктивной сущности социальной жизни. Основой такого предположения служит тот объективный факт, что большинство общественных отношений характеризует

²³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права..., т. 2, с. 98.

²⁴ См.: Гревцов Ю.И. Социальные и юридические аспекты правоотношения. - Правоведение, 1977, № 2, с. 13.

"... неоднократная повторяемость в более или менее постоянном качестве. Общественное отношение как бы "затвердевает", образуя стабильную форму социального взаимодействия, пригодную относительно длительное время для самых различных индивидов".²⁵ Репродуктивный характер "сущего", как правило, обуславливает такой же характер "должного". В конечном счете, "... социальной нормой является такое поведение, которое выражает типичные связи и отношения..."²⁶.

2. Правосознание свойственен своеобразный идеализм при определении взаимосвязи между правовой формой и ее содержанием. Опосредуя общественные отношения, правосознание исходит из того, что всякая осознанная воля класса как "должное" "переводится" в нормативную форму, на язык права, без какого-либо качественного видоизменения содержания этой воли. Типичное сознание буржуа вообще интерпретирует мир человеческих взаимоотношений как бесконечную цепь взаимных прав и обязанностей.

3. Правосознание рассматривает все субъекты общественных отношений в качестве самостоятельных атомов с автономной волей по сути эгоистического характера²⁷, т.е. предполагает обязательное существование первоначально несовпадающих интересов между субъектами.

4. Одновременно правосознание исходит из признания со стороны этих автономных субъектов объективной необходимости правового общения между собой. Субъект правоотношения должен осознать свое поведение как рациональное, он "... должен знать "зачем", "почему", иначе регулятивные функции правовой нормы, как всякой иной социальной нормы, потеряют свой смысл", - пишет, например, Г.Т. Чернобель и продолжает: "К объективной необходимости как одному из модусов истины сводится вся прескриптивная значимость правовых норм".²⁸ Мы не видим здесь принципиальной разницы в субъективном осмыслении своей ситуации в случаях, когда правовое общение происходит вне рамок официального права (закона).

5. Правосознанием предполагается существование каких-то объективных критериев для "измерения" несовпадающих интересов членов общества, а также постулируется практическая осу-

²⁵ См.: Гревцов Ю.И. Социальные и юридические аспекты правоотношения. - Правоведение, 1977, № 2, с. 10.

²⁶ Кудрявцев В.Н. Юридические нормы и фактическое поведение. - Советское государство и право, 1980, № 2, с. 13.

²⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 323.

²⁸ Чернобель Г.Т. Структура норм права и механизм..., с. 44.

ществляемость самого процесса "измерения" и выражения результатов в осмысленном и объективированном виде. Последние должны играть роль рациональной основы права как "равной меры". Такое стремление правосознания к выработке "равной меры" для всех и попытки рационально обосновать ее есть явное проявление "узости" правового видения мира.²⁹

6. Правосознание имеет установку к ограничению объема информации, служившей основой правовой регуляции взаимодействия людей. Такая информация признается юридически значимой.

7. Правосознание стремится к контролю над каналами внеправовой информации, через которые можно влиять на его нормативную деятельность. Так, оно пытается достигнуть такой коммуникативной дистанции между партнерами правового общения, с которой их социально-психологическое восприятие друг друга оказалось бы нейтральным, вне конкретных социальных ролей. С такой дистанции "социальная маска" легче растворяется в абстрактном статусе правового субъекта.*

Подчеркнем, что изложенные положения – не признаки самой правовой формы общественных отношений, а именно идеальные установки к соответственному их оформлению. С другой стороны, содержание таких установок представляет собой те объективные условия, при наличии которых можно ожидать эффективное функционирование правосознания, в рамках его ограниченности. И такие общеизвестные признаки правовой формы как ее абстрактность, свобода и формальное равенство субъектов, всеобщность и т.д.³⁰ во многом логически выводимы из содер-

²⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 19-20.

* Характерно, что известный американский философ Дж. Роулз, объясняя свою модель справедливого общества, указывает, что члены его, хотя признают друг друга рациональными существами, при распределении прав и обязанностей не интересуются партнерами как личностями. Господствует "взаимная незаинтересованность". See: Rawls J.A. *Theory of Justice*. Oxford, 1971, p. 13. Другой автор новых естественно-правовых концепций, Л.Л. Фуллер, определяет самую удобную социально-психологическую позицию договаривающихся (правовых) сторон в отношении друг друга как "дружелюбных чужих" See: Fuller L.L. *Human Interaction and Law*. - In: *The Principles of Social Order. Selected essays of Lon L. Fuller*. Durham N.C., 1981, p. 237.

³⁰ См.: Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия. - Советское государство и право, 1983, № 10, с. 28.

жания упомянутых нами установок правосознания.

Выделение таких установок классического правосознания для нас удобный прием для установления наиболее важных пунктов, характеризующих отличие революционного правосознания от "нормального" его варианта. Из вышеизложенного явствует, что в зависимости от конкретных условий каждая выделенная нами "установка" может действительно быть в согласованности с параметрами социальной реальности и материализоваться через нее. В противном случае правосознанию остается либо замкнуться в свой иллюзорный мир и потерять всякое регулятивное влияние на действительность, либо приспособливаться ценой определенных внутренних видоизменений к новым условиям.

6. Такой процесс происходит с правосознанием в революционном обществе. Сравнивая правосознание нового, прогрессивного класса с "нормальным", буржуазным правосознанием, можно указать на двоякого рода факторы, вызывающие несвойственные последнему установки революционного правосознания:

а) в ходе социальной революции изменяются некоторые существенные параметры самой социальной субстанции (общественных отношений) как предмета регулятивной активности правосознания;

б) на ориентацию правосознания восходящего класса влияет содержание революционного сознания как некоего целого; как теоретическое, так и обыденное, массовое революционное сознание должно в ходе революции дать свой ответ на положения, принятые правосознанием за основу своей деятельности.

Чтобы показать сложность и многоаспектность проблем, связанных с влиянием вышеупомянутых факторов, укажем здесь лишь на некоторые вопросы.

Первый из них касается установки правосознания на репродуктивный характер социальных отношений. Не требуется особых доказательств, что в условиях революции такой подход ведет к самоограничению правосознанием своей регулятивной сферы. Хотя, разумеется, в революционном обществе сохраняются многие области (потенциальных) правовых отношений со своей высокой степенью репродуктивности (например, семейные или гражданско-правовые отношения между частными лицами).

Кроме того одни общественные отношения быстрее других вновь приобретают стабильность - новую репродуктивность. Но, в общем, внутренняя императивность социальной субстанции, требующая постоянного производства ее в одной и той же форме, в условиях революции резко снижается.

В советской юридической науке поставлен вопрос о генезисе "зрелых" (репродуктивных) общественных отношений из разного рода общественных связей. Проблема их регуляции является "... одной из сложных и дискуссионных проблем теории права".³¹ Но, кажется, революция порождает социальные отношения и совсем необычного типа. Так, А.И. Мазаев, исходя из известного положения Ленина, что "революция - праздник угнетенных и эксплуатируемых...", заключает, что приведенная аналогия между революцией и праздничной деятельностью имеет у Ленина не случайное и поверхностное значение, а "праздничная энергия" есть, по-видимому, не что иное, как творческая субстанция, объединяющая в себе чувственно-практическую и идеально-условную деятельность масс в революции"³², и что результаты революционной деятельности "... если не прямо тождественны, то во всяком случае очень родственны состоянию праздничности, которая есть также результат сдвига условий, норм и ценностей социальной жизни, разыгрываемого, правда, символически..."³³. Видимо, такая "праздничная" в своей основе деятельность носит не репродуктивный, а продуктивный характер, без которого немислим процесс социального творчества, создание "новой" действительности в революции. Но при этом возникает целый комплекс проблем - регулируется и управляется ли вообще такая деятельность, отражается ли она правосознанием, какие изменения вызывает в работе последнего. Все они представляют собой предмет будущих исследований.

7. Что касается взаимоотношений между революционным сознанием как целым и революционным правосознанием, то для понимания особенностей нормативных идеалов первого следует, на наш взгляд, обратиться к результатам его анализа, проделанного Р.Н. Блюмом, многие аспекты которого непосредственно касаются рассматриваемых нами проблем. Суть содержания революционного сознания, по Р.Н. Блуму, определяется, исходя из принципиально разных трактовок "должного", различными направлениями революционной мысли. Существует несколько вариантов "должного", которые постепенно выкристаллизовывались в ходе исторического развития домарксистской революционной мысли.

³¹ См.: Гревцов Ю.И. Социальные и юридические аспекты ...., с. 11-17.

³² Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978, с.221.

³³ Там же, с. 222.

Ими являются, во-первых, "должное" как идеал, для осуществления которого общественный строй надо создать заново. "Должное" здесь резко противопоставляется сущему. Во втором варианте противопоставление так резко не ощущается. "Должное" интерпретирует себя как очищенное от пороков, сущего. И, наконец, третий вариант "должного", которое, противопоставляя себя сущему, моделирует в себе прошлое; оно направляется не вперед, а назад.³⁴

Первый вариант указанного нами "должного" связывается с направлением т.н. социальной теории революции, основой которой является признание возможности свободной социальной деятельности, провозглашение автономности и независимости личности, подчеркивание значения самостоятельной активности в деятельности масс и демократическая вера в их творческую потенцию. К этому добавляется принципиальный отказ от политических средств при осуществлении своих задач.

Содержание второго варианта - т.н. политической теории революции - определяется верой его сторонников в стихийно-естественное развитие социальной субстанции, отрицанием творческой потенции масс в революции, сведением задач ее к осуществлению политических целей при помощи революционного меньшинства в рамках государства. Идеал этот направлен на разрушение уже назревших противоречий. Ясно, что в реальной истории революционная мысль чисто не выступает в форме изложенных крайностей, а в некоторых промежуточных вариантах.³⁵ На наш взгляд, факт установления "социальной" и "политической" ориентации революционного сознания, позволяет глубже раскрыть механизм взаимодействия и взаимообусловленности революционного и правового сознания в революции.

Ограничимся здесь лишь некоторыми общими замечаниями по поводу указанной связи между содержанием революционного и правового сознания.

Как отмечает Р.Н. Блюм, "... конечное объяснение политический и социальный подходы (типы мышления) ... находят в двух основных способах деятельности - репродуктивном и продуктивном".³⁶ Поэтому выводимая из репродуктивной деятельно-

³⁴ См.: Блюм Р.Н. Некоторые методологические вопросы изучения истории революционной мысли. - В кн.: Философские проблемы исторической науки. Тарту, 1982, с. 75. (Учен. зап./Тарт. гос. ун-т, вып. 599).

³⁵ См.: Там же, с. 77-80.

³⁶ Там же, с. 91.

сти как из общей своей модели установка "политического" революционного сознания к "очищению" существующей реальности мыслится как процесс, в ходе которого рекомбинируются элементы того же сущего. Такой подход по сути своей требует внутренней "разрушаемости" социальной субстанции, возможности дискретизации явлений социального мира для достижения целей революции. Постепенное "построение" нового общества противопоставляется "созданию" его как какому-то внутренне единому акту. Из вышесказанного логически следует ориентация "политического" мышления на использование правовой формы общественных отношений для рекомбинирования уже имеющихся общественных отношений. На первый взгляд правовая форма является эффективным средством для сведения уровня такого "комбинирования" до отдельного индивида. Распределение прав и обязанностей дает (в целом иллюзорную) возможность организовать общественную связь между членами общества по самым различным схемам.

С другой стороны, известная из истории революции 1917 года тенденция среди теоретиков, практических юридических работников и широких слоев народных масс к преувеличению самостоятельной роли революционного правосознания³⁷ объясняется не только реакцией на ненавистные старые законы и влиянием психологической школы права. Такие явления (ярко наблюдаемые именно в начальные периоды социалистической революции), по-видимому, можно интерпретировать и как характерную для "социальщиков" боязнь разрушения единого потока уникального революционного творчества путем его фиксации и последующего нормирования. Не осознавая в полной мере необходимость "всунуть" "... кусок "буржуазного" права в коммунизм...",³⁸ они все-таки по-своему старались ответить на вопрос о путях разрешения противоречия между правовой формой и уникальностью революционных процессов.

8. Подведя итог, подчеркнем, что вышеприведенный анализ показал: понятие революционного правосознания может иметь специфическое, отличающее его от юридической трактовки, содержание в марксистской теории революции. Эта специфика проявляется уже на уровне изучения конкретно-исторического ма-

³⁷ См.: Антонова Л.И. Проблема правотворчества и некоторые вопросы становления советского права. - Вестн. Ленингр. ун-та, 1964, № 23, с. 85-94. Рейснер М. Право. (Наше право. Чужое право. Общее право)...., с. 22.

³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 99.

териала, когда возникает необходимость охватить этим понятием правовые или "полу-правовые" идеи, установки и явления, сущность которых не может раскрыть теория права.

На более абстрактном уровне понятие революционного правосознания могло бы отражать прежде всего способы и закономерности формирования качественно новой, более гибкой регулирующей силы, вырастающей из взаимодействия революционного сознания и правосознания. Но многие изложенные выше аспекты данного круга проблем свидетельствуют о необходимости их детального изучения в рамках марксистской теории революции.

А.И. ГЕРЦЕН О РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

И.В. Порох

В теоретических построениях Герцена вопрос о революции в России и о ее особенностях занимал видное место¹. Проблему революционного преобразования своей родины он неразрывно связывал с созданной им концепцией "русского общинного социализма"².

Однако Герцен далеко не сразу пришел к конечным выводам о методах и средствах социальной реорганизации России. Они сложились в результате длительных раздумий и соответствующих откликов на те или иные события времени.

Известно классическое положение В.И. Ленина о том, что "марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы"³.

Без преувеличения можно сказать, что Герцен явился одним из тех деятелей переходной России, которые внесли заметный вклад в мучительные поиски правильной революционной теории, в том числе и по вопросу о революции.

В настоящей статье предпринимается попытка проследить

---

¹ Обстоятельнее всего и теоретически наиболее глубоко в советской историографии проблема революции в общественной мысли второй половины XIX в. изучена Р.Н. Блюмом. На эту тему им в 1975 г. была защищена докторская диссертация. Важнейшие суждения, связанные с характеристической взглядов Герцена на революцию, изложены Р.Н. Блюмом в статьях: 1) Понятия политической и социальной революции в домарксистской и марксистской общественной мысли. - В кн.: Проблемы теории социальной революции. М., 1976; 2) Место проблемы революции в мировоззрении А.И. Герцена. - Уч. зап. Тарт. ун-та, 1984, вып. 693.

² См.: Порох И.В. А.И. Герцен - основоположник теории "русского социализма". - В кн.: Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

процесс формирования взглядов Герцена на революцию, а также выяснить, как его общетеоретические положения о последней конкретизировались и уточнялись применительно к России.

Разбросанные во многих сочинениях мысли Герцена о революции позволяют высказать суждение о том, что в понимании Искандера она была категорией исторической и зависела от определенных обстоятельств той или иной эпохи. Когда же возникли у Герцена революционные идеи, кто способствовал их пробуждению, в какую форму они вылились?

Интерес к революции проявился у Герцена еще в юношеские годы. Решающим толчком в этом направлении послужили движение декабристов и их трагическая судьба. Определенную роль в политическом прозревании молодого вольнодумца сыграли прочитанные им книги о революциях во Франции в конце XVIII в. и в 30-х годах XIX в. И конечно же важными факторами в этом процессе явились его личные наблюдения революционных бурь в Европе в 1848-1849 гг. и активное участие в русском освободительном движении периода первого демократического натиска на самодержавие.

Спустя много лет после памятных событий 20-х годов в России Герцен в статье "Еще раз Базаров" высоко оценил значение предшественников в развитии освободительных идей. "Прошедшее, — утверждал он, — оставляет в истории ступни, по которой наука, рано или поздно, восстанавливает былое в основных чертах. Утрачивается одно случайное... Связи, степени родства, завещатели и наследники, и их взаимные права — все раскроется геральдикой науки. Без предшественников родятся только богини, как Венера из пены морской". И далее Герцен с благоговением и категорической определенностью заявлял: "Декабристы — наши великие отцы."⁴

У декабристов понятие революции не было дифференцировано на политическую и социальную. Однако в обобщающем представлении о насильственном перевороте акцент ими ставился на его политической стороне. Характеризуя в следственном показании, данном 18 марта, восстание на Сенатской площади, Г.С. Батеньков писал: "Покушение 14 декабря не мятеж ... , но первый в России опыт революции политической, опыт почтенный"⁵ в бы-

⁴ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., т. 20, ч. I, с. 345-346. В дальнейшем ссылки на это издание будут даны сокращенно в тексте.

⁵ Слова "но первый в России опыт революции политической, опыт почтенный" были подчеркнуты кем-то из высокопостав-

тописаниях и в глазах других просвященных народов. Чем менее была горсть людей, его предпринявшая, тем славнее для них, ибо, хотя по несоразмерности сил и по недостатку лиц, готовых для подобных дел, глас свободы раздавался не более нескольких часов, но и то приятно, что он раздавался".⁶ Аналогичными были взгляды большинства декабристов на революцию. Хотя среди них имелись и последователи П.И. Пестеля, который в "Русской правде" предусматривал значительные социальные преобразования. Пестель, как считал Герцен, пошел дальше всех декабристов в своих замыслах. "Он полагал, что провозглашение республики ни к чему не приведет, если не вовлечет в революцию поземельную собственность" (УП, 199). Но осуществление этих планов растягивалось на довольно длительный срок и вменялось в обязанность Временному Верховному правлению. Следовательно, и в этом случае вопрос о политическом переустройстве России приобретал первостепенное значение.

Обращаясь к историческому опыту Франции конца XVIII в., Герцен пришел к заключению, что "французская революция была колоссальной попыткой заменить политический, юридический, религиозный быт ... Но опрокидывая могучим потоком все церковно-политическое устройство, революция остановилась перед экономическим вопросом", без решения которого она не могла "шагу идти дальше" (XVIII, 380).

Понимание необходимости кардинально решить экономические проблемы, составляющие сущность революции, пришло к Герцену с годами. Во время же студенчества такой ясности у него не было. В революционных убеждениях молодого Герцена очень много чувственного, эмоционального, идущего от личного примера "апостолов свободы", как называл он декабристов. "Мы от декабристов, - признавался Герцен, - получили в наследство чувство человеческого достоинства, стремление к независимости, ненависть к рабству, уважение к Западу и революции, веру в возможность переворота в России, страстное желание участвовать в нем, юность и непочатость сил". Чрезвычайно важным являлось заявление Герцена, что "все это перерабатывалось, стало иным, но основы цели" (XX, ч. I, 346; курсив мой - И.П.)

Вспоминая свои студенческие годы и разговоры между еди-
ленных лиц, причастных к следствию, скорее всего Николаем I.

⁶ Восстание декабристов: Мат-лы и документы. М., 1976, т. I4, с. 90-91.

номышленниками по кружку, Герцен писал: "Что мы собственно проповедовали, трудно сказать. Идеи были смутны, мы проповедовали декабристов и французскую революцию, потом проповедовали сен-симонизм и ту же революцию, мы проповедовали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего проповедовали ненависть к всякому насилию, всякому правительственному произволу" (X, 318).

Это было естественной реакцией на деспотический режим "царя-капрала" Николая I. Тридцатилетнее царствование "Катола деспотизма" (XIII, 192) Герцен назвал "моровой полосой", во время которой "картина официальной России внушала только отчаяние" (VII, 211). Однако репрессивные акции царизма не могли остановить развития освободительных идей в стране. "Внутри государства, — констатировал Герцен, — совершалась великая работа, — работа глухая и безмолвная, но деятельная и непрерывная; всюду росло недовольство, идеи за эти двадцать пять лет (написано было в 1850 г. — И.П.) распространились шире, чем за все предшествовавшее столетие" (VII, 211).

Одним из завоеваний общественной мысли России начала 40-х годов, связанных с теоретическими исканиями Герцена, было признание им неразделимости социализма и революции, а также того, что "политические перевороты без социального сделались невозможны" (II, 287). Эти слова записаны 18 июня 1843 г. в его "Дневнике". Через пять дней Герцен в несколько иной редакции повторил ту же самую мысль: "... необходимость социального переворота теперь стала очевидна", — писал он (II, 287). Данное умозаключение возникло у Герцена при чтении книги Луи Блана "История десяти лет (1830—1840)" (Париж, 1841—1845, т. I-5), то есть до революционных событий 1848—1849 гг. Оно генетически объединило идейное воздействие Пестеля на Герцена, который уже увлекся социалистическими идеалами Сен-Симона и для которого не прошли даром уроки французской революции 1830—1831 гг.

По мнению Герцена, Пестель "был социалистом, прежде чем появился социализм". Он "первый задумал привлечь народ к участию в революции" (VII, 200), рассчитывая на армию и на раскольников. Однако, как констатировал Герцен, "... Пестель заблуждался: ни друзья его не могли подготовить социальную революцию, ни народ участвовать в общем деле с дворянством; но только великим людям дано ошибаться подобным образом, предвосхищая развитие народных масс. Он был пророком, а все

общество - огромной школой для нынешнего поколения" (УП, 200).

В признании величия социально-политического пророчества Пестеля Герцен одновременно проявил понимание ограниченности дворянской революционности. В связи с этим его взоры обращаются к народу. В дневниковых записях Герцена за 1844-1845 гг. неоднократно встречаются упоминания о настроении крепостных крестьян. Имея в виду их недовольство, Герцен писал: "... стон со всех сторон, Россия поднимается от Петербурга до Москвы" (П, 391). Но протест крестьян был стихийным и неосознанным. "У нас, - с горечью замечал Герцен, - оскорбленный или снесет как раб, или отомстит как взбунтовавшийся холоп" (П, 363). Герцен объяснял такое положение прежде всего тем, что освободительные идеи в народ не проникли. "... Понятие свободы или либеральные идеи в России, - читаем у Искандера, - развиваются за пределами народного сознания" (ХП, 74).

Николаевское царствование было "страшной эпохой". 13 сентября 1850 г. Герцен писал Д. Маццини: "Что касается России, вести оттуда печальны. Одна покорность судьбе, одно отчаяние и ужасная тирания... Однако недовольство велико: крестьяне и особенно раскольнику ропщут". А затем следует признание, которое является ключом к выяснению взглядов Герцена на революцию в годы правления Николая I. "Я не верю ни в какую революцию в России, - писал Герцен, - кроме крестьянской. Тот, кто сумеет объединить раскольников и крестьян, как Пугачев уральских казаков, поразит насмерть ледяной петербургский деспотизм" (XXIV, 143). Обращение к примеру крестьянской войны под руководством Е. Пугачева было весьма симптоматичным. По сути дела Герцен этим утверждал право народа ответить на насилие насилием.

Взгляды Герцена на то, какими средствами и методами возможно осуществить социальные преобразования в России, претерпевают изменения после смерти 18 февраля 1855 г. Николая I и вступления на престол Александра II. Демагогические заявления "Манилова на троне" о желании освободить крестьян ослепили на время Герцена, вселили ему надежду на революцию сверху. В статье-письме "Русский народ и социализм" Герцен, повествуя о либерально-реформаторских настроениях Александра II, писал: "Он понял, что освобождение крестьян связано с освобождением земли; что освобождение земли в свою очередь - начало социальной революции, провозглашение сельского комму-

низма (УП, 325).

При этом переориентация Герцена с политической революции на социальную не означала отказа от революционных традиций. Точнее это было преодолением ограниченности военно-политической революции конспираторов 20-х годов и признанием реальности мирного переустройства социально-экономического строя, равнозначного революционной ломке последнего.

Как и прежде в центре внимания Герцена остается проблема соотношения социализма и революции. Еще в сентябре 1849 г. (27-28) он писал своим московским друзьям: "Конец политических революций и восхождение нового миросозерцания - вот что мы должны проповедовать" (XXIII, 188). Позднее Герцен твердо для себя уяснил, что современная ему "революционная мысль - это социализм. Без социализма нет революции... От того для нас социализм много привлекательней, чем все красивые теории о равноправии властей и равновесии правительств" (XII, 73).

В созданной им в 1853 г. Вольной русской типографии в Лондоне Герцен на гребне общественного подъема конца 50- начала 60-х гг. в России осуществляет издание "Полярной звезды" и "Колокола", которые становятся органами революционной пропаганды. С полным основанием Герцен мог заявить о том, что "влияние лондонского станка от 1856 до конца 1863 года - не только практический факт, но факт исторический" (XX, ч. I, 340).

Конечно, из всех изданий Вольной русской типографии наибольшей популярностью и успехом пользовался "Колокол", с которого, по словам Герцена, "началась серьезная пропаганда". Отмечая десятилетие со дня выхода первого номера газеты, Герцен писал: "Колокол" был и будет прежде всего органом русского социализма и его развития, - социализма аграрного и артельного, сельского и городского, государственного и областного. Социальному развитию России для нас подчинено все" (XIX, 286).

В.И. Ленин чрезвычайно высоко оценил издательскую деятельность Герцена, акцентируя внимание на том, что он "первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с вольным русским словом"⁷.

Среди выступлений Герцена конца 50-х годов по вопросу о революции программный характер носила его статья "Революция в России", опубликованная 1 августа 1857 г. во втором листе

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261-262.

"Колокола". Главное назначение ее заключалось в определении сущности предстоящих в стране перемен и в выработке соответствовавшей характеру социальной революции тактики освободительной борьбы.⁸ Революция, в которую Россия, как казалось Герцену, вступала под влиянием общественного пробуждения,⁹ представлялась ему в виде радикальных изменений в укладе жизни крестьянства, связанных с отменой крепостного права и предоставлением сельским жителям земли на основе общинного пользования.

Исходя из особенностей русской действительности и своеобразия момента, Герцен считал, что осуществить такой переворот — социальную революцию — можно посредством реформы сверху. Не случайно поэтому в качестве эпиграфа к статье были приведены слова Александра II, сказанные 31 марта 1856 г. при встрече с предводителями уездного дворянства Московской губернии о том, что "лучше, чтоб эти перемены (имелась в виду отмена крепостного права — И.П.) сделались сверху, нежели снизу."

К этому времени у Герцена уже сложились важнейшие положения его концепции революции. Последняя в трактовке Герцена оказалась равнозначной коренному социальному перевороту, в основе которого лежало освобождение крестьян с землей при сохранении общины. Конечным результатом такого переворота должно было явиться создание общества равноправных труженников, или иначе говоря общинного социализма.

Развивая эту мысль, бывшую для него фаворитной, Герцен особо выделял значение личного освобождения общинников. "Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное self-government на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли, — заявлял Герцен, — вот основной вопрос русской революции — тот самый,

⁸ Ряд интересных соображений о статье Герцена "Революция в России" содержится в работе: Кошовенко А.Е. Герцен и либералы в период революционной ситуации 1859—1861 годов. — В кн.: Из истории революционного движения в России в XIX — начале XX вв. Уч. зап. АОН при ЦК КПСС, 1958, вып. 36, с. 121—122.

⁹ Любопытно, что К. Маркс 8 октября 1858 г. писал Ф. Энгельсу: "В России началась революция — таким началом я считаю созыв "нотаблей" в Петербурге." Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 295.

¹⁰ Самоуправление — англ.

что и вопрос о великом социальном освобождении, несовершенные решения которого так волнуют западные умы" (XII, 189-190).

Герцен понимал, что "социальные формулы остаются смутными, покуда жизнь их не осуществит" (XII, 190). Но у него была уверенность, что развивающаяся в России на почве общинного строя социальная революция приведет к социализму. Поэтому он писал: "В социализме встретится Русь с революцией" (XII, 86). В статье-обращении "К нашим" Герцен выразил эту мысль формулой: "С нами революция, с нами социализм!" (XII, 297). Определяя конкретное содержание социального переворота, Герцен исходил из наличия в России поземельной общины, которая, по его мнению, таила в себе зародыш более совершенной организации общества по сравнению с тем, что было заложено в западно-европейской экономике. С учетом этой особенности России суть социального переворота в ней, по Герцену, заключалась в освобождении крестьян с землей, что при наделении их политическими правами и при сохранении коллективной собственности приведет к преобразованию, равнозначному революции. Замечу, что для Герцена решающим в революции был социальный фактор. Такой акцент делался Герценом на основании двух выводов: первого - "что вопрос о материальном благосостоянии составляет важную половину всех вопросов современности" (V, 234), и второго - что политические и религиозные революции исчерпали себя и не могут больше служить источником общественного прогресса (VII, 309). Главной причиной неудач всех предшествующих революций Герцен считал то, что они не разрешили социального вопроса. "Все несчастье прошлых переворотов состояло в упущении экономической стороны, которая тогда не была еще настолько зрела, чтоб занять свое место, тут одна из причин, почему великие слова и идеи остались словами и идеями" (V, 235). И далее: "Все революции не удались в Европе потому, что они не касались ни поля, ни мастерской, ни даже семейных отношений" (XII, 309).

Совершенно иной характер, как предполагал Герцен, должна была носить революция в России (XII, 168). отождествляя ее с социальным переворотом, он, однако, не ставил знака равенства между революцией и социализмом. В понимании Герцена, социализм по своему объему и содержанию шире социального переворота, то есть революции, поскольку он предусматривает решение вопроса о свободе личности, о самоуправлении общины и о федеративном устройстве республики в России. Но вместе с тем оба эти явления неразделимы, поскольку именно в револю-

ции должна встретиться Русь с социализмом. Революция — первый шаг социализма, но без социализма нет революции. Таковы кратко основные положения герценовской теории "русского" общинного социализма. Исчерпывающее определение ее сущности дается в статье "Порядок торжествует". "Мы русским социализмом, — писал Герцен, — называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, — и идет вместе с рабочей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука" (XIX, 193). Герценовская теория русского общинного социализма была рассчитана не столько на насильственную ломку старых общественных отношений, присудий поземельной общине, сколько на внесение в них принципа свободы и равенства. Объективно русский общинный социализм был выражением демократических настроений широких крестьянских масс, их исконных стремлений к обеспечению "права на землю" и к ее уравнительному разделу. Поэтому в нем, как отмечал В.И. Ленин, не было ни грана научного социализма.¹¹ В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание.¹² Но сам Герцен считал, что ему удалось преодолеть утопизм западно-европейских социалистов, что он стоит на реальной почве, дающей возможность осуществить передовую теорию на практике.¹³ Материальную основу социализма в России Герцен видел в сельской общине. "Никто не хочет у нас, — писал он, — ломать ничего народного, основного, никто — создавать по отвлеченному идеалу... Хотят устранить препятствия, снять ненужные преграды, хотят развязать руки, развязать мысль, отрицают собственно отрицательное, мешающее, искажающее, гнетущее, полумертвое. Хотят дать волю народному складу и мысли, искусившейся опытом других. Все это вовсе не утопия; элементы, основания у

¹¹ Ср.: Макашин. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850-1860 годов: Биография. М., 1972, с. 431.

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 258.

¹³ Ср.: Козьмин Б.П. А.И. Герцен в истории русской общественной мысли. — Изв. АН СССР. Серия истории и философии, 1945, т. 2, с. 103; Левин Ш.М. К вопросу об исторических особенностях русского утопического социализма. — В кн.: Исторические записки АН СССР. М., 1948, т. 26, с. 223; Володин А.И. В поисках революционной теории. М., 1962, с. 69.

нас даны: народный русский быт и наука Запада, в их сочетании — наша сила, наша будущность, наше преимущество" (XIII, 8).

Исходя из того, что революции бывают социальные и политические, Герцен строго различал готовность России к каждой из них. К социальной революции, по мнению Герцена, имелись все необходимые предпосылки и условия, а к политической революции таких еще не было. "Вопрос о возможности революции в России, — читаем у Герцена, — сводится к вопросу о материальной силе. Вот почему... страна становится почвой, наилучшим образом подготовленной для социального возрождения" (УП, 251). Материальную силу социальной революции в России Герцен видел в сельской общине и природной склонности крестьянства к решению экономических вопросов. В феврале 1857 г. он писал И.С. Тургеневу: "Эпоха, в которую Россия вступает теперь, необыкновенно важна: вместо небольших политических реформ, для которых мы не опытом, а умом слишком стары, мы стоим лицом к лицу с огромным экономическим переворотом, с освобождением крестьян" (XII, 432). Для политической революции в России, которая должна сопутствовать социальной, Герцен не видел идеологического основания, без чего она не могла рассчитывать на успех. Упрекая Александра II за то, что он медленно и непрямо идет по тому пути реформ, о которых сам столько наталковал, Герцен писал: "Пора перестать тупо бояться человеческого языка, белого дня, — из трусости перед какой-то призрачной революцией, на которую нет готовых элементов" (XII, 434).

Не вызывает никакого сомнения, что в данном случае речь шла, безусловно, о политической революции, которой больше всего боялось правительство. Одна из главных причин неподготовленности к ней России состояла в незрелости масс, в отсутствии у них политических интересов. "Никакие чисто политические задачи не могли привести русский народ к восстанию... Общественные, социальные задачи найдут большой отклик у русского народа, так как, без сомнения, понятие свободы или либеральные идеи в России развиваются за пределами народного сознания" (XII, 74). Герцен был совершенно прав, когда утверждал, что "слово социализм не известно нашему народу". Но учитывая приверженность крестьянства к социальным вопросам, считал, что "смысл его близок душе русского человека, изживающего век свой в сельской общине и в рабочей артели" (XII, 85-86). Сопоставляя уровень политическо-

го сознания народа с его внутренними социальными инстинктами, Герцен отмечал, что "ни одна политическая идея до него (народа - И.П.) не дошла - однако, существуют интересы, которые не преминут всколыхнуть русскую деревню" (ЖП, 175). Герцен был глубоко убежден, что русский народ "ближе к социальной революции, чем к революции политической" (ЖП, 220). Русский народ держался вдали от политической жизни, будучи совершенно равнодушным к форме государственного устройства. Более того, в нем жила наивная вера в доброго царя. Все эти обстоятельства привели Герцена к выводу, что "... русский народ, столь равнодушный, столь не способный к постановке политических вопросов - своим бытом ближе всех европейских народов к новому социальному устройству" (ЖП, 187) или, иначе говоря, к успешному осуществлению социальной революции.

Подразделив революцию на два типа - на социальную и политическую, - Герцен подошел к определению своей тактической платформы и к выбору методов и средств для достижения цели в каждой из названных революций отдельно. Принципиальные положения тактической платформы Герцена состояли в том, что при проведении социальной революции предпочтительнее был мирный путь ее развития, в то время как успех политической революции мог быть достигнут только посредством насилия. В основе такого вывода лежало герценовское представление об общине как материальной силе социальной революции в России и сложившееся у него мнение о полной отрешенности русского народа от политической борьбы. Но при этом, как уже отмечалось выше, он оговаривался, что не верит ни в какую другую революцию в России, кроме крестьянской (ЖП, 143). Крестьянство же еще не доросло до сознательного выступления против самодержавия. Не забывал в этом случае Герцен и горького опыта декабристов. Делая ставку на социальную революцию и на мирное ее осуществление, Герцен стремился предотвратить ненужное кровопролитие и предупредить большие бедствия. "Ильинская кровь, - писал он с нескрываемой горечью, - взойшла у меня в мозг и нервы, я с тех пор воспитывал в себе отвращение к крови, если она льется без решительной крайности" (ЖП, 243). Однако он не отменял мысль о насильственных действиях. "Крещение кровью, - заявлял он, - великое дело, но мы не разделяем свирепой веры, что всякое освобождение, всякий успех должен непременно пройти через него" (ЖП, 84).

В конце 40-х - начале 50-х годов Герцен был противником того, чтобы освобождение крестьян, с которого, как он пола-

гал, должна начаться социальная революция, было совершенно "по мании царя". Ставя в укор среднему дворянству то, что оно не проявляет необходимой активности в борьбе против крепостного права, Герцен писал: "Больно, если освобождение выйдет из Зимнего дворца, власть царская оправдается им перед народом и, раздавивши вас, сильнее укрепит свое самовластие, нежели когда-либо" (Там же). Истинное восхищение вызывает это пророческое предвидение. Именно такую роль уготовил царизм реформе 1861 г. Как мудр и дальновиден был Герцен в разоблачении Николаевского самодержавия и как изменилось его отношение к русскому царизму в начальные годы правления Александра II. Вообще до смерти Николая I вопрос о возможности мирного осуществления социальной революции рассматривался Герценом сугубо теоретически на примерах реформаторской деятельности Петра I или правительств Англии и Пьемонта. С середины 50-х г. до реформы 1861 г. происходит некоторая эволюция в политических и тактических установках Герцена, в связи с признанием им возможности освобождения крестьян сверху путем "самодержавной революции". Но эти изменения не поколебали основ его социально-политической концепции, сложившейся в конце 40-х - первой половине 50-х годов.

Герцен полагал, что в начале царствования Александра II все вопросы экономического преобразования в России "так поставлены, что они могут быть разрешены общими социально-государственными мерами без насильственных потрясений" (XII, 432). В статье "Революция в России" Герцен очень обстоятельно изложил свою точку зрения относительно возможности и желательности мирного или насильственного метода осуществления социального переворота. Иначе говоря, о перспективах революции. В 1857 г. он отдавал предпочтение бескровному перевороту. "Мы так привыкли с 1789 года, что все перевороты делаются взрывами, восстаниями, что каждая уступка вырывается силой, что каждый шаг вперед берется с боя, - писал Герцен, - что невольно ищем, когда речь идет о перевороте: площадь баррикады, кровь, топор палача. Без сомнения, восстание, открытая борьба - одно из самых могущественных средств революции, но отнюдь не единственное" (XIII, 21). Насильственные перевороты представлялись Герцену огнедышащими, полными потрясений и катаклизмов, в то время, как мирный путь развития социальной революции так же мог привести к "экономическому Ватерлоо" (XIII, 22). Весьма показательно, что Герцен, высказывая свое резко отрицательное отношение к системе государст-

венного управления в России, тем не менее полагал, что возможен мирный переворот, хотя в случае возвращения Александра II к методам николаевского царствования считал необходимым насильственное уничтожение самодержавия. Герцен расценивал существовавшие государственные формы как никуда не годные и все же от души предпочитал "путь мирного человеческого развития пути развития кровавого". Однако он тут же делал оговорку о том, что его симпатии на стороне "самого бурного и необузданного развития", по сравнению с застоём николаевского *status quo*¹⁴ (XIII, 22).

В решении тактических вопросов Герцен оставался верным своей социалистической теории. Именно основываясь на ней, он пришел к выводу о возможности двух путей осуществления социального переворота в России. Герценовская теория "русского общинного социализма" была без сомнения революционной, и поэтому его ориентация на мирную революцию никак не изменяла ее сущности. Однако позиция Герцена в этом случае не без основания рассматривалась последовательными сторонниками насильственной революции как либеральное отклонение. Само по себе признание возможности и предпочтительности мирного проведения революции не означало принципиального отхода от революционно-демократических воззрений. Скорее, наоборот, это было определенным завоеванием русской политической мысли. Либеральный характер данная тактическая установка приобретала в том случае, когда главные надежды на ее осуществление связывались с реформаторской деятельностью Александра II, чем грешил Герцен.

В своих тактических установках в предреформенный период Герцен руководствовался ошибочным представлением о надклассовом характере русского самодержавия, которое в лице "царя-революционера" Александра II якобы было способно выступить инициатором и возглавить освобождение крестьян. Герцен допускал, что русское самодержавие может превратиться в демократическое и социальное самовластие (XII, 197). Признавая устарелость и негодность всей системы императорского управления, Герцен полагал, однако, что "имея власть в руках и опираясь, с одной стороны, на народ, с другой — на всех мыслящих и образованных людей в России, нынешнее правительство могло бы сделать чудеса, без малейшей опасности для себя" (XIII, 29). Герцену казалось, что если царская власть встанет

¹⁴ Неизменного положения — лат.

во главе народного дела, то не найдется в России достаточной силы, могущей бороться с ней и ей противодействовать (XVI, 225). Не понимая классовой сущности самодержавия, он считал, что "императорская власть у нас - только власть, то есть сила, устройство, обзаведение: содержания в ней нет, обязанностей на ней не лежит, она может сделаться татарским ханатом и французским Комитетом общественного спасения" (XVI, 223), что "наше императорство и наше барство без корней" (XXIX, 191). Для того чтобы царь включился в освобождение крестьянства, необходимо воздействовать на него посредством общественного мнения (XIII, 21; XIV, 185). Связывая с деятельностью Александра II надежду на осуществление социально-экономических преобразований, Герцен иллюзорно видел в нем "царя-революционера" на троне. Для Герцена мирный путь развития революции - не сделка с царизмом, а использование его затруднительного и особого положения в период "кризиса верхов" для того, чтобы добиться освобождения сверху. Поскольку Герцен делал ставку на мирную революцию, он до начала 1861 г. не проводил резкого различия между ней и социальной реформой. Понимая, что "все реформы наполовину сохраняют старый мир, набросив на него новый покров" (XII, 176), Герцен считал, что крестьянская реформа явится началом глубокого социального переустройства общества. Реформа, которая не таила в себе элементов социального преобразования, или, иначе говоря, зародышей социализма, в герценовском представлении не была революционной. Лишь та реформа приближалась к революции, которая закладывала основы всеобщего социального переустройства. Герцен не поднялся до понимания того, что реформа является побочным продуктом классовой, революционной борьбы.

Убедившись в грабительском характере "освобождения" крестьян правительством Александра II, Герцен, не меняя в принципе своих взглядов на революцию как на социальный переворот, становится сторонником насильственного ниспровержения крепостнического строя. Но он не отрекался от мирного преобразования социальных отношений в России при благоприятном стечении обстоятельств. Мирный и насильственный пути у Герцена постоянно соседствуют, и даже в последние годы своей жизни он отдавал предпочтение первому из них. "Мысль о перевороте без кровавых средств, - заявлял он, - нам дорога" (XIX, 191). Свою приверженность к мирному преобразованию он объяснял тем, что "насилом и террором распространяются ре-

лигии и политики, учреждаются самодержавные империи и нераздельные республики, насильем можно разрушать и расчищать место — не больше" (XX, ч. 2, 578). Главная же цель заключалась в том, чтобы заложить основы нового общества. Герцен опасался, что кровавая революция уничтожит духовную и материальную культуру, накопленную человечеством. "Дико необузданный взрыв, вынужденный упорством, ничего не пощадит, он за личные лишения отомстит самому безличному достоянию" (XX, ч. 2, 293).

Новым моментом во взглядах Герцена второй половины 60-х годов стало признание диалектического сочетания социальной и политической борьбы. "Социализм, — утверждал Герцен, — только в антитетическом смысле противопоставляется переворотам чисто политическим, в сущности он представляет их исход. Политический переворот делается внутри известных государственных учреждений, которые идут вперед как неоспоримые условия государственной жизни — будь это монархия или федерализм. Там, где анализ, критика идут далее, там где вовлекаются в спор и борьбу эти условия, то есть где с ними делается то же самое, что реформа делала с папской, а революция с королевской властью — там мы переходим в социализм. Разграничения между политикой и социализмом условны: две разных станции одной и той же дороги" (XVIII, 361).

Приведенное высказывание Герцена является важным свидетельством серьезного шага вперед, сделанного им в понимании роли и значения политической борьбы. При этом Герцен считал политические изменения зависимыми от экономики. "Все государственные и политические вопросы, все фантастические и героические интересы, — писал Герцен, — по мере совершеннолетия народа стремятся перейти в вопросы народного благосостояния" (XVIII, 361). Данные суждения были только проблесками более научного понимания Герценом революционного процесса.¹⁵ И тем не менее В.И. Ленин в свое время призывал пролетариат учиться на примере Герцена "великому значению революционной теории".¹⁶

---

¹⁵ См.: Блюм Р.Н. Проблема революции в общественной мысли второй половины XIX в. Автореф. дис. д-ра филос. наук. Тбилиси, 1975, с. 37-38.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

НАСЛЕДИЕ Н.А. ДОБРОЛИБОВА В ИДЕЙНОЙ БОРЬБЕ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
(Очерк историографии)

Б.В. Емельянов

29 ноября 1861 г., не дожив двух месяцев до своего двадцатипятилетия, Н.А. Добролюбов умер. Прервалась жизнь одного из вождей русской революционной демократии, признанного и любимого широкой русской общественностью, особенно молодежью, публициста, литературного критика и поэта. В известных словах Некрасова:

Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало! -

она выразила невосполнимость утраты.

Над его могилой в своих речах М.А. Антонович, Н.Г. Чернышевский, Н.Л. Тиблен, Н.А. Некрасов и Н.А. Серно-Соловьевич нарисовали яркий образ защитника интересов народа, талантливое критика и литератора. "В самой первой статье его, - говорил Н.А. Некрасов, - проникнутой, как и все остальные, глубоким знанием и пониманием русской жизни и самым искренним сочувствием к настоящим и истинным потребностям общества, все, кто принадлежит к настоящей и мыслящей части русской публики, увидели в Добролюбове мощного двигателя нашего умственного развития"¹. В рапорте агента III Отделения, присутствовавшего на похоронах, отмечалось: "Вообще вся речь Чернышевского, а также и Некрасова, клонилась, видимо, к тому, чтобы все считали Добролюбова жертвою правительственных распоряжений и чтобы его выставляли как мученика, убитого нравственно, одним словом, это правительство уморило его"².

Но были в России силы, и немалые, которые восприняли смерть Н.А. Добролюбова с радостью, понимая, что с поля идейных битв ушел сильный и ни разу не побежденный боец и появи-

¹ Слова приведены в "Современной летописи" журнала "Русское слово", 1861, № II, отд. III, с. 15.

² Н.Г. Чернышевский в донесениях агентов III Отделения. - Красный архив, 1926, № I (14), с. 91-92.

лась, как они полагали, возможность, пусть посмертно, рассчитаться с ним. Именно поэтому смерть Н.А. Добролюбова, борьба за его наследство на десятилетия стали фактом идейной борьбы между различными течениями русской общественной мысли.

Это обстоятельство хорошо понимал Н.Г. Чернышевский, поспешивший вооружить лагерь друзей-единомышленников, сторонников Н.А. Добролюбова собранием его сочинений и по возможности полными материалами его биографии. Чернышевский стал первым революционно-демократическим биографом Н.А. Добролюбова, пропагандистом и исследователем его теоретического наследия. Буквально в следующем номере "Современника" (1861, № II, с. I-18 особой пагинации) он опубликовал некролог "Н.А. Добролюбов", в котором рассказал о нем как об общественном деятеле, революционном демократе, прямом продолжателе дела Белинского. Эти мысли он изложил и в публичном выступлении в зале Руадзе 2 марта 1862 г.*

Большое пропагандистское значение имел приложенный к некрологу список трудов Добролюбова: 60 статей и рецензий, опубликованных в "Современнике", и 17 произведений - в "Свистке". Насколько эта публикация была важной и своевременной говорит тот факт, что при жизни ни одна из работ Добролюбова не вышла под его подлинным именем. Читатели знали работы -ова, Волгина, Н. Лайбова, Конрада Лилиентвагера, Якова Хама и т.д., но не подозревали при этом, что они принадлежали одному лицу - Н.А. Добролюбову.

В этом же марте месяце начали выходить тома первого собрания сочинений критика под редакцией Н.Г. Чернышевского. Во второй половине XIX - начале XX в. этот четырехтомник (обещанный пятый том не вышел из-за ареста Н.Г. Чернышевского) издавался еще шесть раз - в 1871, 1876, 1885, 1896, 1901, 1908 гг.

Лагерь русской революционной демократии в первые месяцы после смерти Н.А. Добролюбова единодушно выступил с пропагандой его идей. Некролог Добролюбова опубликовал в "Колоколе" А.И. Герцен, статью "По поводу похорон Н.А. Добролюбова" в "Современнике" (1861, № II, отд. II, с. 69-79) напечатал И.И. Панаев. В ней автор особо подчеркивал "самый искренний и здравый" патриотизм Добролюбова, считая, что он "один из

* Заметим, что при этом Чернышевский возвышал Добролюбова, считая его роль в русском общественном движении выше собственной.

самых замечательных характеров по стойкости, твердости и благородству из всех литературных деятелей последнего двадцатилетия"³. Со статьями, в которых выяснялось место Добролюбова-мыслителя в истории русской общественной мысли, выступили близкие к кругам революционной демократии И. Плотровский (Иллюстрация, 1862, № 203, 18 января), А. Пятковский (Книжный вестник, 1861, № 22). Наконец, в 1862 г. ближайший соратник Н.Г. Чернышевского Н.А. Серно-Соловьевич выпустил книгу П.А. Бибикова "О литературной деятельности Н.А. Добролюбова".

В книге П.А. Бибикова Добролюбов предстает материалистом, немало сделавшим для пропаганды и утверждения в России идей материализма. При этом автор несколько увлекается и утверждает самостоятельность, независимость философского развития Добролюбова от мировоззрения и воздействия его учителя Чернышевского.

Еще большая заслуга Добролюбова в утверждении материалистических принципов "реальной критики" и эстетики. Разбору и пропаганде их и посвящена большая часть книги. Автор показывает, как высоко оценивал Добролюбов роль литературы в формировании общественного мнения, как особенности общественной жизни предреформенной России определили отличие Достоевского-эстетика и критика от эстетической позиции Белинского. А на примере известного выступления Добролюбова против Пирогова автор раскрывает демократизм, реальный гуманизм Добролюбова, имевший несомненный революционный характер. Заканчивая книгу, П.А. Бибиков прозорливо замечал: "Я вполне уверен: не много пройдет времени, и дребежжащие голоса из "темного царства", приостановленные на минуту инстинктивным сознанием великости потери нашей, глубокой скорби, быть может, и немногочисленной кучки свободных людей, которым возможно было понимание такой личности, как Добролюбов, снова раздадутся с прежней назойливостью, с прежним поклонением старине и различным верованиям, потерявшим всякий смысл и значение, с прежним непониманием настоящего и его требований, стремлений, надежд"⁴.

"Темное царство" не заставило долго ждать; его злобные голоса раздались уже через несколько дней после похорон рус-

³ Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1950, с. 321.

⁴ Бибиков П.А. О литературной деятельности Н.А. Добролюбова. СПб., 1862, с. 109.

ского критика. В заметках и статьях "Русского инвалида" (1861, № 267), катковского "Русского вестника" (1862, № 10) ясно обозначилась попытка принизить значение наследия Добролюбова, противопоставить его живущим и борющимся борцам за народное дело, которых тот же "Русский вестник" обвинял в том, что "мертвого человека они поставили на ходули, одели в маскарадный костюм вождя русской литературы, преисполнили его всякими доблестями, заставили его умереть от особого вида чахотки, еще не известной медицине, — от гражданской скорби⁵ и приглашают Россию пилигримствовать на его могилу"⁶.

В концентрированном виде свое отношение к наследию Н.А. Добролюбова "темное царство" выразило в статьях Е.Зарина "Небывалые люди" (Библиотека для чтения, 1862, № 1-2), "Лесть живому и поругание над мертвыми" (Там же, № 3) и "Сочинения Н.А. Добролюбова" (Там же, № 7). Это была злобная клевета на умершего Добролюбова. В этих статьях отрицался революционный характер мировоззрения критика, его влияние на русскую общественную мысль.

Более утонченную интерпретацию этой же точки зрения предложил Н.Н. Страхов (Время, 1962, № 3). Автор, не отрицая заслуг Добролюбова, утверждал, что не философские, эстетические или политические взгляды Добролюбова вызывали энтузиазм читателей "Современника", а некое "отрицание", содержащееся в его статьях, которое освобождало их от "необходимости мыслить".

Подобная позиция "мягкого удушения" не могла обмануть прогрессивных деятелей русской общественной мысли 60-х годов. Н.Н. Страхову, например, специально ответил Г. Елисеев, который так оценил это выступление противников русского революционного демократа: "Время" распинается, хвалит Добролюбова. Преступный, говорит, был писатель, во главе, говорит, русской литературы стоял, хотя, говорит, был явление и слабое, искаженное, на все смотрел навыворот, даже от мысли человечество отучал и т.п."⁷.

⁵ Здесь явный намек на то место некролога "Н.А. Добролюбов", в котором Н.Г. Чернышевский писал, что "не труд убивал его, — он работал беспримерно легко, — его убивала гражданская скорбь". — См.: Литературное наследство. М., 1936, т. 25-26, с. 150.

⁶ Русский Вестник, 1861, № 10. Современная летопись, с. 14.

⁷ Искра, 1862, № 14, с. 203.

Таким образом, можно утверждать, что "темное царство" развернуло поход против Добролюбова, о чем говорит большое количество публикаций и единство позиций его противников. Среди публикаций, направленных против Добролюбова, помимо названных, отметим фельетон А.Ф. Писемского "Бессмертный экспромт г. Чернышевского" (Библиотека для чтения, 1862, № 2), статьи "Кто стоял в последнее время во главе русской литературы — Добролюбов или Панаев" (Там же, № 3), "Современные поминки по друзьям" (Там же) и др.

Лагерь русской революционной демократии не мог не выступить в защиту своего соратника. С январской книги 1862 г. "Современник" начал публиковать "Материалы для биографии Н.А. Добролюбова", собранные и прокомментированные Н.Г. Чернышевским⁸. Наряду с опубликованными в том же "Современнике" стихотворениями Добролюбова и собранием сочинений "Материалы" раскрывали перед читателями его многогранный талант. А клеветникам из "темного царства" Н.Г. Чернышевский ответил специальной статьей "В изъявлении признательности. Письмо г. З-ну" (Современник, 1862, № 2, отд. 2).

Отношение к Добролюбову было одной из сторон развернувшейся в это время полемики между "Русским словом" и "Современником". Зачинатель этой полемики Д.И. Писарев разошелся с оценками Добролюбова творчества Островского. В статье "Мотивы русской драмы" (1864) он не согласился с трактовкой образа Катерины, данной Добролюбовым. Отвечая М. Антоновичу на обвинения в измене прежним убеждениям, Д.И. Писарев в статье "Посмотрим!" (1865) пишет: "Я никогда не был ни самым горячим, ни даже просто горячим приверженцем Добролюбова. Я давно разошелся с Добролюбовым на многих пунктах... Я всегда считал и до сих пор считал Добролюбова за очень умного и за очень честного человека, но с очень многими из его мнений я все-таки не согласен"⁹. Писарев не принимал свойственное Добролюбову "постоянное коленопреклонение перед народной мудростью и перед народной правдой"¹⁰, считая, что у народа

⁸ Позже, в последние годы жизни Н.Г. Чернышевский намеревался выпустить полное двухтомное издание "Материалов", но не успел. Первый том "Материалов для биографии Н.А. Добролюбова, собранных в 1861-1862 годах" вышел в 1890 г. Оставшая часть "Материалов" увидела свет лишь в 1936 г.

⁹ Писарев Д.И. Полн. собр. соч., т. У, с. 154-155.

¹⁰ Писарев Д.И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 276.

нет "задатков самостоятельного обновления", и требуется огромная работа, чтобы просветить его, индустриализировать народное хозяйство по западному образцу.

Других причин для их расхождения не было, и тот же Д.И. Писарев констатировал: "Критика Добролюбова и теперешняя критика "Русского слова" по своему основному принципу совершенно соответствует стремлениям Белинского. Критика Белинского, критика Добролюбова и критика "Русского слова" оказываются развитием одной и той же идеи, которая с каждым годом более и более очищается от всяких посторонних примесей"¹¹.

Эту же мысль высказывает и другой видный критик "Русского слова" В. Зайцев в статье "Белинский и Добролюбов" (Русское слово, 1864, № 1), в которой он особо подчеркивает революционный демократизм Добролюбова, указывая, что он "был самым полным и честным представителем любви к народу. Любовь к народу и сочувствие к нему были у него не пустым звуком, как у платонических любовников народа, а живым и деятельным чувством".¹² Однако В. Зайцев считал взгляды Добролюбова на народ неверными, полагая, что они сопоставимы с "мистическими воззрениями почвенников"¹³.

Волею или неволею это расхождение играло на руку идейным противникам русской революционной демократии и затрудняло правильное определение места и роли Добролюбова в истории русской общественной мысли. В частности, факт этого расхождения использовал в своих статьях, опубликованных в "Отечественных записках", Н. Соловьев. В них он эксплуатировал старый катковский тезис о низком уровне таланта Добролюбова-критика, противопоставляя Добролюбова Чернышевскому, а их обоих - Белинскому.

Последним из революционных демократов, кто еще сохранял и защищал традиции своего лагеря в 70-е годы, был Н.В. Шелгунов. В его боевых статьях и рецензиях он неоднократно разоблачал буржуазных и либеральных фальсификаторов наследия Добролюбова. Сравнению позиций Добролюбова и Писарева Шелгунов посвятил часть своей статьи "Глухая пора" (Дело, 1870, № 4). В специальной статье об отношениях добролюбоцев и пи-

¹¹ Писарев Д.И. Полн. собр. соч. т. 5, с. 65.

¹² Зайцев В.А. Избр. соч.: В 2-х т. М., 1934, т. I, с. 162.

¹³ Там же, с. 200-201.

саренцев, предназначенной для журнала "Дело", но не увидевшей свет, он выступает против тех, кто раскалывает лагерь революционной демократии, противопоставляет его идеологов, в частности Добролюбова и Писарева, друг другу. "Писарев зрел и развивался, — подчеркивал Н.В. Шелгунов, — когда Добролюбов уже действовал, но развивался на тех же основаниях, рос в той же умственной школе, из которой вышел Добролюбов. Поэтому, явившись в качестве критика — публициста, когда Добролюбов уже сошел со сцены, Писарев явился только продолжателем того же движения мысли. В пору своей силы Писарев ни разу не изменил направлению, которое начиналось Белинским и продолжалось Добролюбовым". И закончил эту мысль так: "Добролюбов и Писарев — две равные силы одного происхождения, одной печи, одного источника, одного времени; они, как две стороны медали, взаимно дополняют друг друга; они оба — представители одной эпохи, того нового фазиса русской мысли, в который вступила Россия после Крымской войны".¹⁴

Укажем, что несомненное историографическое значение имеют воспоминания о Н.А. Добролюбове того же Н.В. Шелгунова, М.А. Антоновича, Н.Г. Чернышевского и других.¹⁵

Народническая историография поддержала основную направленность тех высоких оценок теоретического и критического наследия Добролюбова, которые давали ему сторонники по революционно-демократическому лагерю. Однако многие конкретные характеристики, даваемые ими творчеству Добролюбова, неверны фактически и идеологически. Особенно интенсивно в 70-е и в 80-е годы ими эксплуатировался тезис о противоположности идеалов Добролюбова и Писарева. На нее указывают, к примеру, в своей статье "Литературная злоба дня" М.А. Протопопов (псевдоним — Н. Миртов) в "Отечественных записках" (1877, № I). В другой статье (Русское богатство, 1880, № II) М.А. Протопопов (псевдоним — А. Горшков) хотя и защищает имя Добролюбова от фальсификаторских упражнений буржуазного критика Е. Маркова, не поднимается выше общих либерально-народнических характеристик его наследия. Не изменил он своих оценок Добролюбова и в 90-е годы. В последней статье "Добролюбов" (Русская мысль, 1896, № 12) Протопопов упрекает революцион-

¹⁴ Литературное наследство. М., 1936, т. 25-26, с. 402, 404.

¹⁵ Они собраны в сб.: "Н.А. Добролюбов в воспоминаниях современников" (М., 1961) и "Штурманы будущей бури" (Л., 1983).

ного демократа Добролюбова в "утопизме", т.е. в неспособности сказать "новое слово", которое бы звало на борьбу. При этом он отрицает, хотя и не открыто (и это весьма характерно для либеральных народников 90-х годов), значение наследия шестидесятников, в том числе и Добролюбова, для общественной деятельности, которую вели "друзья народа".

О трех направлениях в общественном движении шестидесятых годов — добролюбовском, писаревском и "чисто социалистическом", "научном" (главный его представитель Н.Г. Чернышевский) говорит в своей статье "Неразрешенные вопросы" (Дело, 1881, № 1) народоволец Лев Тихомиров (псевдоним И.К./Кольцов), отрывая и противопоставляя таким образом не только Писарева от Добролюбова, но и Добролюбова от Чернышевского.

Против утверждения единства шестидесятников как течения русской общественной мысли выступал и лидер либеральных народников Н.К. Михайловский, заявляя: "В действительности Добролюбов и Писарев — это две большие разницы, как говорят русские немцы, именно две, если не больше".¹⁶ Заметим, что ни одной специальной работы, посвященной Добролюбову, как впрочем и Чернышевскому, Михайловский не написал.

В выступлениях и статьях либеральных историков, как, например, в работе В.А. Гольцева "О литературной деятельности Добролюбова" в его книге "О художниках и критиках" (1899), Добролюбов предстает чаще всего как либерал, лишается революционного демократизма. Эту же либерально-народническую точку зрения развивает А.С. Скабичевский, посвятивший Добролюбову несколько работ, в том числе его биографию и главу в "Очерках развития прогрессивных идей в нашем обществе" (Спб., 1872). В них на фоне прокламирования своей приверженности идеалам Добролюбова Скабичевский ограничивает его деятельность лишь публицистикой, поскольку "ни философские задачи, ни критические не были главными целями деятельности Добролюбова". А в статье "Добролюбов в своей переписке" (Северный вестник, 1830, № 1), как, впрочем, и в других работах, Скабичевский считает, что философские, эстетические взгляды Добролюбова были устаревшими.

К народнической историографии принадлежал Р.В. Иванов-Разумник. В своей широко известной "Истории русской общественной мысли", рассматриваемой как борьбу "мещанства" и "ин-

¹⁶ Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. Спб., 1900, т. I, с. 280.

дивidualизма", как историю своеобразно понимаемой интеллигенции, специальную главу он посвятил шестидесятым годам (Чернышевскому, Добролюбову, Писареву)". В ней Иванов-Разумник утверждает, говоря о Добролюбове: "В истории развития русской общественной мысли его значение велико, хотя его роль и не особенно самостоятельна".¹⁷ О Добролюбове он говорит вообще уничижительно, заявляя, например, что в общественных взглядах Добролюбова "мало оригинального". Отказывает ему Иванов-Разумник и в звании критика: "Это был прежде всего публицист и общественный деятель и главная его сила заключается именно в том, за что его так часто упрекали: он писал не о литературных произведениях, а только по поводу их. Вследствие этого он, конечно, не мог измерять художественные явления эстетическим критерием - и потому он не был критиком"¹⁸. Говоря об эстетических взглядах Добролюбова, Иванов-Разумник обвиняет его в привнесении вслед за Чернышевским утилитаристского критерия в эстетику.

Своеобразным эпизодом борьбы за наследие Добролюбова необходимо считать прокламации революционных кружков и организаций, посвященные юбилеям Добролюбова. Первая - была выпущена в 1886 г. после так называемой добролюбовской демонстрации. Она носит название "17 ноября 1886 г." и написана, как считают исследователи, А.И. Ульяновым¹⁹. Другая - "Ко дню двадцатой годовщины смерти Добролюбова" - вышла из Самарского "кружка социалистов-революционеров" в 1881 г. В ней сказано: "Добролюбов любил свободу и боролся за нее; ему был дорог темный, обездоленный люд, и всю жизнь он был его ходатаем. Поэтому всякий борец за народ и свободу - истинный ученик Добролюбова; поэтому каждый час борьбы посвящается его памяти"²⁰. Наконец, третья была выпущена нижегородской социал-демократической организацией 7 декабря 1902 г. В ней были знаменательны следующие строки: "Наше время - время новой борьбы и борьбы широкой, народной. Рабочий народ начал понимать свое положение и почувствовал свою силу. Чем силь-

¹⁷ Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. - 3-е изд. Спб., 1911, т. 2, с. 57.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.-Л., 1927, с. 355-357.

²⁰ Прокламация революционного кружка ко дню двадцатой годовщины смерти Добролюбова. - В кн.: Литературное наследство. М., 1936, т. 25-26, с. 588.

нее давит правительство, тем ярче разгорается борьба. Будем же помнить Добролюбова. Он первый призывал к борьбе за народ, за его права и свободу, за его экономическое освобождение"²¹.

В 80-е годы заметно активизировалась буржуазная историография с ее тенденцией принизить революционизирующее значение наследия Добролюбова. Характерен в этом отношении цикл статей Е. Маркова "Критические беседы" (Русская речь, 1880, № 5-8), в котором он низводит значение Добролюбова до уровня популяризатора всем известных идей.

Общий кризис буржуазного сознания в конце XIX в. выразился помимо прочего и в отрицании идейного наследия русских революционных демократов, в организации похода против него. Наиболее ярко эту нигилистическую позицию выразил декадентский критик А. Волынский в серии статей, вошедших в его книгу "Русские критики" (Спб., 1896). Н.А. Добролюбову он посвятил специальный очерк (Северный вестник, 1894, № 1-3), в котором с порога отрицал роль и значение Добролюбова как революционного демократа, материалиста и эстетика. Даже публицистика Добролюбова, о которой так много писали либеральные народники, Волынским не признавалась как явление имеющее в шестидесятые годы реальное значение.

С ним солидаризовался академик Н. Котляревский, опубликовавший два обширных очерка о Добролюбове (Вестник Европы, 1911, № 11-12), в которых русский революционер предстает в лучшем случае либеральным народником. Работы критика якобы "нисколько не выясняют взглядов Добролюбова на возможность или желательность революционного движения в России". "Мы можем сказать с уверенностью, — продолжает Котляревский, — что к революционной программе сердце Добролюбова не лежало. Не был он поклонником и форм конституционных"²².

Повторяющих эти убеждения или близких к ним работ, выпущенных явными и скрытыми врагами демократии и революционных традиций русского освободительного движения в начале XX века, особенно в юбилейном 1911 г., было много. Среди них статьи Д.Н. Овсяннико-Куликовского "К психологии Добролюбова" (Вестник Европы, 1912, № 1), Е. Аничкова "Н.А. Добролюбов" (Речь, 1911, № 316), кадета Л. Козловского "Взгляд Добролюбова" (Русские ведомости, 1911, № 265) и многие другие. Все

²¹ Красный архив, 1936, № 2 (75), с. 170.

²² Котляревский Н. Канун освобождения. Пг., 1916, с. 226.

они в той или иной мере поддерживали позицию контрреволюционных "Вех", позицию отрицания демократизма Добролюбова, его материализма.

Близкой к веховской была позиция внутренних противников русской социал-демократии — ликвидаторов-меньшевиков. В.И. Ленин, указывая на эту связь ликвидаторства и веховства, писал: "Трагикомедия ликвидаторства в том и состоит, что оно не замечает, как его утверждения превратились в простой перепев идей веховцев"²³. Для характеристики меньшевистских псевдомарксистских интерпретаций наследия Н.А. Добролюбова укажем на две статьи М.Наведомского: "Об Н.А. Добролюбова" (Наша заря, 1911, № II) и "Н.А. Добролюбов" ("Запросы жизни, 1911, № 8), в которых этот автор отрицает революционный характер позиции Добролюбова-демократа. Более того, он считает, что эта позиция "в недавние дни революции оказывала подчас демократии очень плохие услуги"²⁴.

Коренной противоположностью либерально-народническим, буржуазно-декадентским, веховским оценкам Добролюбова-материалиста и демократа было отношение к нему марксистов. Основные идеи марксистской историографии наследия Добролюбова были высказаны основоположниками научного социализма. В работах и письмах Маркса и Энгельса неоднократно встречаются высокие оценки Добролюбова. К.Маркс, например, еще в 1871 г. писал Н.Ф. Даниельсону: "С сочинениями Эриба (Добролюбова) я отчасти знаком. Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро"²⁵. К этой высокой оценке присоединяется Ф. Энгельс, указывая в письме к Е. Паприц, что в России была "критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского"²⁶. В статье "Эмигрантская литература" он повторил эту оценку.²⁷

Г.В. Плеханов, посвятивший революционным демократам Белинскому, Герцену, Чернышевскому большое количество работ, о Н.А. Добролюбова написал всего лишь одну статью — "Добролю-

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 120.

²⁴ Наша заря, 1911, № II, с. 66.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 226.

²⁶ Там же, т. 36, с. 147.

²⁷ Там же, т. 18, с. 522.

бов и Островский" (1911). В ней на примере отношений Добролюбова к драматургии Островского Плеханов анализирует и высоко оценивает не только "реальную критику" русского революционного демократа, но и его "философско-исторические взгляды", которые, как он считает, в основных выводах совпадают со взглядами "убежденного материалиста" Чернышевского.

Другой марксист Ю. Стеклов, выступивший в это же время с юбилейной статьей "Социально-политические взгляды Добролюбова" (Современник, 1911, № II), настолько абсолютизировал социалистические взгляды шестидесятника, что они мало чем отличались от позиций научного, пролетарского социализма.

Из других работ русских марксистов о Добролюбове необходимо прежде всего отметить ранние работы А. Коллонтай "Основы воспитания по взглядам Добролюбова" (Образование, 1898, № 9-II) и статью В.И. Засулич "Н.А. Добролюбов", опубликованную в ленинской "Искре" (1901, № 13), которая была направлена против реакционного критика И. Иванова и "Московских ведомостей", глумившихся над именем русского революционера. Засулич проанализировала основные работы Добролюбова и дала всестороннюю оценку его взглядам. Знаменательно, что несколько лет спустя В.И. Засулич объединила эту статью с ранее написанной "Д.И. Писарев", указав тем самым на идейное единство обоих шестидесятников. Заключив статью о Добролюбове, она специально подчеркивает революционизирующее значение наследия Добролюбова для русских рабочих, поднявшихся на борьбу с самодержавием²⁸.

Значительный интерес к наследию Добролюбова русские марксисты проявили в 1911 г., когда отмечалось 75-летие со дня его рождения и 50-летие со дня смерти. В это время в легальных большевистских журналах появилось несколько статей о Добролюбове. В журнале "Звезда" (1911, № 12) такую статью опубликовал Н.В. Крыленко (псевдоним - А. Брам). В это же время небольшую статью о Добролюбове в журнале "Просвещение" (1912, № 2, янв.) опубликовал В.В. Воровский (псевдоним П. Орловский). Ранее этот марксистский критик опубликовал статью "Мятущиеся" и "мечущиеся" (Образование, 1906, № 4), в которой разоблачает спекуляции кадетских историков русского освободительного движения, стремящихся "выводить свою родословную от Белинского и Добролюбова, как китайский богдыхан выводит свою от солнца", поскольку они хотели "закрепить за

²⁸ Засулич В.И. Статьи о русской литературе. М., 1960, с. 269.

собой право на это ценное наследие, грозно обрушиваясь на общественные группы, которые заподозревают в более близком родстве с великими покойниками²⁹. Видимо, ему же принадлежит статья "Зачем понадобился туман?" (Просвещение, 1912, № 3-4; подпись - кий), в которой продолжена критика ревизионистских тенденций в исследовании наследия Добролюбова³⁰.

В 1904 г. в беседе, состоявшейся в Женеве, В.И. Ленин заметил: "Говоря о влиянии на меня Чернышевского, как о главном, не могу не упомянуть о влиянии дополнительном, испытанном в то время от Добролюбова - друга и спутника Чернышевского. За чтение его статей в том же "Современнике" я тоже взялся серьезно. Две его статьи - одна о романе Гончарова "Обломов", а другая о романе Тургенева "Накануне" - ударили как молния. Я, конечно, и до этого читал "Накануне", но вещь была прочитана рано, и я отнесся к ней по-ребячески. Добролюбов выбил из меня такой подход".³¹

В.И. Ленин неоднократно обращался к творчеству Добролюбова; во многих его статьях защищается светлое имя, традиции Добролюбова. Первое упоминание и оценка политического значения наследия Добролюбова содержится в статье "Начало демонстрации" (1901), в которой Ленин, рассказав о демонстрации перед домом московского генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Добролюбова в связи с 40-летием со дня его смерти, особо подчеркнул, что Добролюбов дорог "всей образованной и мыслящей России", дорог как "писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против "внутренних турок" - против самодержавного правительства"³².

В 1909 г., давая отпор контрреволюционным "Вехам", которые развернули наступление "по всей линии против демократии, против демократического мирозерцания"³³, В.И. Ленин среди других русских революционных демократов называет имя Добролюбова, давая высокую оценку его творчества.

²⁹ Воровский В.В. Литературно-критические статьи. М., 1956, с. 140.

³⁰ Вопросы литературы, 1960, № 5, с. 97-107.

³¹ Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 134.

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 370.

³³ Там же, т. 19, с. 169.

Защитал он имя Добролюбова и от меньшевиков-ликвидаторов, ополчившихся против Добролюбова в год 50-летия со дня его смерти. В статье "Избирательная компания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии" (1912) В.И. Ленин указывал: "Неужели неясно, что ту же песенку поют и Левицкие, философски углубляющие либеральные идеи о борьбе за право, и Неведомские с их новым "пересмотром" идей Добролюбова задом наперед, от демократии к либерализму, и Смирновы, делающие глазки "прогрессизму", и все прочие рыцари "Нашей Зари" и "Живого Дела"?"³⁴.

Неоднократно, страстно и решительно отстаивал В.И. Ленин материализм, революционный демократизм Добролюбова в статьях "Памяти Герцена" (1912), "Либералы и свобода союзов" (1913), "Нужен ли обязательный государственный язык?" (1914) и многих других.

Традиции внимательного ленинского отношения к наследию Н.А. Добролюбова были восприняты и продолжены советскими историками русской общественной мысли после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

---

³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 250

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТИВИЗМ НАРОДНИЧЕСТВА КАК ВЫРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОСТИ

В.Г. Харос

В философской и исторической литературе нет недостатка в критических оценках народнического теоретического субъективизма. Говорят даже исследователи, задавая вопрос: чем была вызвана эта мифовоззренческая особенность? Между тем такой вопрос не только уместен, но и необходим с точки зрения обладания принципа конкретного историзма. Если какое-либо явление или тенденция выходит за индивидуальные рамки и представляет собой, как говорил В.И. Ленин о народничестве, "громадную полосу общественной мысли"¹, то ясно, что дело не в просте в личных заблуждениях или "премахах незрелой мысли". Требуется более сложное объяснение того, ограниченность чего хороше видна сегодня, но что сто лет назад казалось многим людям - и далеко не худшим среди своих современников - истиной.

Односторонность подхода к народническому субъективизму проявляется и в другом - в том, что он представляется как нечто обособленное, не связанное с другими компонентами народнического идеологического видения. "Идеи субъективного идеализма, - пишет Б.С. Итенберг о П.Л. Лаврове, - переплетаются... с ярко выраженными революционно-демократическими взглядами".² Однако переплетение заключалось здесь, на мой взгляд, не в рядоположности, а во взаимопроникновении и взаимобусловленности, как вообще часто бывает в жизни, когда недостатки являются продолжением достоинств, и наоборот.

В данной статье мне хотелось бы, во-первых, указать на историческую обусловленность народнического субъективизма; во-вторых, выявить его общественное содержание, общественную направленность; наконец, показать, что собственно теоретические заблуждения народников были не абсолютными, им всегда

¹ Ленин В.И. Тетради по аграрному вопросу: 1900-1916. М., 1961, с. 21.

² Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. М., 1965, с. 92.

сопутствовали обратные импульсы, умерившие субъективистские интенции народнических мыслителей и деятелей.

х х

х

Народническая идеология вырастает из теории "оборинного" социализма Герцена-Чернышевского. Рост этот идет в двух направлениях. Во-первых, первоначальная теория дестраивается и воплощается в установки практически-политической деятельности. Схема некапиталистического развития деполируется субъективной социологией и экономическим романтизмом. Во-вторых, идеи, выработанные поначалу немногими мыслителями, быстро распространяются в демократически-разночинской среде. И то и другое связано с тем обстоятельством, что народническая идеология формируется в процессе возникновения и развития революционного движения.

Эти "эмассовление" идеологии, ее растущая инструментальность, обслуживание потребностей практической революционной борьбы чрезвычайно важны для понимания общего характера народнической идеологии, ее внутренних стимулов и пружин. Дело не только в том, что большинству идеологий, созданных на базе массового движения, свойственно апеллировать к субъективным сторонам деятельности и познания, к активности индивида как субъекта исторического процесса. Дело еще в том, что у идеологов народничества были особые причины выдвигать субъективный фактор на передний план, — ибо как раз объективные условия (пассивность крестьянства, давление самодержавно-полицейского аппарата, малочисленность демократических сил) максимально затрудняли революционное движение в России. Поэтому "реализм", объективизм по отношению к окружающей действительности (исходящий из того, что действительность обладает имманентно присущими ей закономерностями и тенденциями, не зависящими от субъективных побуждений кого бы то ни было) казался народническим мыслителям конформизмом, апологетикой того, что они определяли как "бессмысленность и негуманность, бесчеловечность естественного хода вещей".³

Отсюда берет начало так называемый субъективный метод в социологии, или "этико-социо-

³ Михайлевский Н.К. Соч. Спб, 1896, т. I, с. 328.

логическая школа", разработанные П.Л. Лавровым и Н.К. Михайловским. Существо их состоит в провозглашении личности (а не группы, класса и пр.) основной "единицей" общественной структуры, равно как и исторического действия, а также во введении этических критериев в общественную науку и сферу социальной практики. "Кроме истинности, достаточной для естественствателя, - писал Михайловский, - предвзятое мнение социолога должно отразить в себе идеал справедливости и нравственности".⁴ В этом разделении "правды-истины" и "правды-справедливости" первенство безусловно принадлежало последней.

Подходя с "предвзятым мнением" к истории человечества, Михайловский приходил к выводу, что наблюдавшееся до сих пор развитие цивилизации - рост социальной дифференциации, разделение труда, расселение на управляющих и управляемых, прогресс торговли, промышленности и пр. - отнюдь не является прогрессом для личности. Ибо личности необходима "разнородность" деятельности, трудовая универсальность и сотрудничество с равными себе личностями. Так было в древности, в сельских общинах, но затем рост цивилизации совершался за счет "дробления" личности, ее растущей "однородности", отчуждения от других. Поэтому надо возродить - разумеется, на базе современных культурных и технических достижений - формы "просто го сотрудничества", коллективизма.

В исторической схеме Лаврова центральными выступают понятия "цены прогресса" и "винны". В своих знаменитых "Исторических письмах", он доказывал, что все достижения техники и культуры созданы лишь посредством эксплуатации масс, обеспечивавших своим трудом досуг для интеллектуальных занятий образованной и властвующей элите. "Цена прогресса" оказывается непомерно высокой. Поэтому часть наиболее сознательных представителей образованного слоя, "критически мыслящие личности", осознали несправедливость такого разделения труда, должны возратить свой "долг народу", создать трудящемуся все условия для превращения его во всемерно развитую личность.

Разумеется, народнические мыслители не просто предъявляли действительности свои императивные требования. Критическая личность должна была изучать и учитывать объективные обстоятельства, - не лишь как подспорье или препятствие для

⁴ Михайловский Н.К. Соч. СПб, 1896, т. 3, с. 14.

осуществления своих целей. Ибо "все, что совершается независимо от ее (т.е. личности - Авт.) воли, для нее лишь орудие, среда"⁵ и только. Нравственные устремления революционеров и объективные тенденции самой действительности были для идеологов народничества разноуровневыми сферами: первое принципиально не выводилось из второго, и потому реализация идеалов этих социальных идеологов становилась гадательной, не вытекающей из "естественного хода вещей". "Будет или не будет осуществлен прогресс в его окончательных задачах - это неизвестно", - писал Лавров, но "это не касается личности... не должно влиять на ее нравственные стремления"⁶.

Подобные концепции важно понять в контексте специфической социальной ситуации в России конца 60-х - начала 70-х годов. Уже в первые годы после реформы развеялись надежды демократических кругов на спонтанное революционное выступление крестьянских масс. И вместе с тем, параллельно упадку активности крестьянства нарастала оппозиционная волна интеллигенции и студенчества. В этих условиях социальное учение должно было дать теоретические санкции пробуждающемуся демократическому движению, вопреки "объективным факторам, поднять "личности" и "группы личностей" на общественную борьбу. Поэтому именно теоретический субъективизм и явился выражением революционных настроений народнической интеллигенции⁷.

Социологические принципы народничества имплицитно были в экономическом романтизме В.П. Веронцова, Н.Ф. Даниельсона, П.П. Червинского и др., труды которых, по замечанию Г.В. Плеханова, явились приложением принципов субъективизма к политической экономии⁸. В чем выражался здесь субъективизм? Прежде всего - в отрицании всяких перспектив капитализма в России, в непонимании прогрессивности капитализма вообще по сравнению с докапиталистическими формами хозяйства; в призыве "переменить курс", обращенном сначала к "обществу" и революционному движению, а позже, в 90-х годах к самодержав-

⁵ Лавров П.Д. Философия и социология. - В кн.: Изб. произведения: В 2-х т. М.: Мысль, 1965, т. 2, с. 240.

⁶ Там же.

⁷ Подробнее см.: Хорос В.Г. В.И. Ленин и проблема генезиса субъективной философии в России. - Вопросы философии, 1970, № 3.

⁸ Плеханов Г.В. Собр. соч. М., 1926, т. 9, с. 99.

нему правительству; наконец, в попытках построения "комбинации" таких социально-экономических форм, которые В.И. Ленин называл "мишанским социализмом". Все эти изъятия народнической экономической мысли были убедительно вскрыты в марксистской литературе.

Однако это не значит, что работы народников-экономистов были лишены какого-либо позитивного содержания. Не случайно К. Маркс, ознакомившись со статьей Н.Ф. Даниельсона "Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства", назвал ее "оригинальной" в лучшем смысле этого слова⁹. Весьма высоко отзывался о трудах народников-экономистов и В.И. Ленин.

Дале не только в том, что экономические исследования народников давали, по словам В.И. Ленина, превосходные **е п и с а н я**¹⁰ пореформенной деревни. За народническим концептуальным отрицанием капитализма скрывается протест против форм "вторичного" буржуазного развития, особенностей капиталистической эволюции в такой стране, как Россия.

В чем же народнические экономисты видели эти особенности? Во-первых, в том, что развитие капитализма в стране шло за счет резкого подрыва хозяйства массы мелких производителей. Сочетание грубых, примитивных форм первоначального накопления с внедрением механизированного капиталистического производства приводило к разорению ремесленников, "уходу" крестьян с земли, образованию огромной армии безработных, "босяков", которую далеко не в силах был поглотить рынок наемного труда. Происходило не столько "обезземеливание" мелких производителей, то есть превращение их в фабричных рабочих, "сколько их обеднение"¹¹.

Во-вторых, развитие буржуазных отношений в России выразилось более в росте сферы обращения, нежели сферы производства, в несоответствии между ними. Это было следствием как естественной "торговой экономики" (усиленный вывоз, часто за бесценок, хлеба и сырья на европейские рынки), так и пробуржуазной финансовой стратегии правительства, возложившего на крестьян бремя земельного выкупа и различных налогов. Все это разоряло мелкого производителя, сокращало производитель-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 127.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 517.

¹¹ В.В. (Воропьев В.П.). Судьбы капитализма в России. Спб., 1882, с. 18.

ные силы страны в целом. Но если рост обращения не подкреплялся ростом производства, если "производители и земля будут по-прежнему оставаться в пренебрежении, то ход всего обмена несколько замедлится, затем это замедление будет все более и более увеличиваться вплоть до полной остановки всего механизма".¹²

Поэтому капитализм в России, считали народники-экономисты, наткнется в своем развитии на объективные препятствия. На внешнем рынке он не в силах конкурировать с развитыми странами; в то же время внутренний рынок остается узким в силу низкой (и снижающейся) покупательной способности масс. Капиталистическая система попадает в своего рода "заколдованный круг": для ее процветания необходимо богатое население, а каждый шаг ее развития сопровождается обеднением последнего.¹³

Народнические мыслители считали "буксование" капитализма в России не случайным явлением, а закономерностью, характерной для стран с поздним развитием капитализма и находящихся на периферии развитых капиталистических держав. Капитализм не может выполнить здесь своей исторической миссии, обеспечить всех "отлученных от земли" и, следовательно, научить их капиталистической культуре труда. Он может только образовать "островки" современного производства для удовлетворения потребности высших классов, разоряя вместе с тем основную массу производительного населения. Поэтому для молодых стран необходимо найти иной путь экономического развития, ибо под угрозой становится не только хозяйственный рост, но и вообще существование как нации.

Каков же должен быть этот путь? Такой, отвечал В.П. Воронцов, при котором молодые страны могут, во-первых, воспользоваться организационными и хозяйственными достижениями стран передовых с тем, чтобы в своем техническом прогрессе "перескакивать через ступени". Во-вторых, они должны остановить хаотичное экономическое развитие, чреватое пауперизацией громадного большинства народа. Для этого необходимо преобразование капиталистического производства в государственное и артельное.

---

¹² Николай — он (Даниельсон Н.Ф.). Очерки нашего переформенного общественного хозяйства. — Слово (СПб), 1880, № 9, с. 118.

¹³ В.В. Цит. соч., с. 275.

Суть народнического плана "государственной" индустриализации заключалась в сочетании промышленного прогресса и развития мелкого "народного производства", в защите хозяйственных интересов массы крестьянства и ремесленничества. На возражение, что такой курс может замедлить темпы роста, Воронцов отвечал, что в принципе цель "народного производства" должно быть "не возрастание прибавочной стоимости, а удовлетворение собственных потребностей населения".¹⁴ Но со временем будут обеспечены и темпы роста, прибавлял он. Ибо спасши от разорения мелкое народное производство, мы получим возможность соединить содержащиеся в нем общинные начала с современной техникой и организацией, что не может в конечном счете не дать громадный экономический и социальный прогресс. "Аргументный" принцип Воронцов предлагал постепенно утверждать во всем народном хозяйстве — от заводов и фабрик до сельских общин, чтобы в конце концов построить "социализованное народное производство", то есть социализм. "Давайте будем надеяться, — писал Воронцов, переключаясь с вышеприведенной формулой Герцена о движении "социализмом к свободе, — что миссия России состоит в достижении равенства и братства, раз уж ей не суждено было бороться за свободу".¹⁵

Экономический романтизм означал дальнейшую конкретизацию предшествующих идей народничества о желательности минования капиталистической стадии, об общине и т.д., — ибо народники-экономисты исходили уже из наблюдений реального процесса "обуржуазивания" России и его противоречий. По справедливому замечанию польского исследователя А. Валицкого, труды Воронцова, Даниельсона и др. явились "первой идеологической рефлексией относительно специфических черт экономического и социального развития отсталых аграрных стран, "поздно" вовлеченных в процесс модернизации, — в условиях сосуществования с высокоиндустриальными нациями".¹⁶ Народники-экономисты держались ясно выраженной линии "аграрного демократизма".

Но это позитивное содержание экономических воззрений народничества было заключено в утопическую форму, затмевавшую как демократическое ядро их воззрений, так и элементы анти-

¹⁴ В.В. Цит. соч., с. 202.

¹⁵ Там же, с. 124.

¹⁶ Walicki H. The Controversy over Capitalism. Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. 2. — Oxford: Univ. press, 1969, p. 129.

капитализма, точнее, критики противоречий "вторичного" буржуазного развития. И это было связано с недостаточно реалистическим подходом к социально-экономической действительности пореформенного периода, в частности, с недооценкой возможностей развития капитализма в такой стране, как Россия.

Субъективизм народничества в области программных и тактических вопросов вырастал из противоречия между лимитирующими общественными условиями в России и стремлением оппозиционно настроенных элементов к действию, их революционным "нетерпением". В этом плане основные идеологические направления в народничестве можно расположить, так сказать, по степени "нетерпения", революционного радикализма. Все ведущие теоретики народничества в той или иной мере не могли не осознавать необходимость вовлечения широких (прежде всего крестьянских) масс в революционную борьбу и одновременно их реальную, на данный момент, неспособность к революционному выступлению.

Помимо революционного "нетерпения", источником и одновременно проявлением субъективизма народников явилось господствующее в их среде представление о первенстве "социальной", социалистической революции над революцией "политической" (т.е. буржуазно-демократической), о необходимости для России именно революции первого типа и о маловажности и даже вредности второй. Отсюда нереалистические предложения "сделать из мирской сходки основной политической элемент русского общественного строя" (Лавров), фантастический проект "разрушения государства" Бакунина. Даже в программе народо-вольцев, беспспорной заслугой которых было стремление преодолеть анархический аполитизм, ясные "демократические", "конституционные" требования (столь необходимые в России, где самодержавная власть деспотически душила любую общественную самостоятельность и где буржуазия, в отличие от Европы, не пыталась отстаивать политические свободы) перебивались и затемнялись различного рода социалистическими пожеланиями. Казалось, признав, с одной стороны, неизбежность и необходимость этапа буржуазно-демократических преобразований, народо-вольцы (в частности, один из их тогдашних лидеров Л.А. Тихомиров) полагали, что "даже при неразвитых экономических отношениях можно произвести самую коренную социальную революцию, лишь бы существовала крепко организованная политическая партия".¹⁷ Не случайно позднее Н.А. Морозов самокритич-

¹⁷ Русанов Н.С. На родине (1859-1882). М., 1931, с. 266.

но признавался, что в "наших тогдашних понятиях о сущности экономического строя и возможности в нем тех или иных преобразований" царя "сумбур".¹⁸

Таким образом, субъективизм, утопизм, романтизм были сущностными чертами народнического идеологического мышления, которое современный греческий исследователь достаточно точно охарактеризовал как "вызов объективному миру и неколебимую веру в неограниченную возможность придавать новое содержание существующим формам".¹⁹ И это означало известное понижение теоретического уровня по сравнению с реалистическим просветительством шестидесятников. Не случайно В.И. Ленин, говоря об одном из наиболее представительных народнических мыслителей, Н.Н. Михайловском, считал, что в философии и социологии он "сделал шаг назад от Чернышевского".²⁰

Но было бы упрощением и глубокой исторической несправедливостью оценивать народническое мировоззрение лишь как шаг назад. Во-первых, как это было выяснено выше, народнический идеологический субъективизм был закономерным следствием противоречия между растущим революционным порывом разночинской молодежи и отсутствием у нее массовой базы в трудящихся слоях населения, прежде всего в крестьянстве. Во-вторых, теоретический субъективизм всякого крупного и общественно значимого общественного течения никогда не может быть простым нонсенсом, но лишь абсолютизацией существующих тенденций действительности, в конечном итоге - преувеличением реальных возможностей человека как субъекта исторического процесса. И в этом плане уязвимые в целом построения субъективной социологии вместе с тем отражали действительные механизмы общественной активности индивидов: теории экономического романтизма - специфику запоздалого буржуазного развития; программно-тактические установки - опыт практического движения. Так, бланкизм Ткачева одновременно был и выражением растущей потребности "бездарного" разночинского движения в сильной организации: "Нечего и говорить, что, если организация необходима для партии многочисленной и сильной, то она в еще

¹⁸ Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1956, т. 2, с. 414.

¹⁹ Vergopoulos K. Capitalisme difforme. - S. Amin et K. Vergopoulos. La question paysanne et le capitalisme. P: Antropos, 1974, p. 67-68.

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 335.

большей степени необходима для партии слабой и малочисленной...²¹.

Можно сказать, что субъективизм как теоретическое воплощение революционного "нетерпения" был отражением настоятельной исторической необходимости демократических преобразований в России, и выход народничества на рубежи прямой борьбы за эти преобразования явился его большой заслугой, огромным шагом вперед. В процессе борьбы нащупывались более реалистические подходы к действительности, конкретизировались революционные установки. Именно в 70-е годы сформировалась демократическая программа "земли и воли", просуществовавшая вплоть до 1917 года. Наконец, народничество продолжило и развило традиции социалистической мысли в России. В.И. Ленин, как известно, считал постановку вопроса о капитализме в России, т.е. его отрицание во имя социалистических идеалов, "крупной исторической заслугой народничества".²²

Иначе говоря, теоретический субъективизм народничества не исключал и таких тенденций, которые были вызваны стремлением революционных деятелей в той или иной мере уловить реальные объективные факторы российской общественной жизни. Эта своеобразная диалектика в рамках народнического мирозерцания прослеживается в различных отношениях.

Так, субъективистские тенденции в народничестве, несомненно, проявлялись в элементах национализма, "самобытничества", культе общины и т.п. Вместе с тем народнический "крестьянский социализм", как и предшествующая ему концепция Герцена-Огарева, складывался как результат диалектики национальных и интернациональных тенденций. Установки народнических теоретиков об особом пути России, о необходимости минования буржуазной стадии и т.д. были весьма работавшими с точки зрения их влияния на массовое сознание, и многие революционеры были уверены, что "русский народ, сохранивший один, несмотря на все исторические превратности своей судьбы, общину и не испытавший вредных последствий капитализма, увидит первый осуществление на земле социализма".²³ Не случайно В.К. Дебогорий-Макриевич называл народническое "мухи-

²¹ Ткачев П.Н. Избр. соч. на соц.-полит. темы: В 4-х т. М.-Л., 1935, т. 3, с. 286.

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 531.

²³ Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928, с. 110.

кофилство" глубоко национальным чувством".²⁴

Но вместе с тем народническое течение формировалось и развивалось под сильнейшим влиянием революционной мысли и революционного движения в Европе. В.И. Ленин специально отмечал, что на рубеже 60-х-70-х гг. возникают "попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность "европейского устройства" - Интернационал".²⁵ Огромно было впечатление, произведенное на революционную молодежь Парижской Коммуны. Разночинец-народник зачитывался трудами революционных европейских мыслителей, например, Ф. Ласалья и в особенности К. Маркса. Первый русский перевод "Капитала" был осуществлен именно народниками (Г.А. Лопатиным, Н.Ф. Даниельсоном).

Что же касается народнических идеологов, то многие из них были эмигрантами, тесно связанными с европейскими социалистическими кругами, и в этом плане проводниками европейского влияния на российское освободительное движение. Некоторые из них, - например, П.Л. Лавров или М.А. Бакунин, для которого Россия была лишь частным приложением его концепции анархизма - были деятелями общеевропейского масштаба. И это не могло не накладывать отпечаток на соотношение национальных и интернациональных элементов в их воззрениях. П.Л. Лавров проповедовал не столько "крестьянский", сколько "рабочий социализм". Т.Н. Ткачев, сначала подчеркивавший национальную специфику России и ее революционного движения, затем заговорил о коренной противоположности социализма и национализма, о том, что "социализм повсюду одинаков" - "как не может быть якутской, чувашской, малорусской, грузинской и т.п. геометрии, так не может быть и якутского, чувашского, малорусского, грузинского и т.п. социализма".²⁶

Наконец, интернациональная тенденция реализовывалась в идеологии народничества через осознание им схожести проблем, стоящих перед народами, позже других вставших на путь буржуазного развития. Это обстоятельство ясно отражено, как мы видели, в доказательстве необходимости некапиталистического пути для "молодых стран" В.П. Воронцовым. Постановку проблемы народничества "в разных странах и в различные периоды об-

²⁴ Дебогорий-Мекриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М.-Л., 1930, ч. I, с. 96.

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 287.

²⁶ Ткачев П.Н. Указ. соч., т. 3, с. 423.

ественного развития" мы встречаем у молодого Г.В. Плеханова в передовой статье № I "Черного передела".²⁷ И.И. Каблиц (Дзов) сравнивает Россию с Мексикой, Индией, Алжиром и другими странами.²⁸ Все это свидетельствовало, что народничество начинало выходить за узкие рамки "самобытности", вбирало в себя интернациональные тенденции, приобщавшие его к общемировым процессам.

Теоретический субъективизм был доминирующей чертой не только народничества, но во многом и всей домарксистской революционной мысли. Декабристы в качестве просветителей хотели внести "разум" в общественно-политические отношения в России; петрашевцы - внедрить фурьеристские начала; Герцен - утвердить крестьянскую общину как основу некапиталистического развития своей родины. И хотя эти популяризации были отнюдь не беспочвенными, все же в мировоззрении прогрессивных домарксистских мыслителей субъективные и объективные факторы общественного процесса оказывались не состыкованными. В результате революционные лозунги теряли в силе как императивы борьбы, выглядели нередко простым пожеланием; демократические тенденции "мешали" социалистическим, и наоборот; реализация революционных целей становилась гадательной. Как мы отмечали, это положение дел отражало изолированность радикальной интеллигенции от массовой базы, трудящихся.

С зарождением марксизма в России в революционную среду приняло научное, объективное, детерминистическое понимание действительности. В массовом сознании революционного подполья оно как бы переросло в ощущение неизбежности победы. Первые работы русских марксистов (Г.В. Плеханова, а затем В.И. Ленина) обратили на себя внимание революционных кружков в России, может быть, не в последнюю очередь именно спокойным оптимизмом, глубокой убежденностью в своей правоте. Эта убежденность покоилась не только на теоретических основаниях, но и на том, что российские революционеры обрели, наконец, социальную базу - городской пролетариат, способный повести за собой крестьянство.

²⁷ См.: Козьмин Б.П. "Народники" и народничество. - Вопросы литературы, 1957, № 9, с. 121-122.

²⁸ Каблиц И. (И. Дзов) Основы народничества, Спб., 1888, ч. I, с. 426-427.

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Т. ГОББСА

Е.А. Голиков

Понятие суверенитета традиционно находится в ведении юристов. Говоря о суверенитете, как правило, это понятие связывают с прилагательным "государственный" и, хотя в рамках концепции государственного суверенитета делаются попытки различать такие аспекты понятия, как политический и юридический¹, сведение суверенитета только к государственному представляется излишней юридизацией этого понятия.

Подобная редукция не является случайной. Она отражает такую ступень общественной жизни, на которой средоточием всей политической деятельности выступает прежде всего государство. Не случайно и в современных определениях политики как таковой преобладает, как представляется, чрезмерное "огосударствление" ее.² Но при подобном подходе, исторически вполне обоснованном, тем не менее упускается из виду более общая особенность политической деятельности: именно то, что она по своей природе является преимущественно институциональным способом регуляции социальных интересов, потребностей и процессов. Сведение же политической деятельности только к совокупности форм деятельности и отношений внутригосударственного и межгосударственного характера в известной степени затуманивает как раз специфически-политический характер подобной деятельности.

Обнаруживая тот факт, что современные государства отнюдь не являются всемогущими в решении многих стоящих перед ними проблем, неизбежно приходишь к необходимости пересмотреть и те понятия социально-политических наук, в которых традиционно фиксировались и осмысливались наиболее существенные призна-

¹ См.: Левин И.Д. Суверенитет. - М.: Госвиздат, 1948, с. 56.

² Разумеется, речь идет не о том, чтобы противопоставить марксистское понимание политики какому-то новому, но лишь о том, чтобы выделить специфическую функцию политической деятельности, которую могут выполнять и негосударственные социальные институты.

ки государственной деятельности.

К числу подобных понятий можно отнести и категорию "суверенитета". Как уже отмечалось, сугубо юридическое истолкование этого понятия отражало ту действительно значительную роль, которую начало играть государство в общественной жизни с выходом на историческую арену класса буржуазии, и особенно с возрастанием роли государственной регуляции со времени вступления капиталистического общества в империалистическую стадию. Обращение к истории формирования данного понятия в социальной философии прошлого, как представляется, позволит не только обнаружить истоки подобной односторонности, но и выявить иные потенциальные возможности этого понятия, позволяющие более содержательно использовать его в современных политических науках. В данной работе будет рассмотрена одна из концепций суверенитета - концепция Т. Гоббса.³

Понятие суверенитета (от французского *souverainete'* - верховная власть) означает "верховенство и независимость государственной власти, проявляющееся в соответствующих формах во внутри- и внешнеполитической деятельности государства."³

При подобном подходе суверенитет квалифицируется исключительно как свойство или признак государственной власти. Думается, что при этом происходит известное сужение понятия "суверенитет", на что уже указывалось выше.

Нам представляется, что подобное сужение понятия "суверенитет" и его чрезмерная "юридизация" отнюдь не случайны. Определенные предпосылки для подобного истолкования были созданы еще Ж. Боденом и в явной форме обнаружили себя в социально-политической доктрине Т. Гоббса.

Сугубо юридическое понимание суверенитета фиксирует внимание лишь на одной стороне этого явления: верховности, высшей правомочности и независимости политического института государственной власти по отношению ко всем другим социальным институтам общества.⁴ В тени остается другой важный ас-

³ В последующем автор предполагает продолжить начатую в предлагаемой статье работу рассмотрением концепций суверенитета А.-Ж. Руссо и И. Канта.

³ Суверенитет. - В кн.: БСЭ. 3-е изд., т. 25, с. 26.

⁴ Поэтому в вопросе об определении понятия "суверенитет" представляется более точной формулировка Э.И. Кузьмина, который считает, что суверенитет - не только "качественная характеристика государственной власти", но он "принадлежит в то же время государству в целом..." Кузьмин Э.И. Мировое государство: Иллюзия или реальность? М., 1969, с. 41.

пект - природа суверенной власти, источник суверенности ее прав и полномочий. Этот аспект позволяет характеризовать понятие суверенитета как социологическую и даже философско-социологическую категорию, ибо требует выявления конкретного социально-классового содержания этого понятия, делает необходимым исторический подход в его изучении, а также позволяет соотнести это понятие с рядом других социологических категорий.

Важно также подчеркнуть, что социологический подход к понятию суверенитета и стоящему за ним явлению, основанный на принципе историзма, позволяет обнаружить за спорами о понятии, которые заполняют страницы многих работ, изменения исторического, социально-классового содержания самого явления. Подобный, исторически конкретный, классовый подход, составляющий один из существенных принципов марксистского анализа социальных явлений, как представляется, содержит в себе ключ для понимания и оценки различного истолкования проблемы суверенитета Гоббсом, а также Руссо и Кантом.

Необходимость исторически-конкретного подхода к проблеме суверенитета предполагает также рассмотрение этого вопроса в связи с проблемой государства, его исторических типов. Можно отметить, что трактовки государства как политической организации всего общества или же только господствующего класса определенным образом связаны и с пониманием вопроса о сущности суверенитета. В целом концепция народного суверенитета ближе к такому пониманию государства, которое рассматривает его как политическую организацию всего общества.

Отмеченное различие в понимании сущности государства также имеет свои социально-исторические причины. В конечном счете, истолкование государства как политической организации части общества (определенного социального класса), думается, в известной мере отражает ситуацию феодального общества, определенных этапов его развития, когда государственная власть представляла собой политическую организацию преимущественно класса феодалов. Суверенитет при этом фактически совпадал с волей абсолютного монарха, который венчал собой подобный тип государственной организации. Несовпадение интересов монарха не только с интересами антагонистических классов феодальных социальных групп, но и с интересами класса феодалов было, в общем, обычным явлением. Отсюда сохранившееся и позднее нередкое противопоставление государственной власти интересам тех социальных сил, которые объективно составляют ее

опору. При этом абсолютизм зачастую оказывался единственным выразителем общегосударственных интересов, в то время как многие институты самой государственной власти эрозировали под давлением сепаратистских настроений.

Буржуазное общество более полно и последовательно придало государственной власти характер публичности, поэтому узкоклассовая природа феодального государства вступила в противоречие с его новой функцией быть организатором общества по территориальному признаку. Абсолютизация данной функции послужила основой буржуазной или же с гармонизирующей роли государства. Но с выполнением этой функции связана и идея народного суверенитета, которая начинает антинормативно противостоять идее государственного суверенитета как выражению теории и практики абсолютизма. Данная антинормативность разрешается исторически. Осуществление принципа народного суверенитета означает растворение политики как сферы государственно-институциональной деятельности в регулирующей деятельности всего общества, в самостоятельности его членов и социальных групп. Поэтому реализация идеи народного суверенитета означает не только исчезновение специфической формы суверенитета - государственного суверенитета, но и исчезновение самого государства, а, следовательно, и суверенитета как такового. Концепции суверенитета Гоббса, Руссо и Канта можно рассматривать в качестве теоретических вех развития самого явления. Перейдем к более подробному рассмотрению концепций суверенитета у Т. Гоббса.

Государство, суверен, суверенитет - для Гоббса близкие понятия. Государство и выступает в качестве подлинного суверена, поэтому только оно обладает суверенитетом. Причины подобного самодовлекшего положения государства коренятся в человеческой природе и в условиях возникновения государства. Люди по своей природе таковы, что они любят свободу и в то же время стремятся господствовать над другими. Это приводит к столкновению интересов индивидов и к необходимости обеспечения их безопасности. "Иными словами, при установлении государства люди руководятся стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося... необходимым следствием естественных страстей людей, там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и принуждающей их угрозой наказания к выполнению их соглашений и к соблюдению естественных законов..."⁵.

⁵ Гоббс Т. Левинафан. М., 1936, с. 143.

Одни естественные законы не в состоянии обуздать своеволия людей, полагает Гоббс. Поэтому для согласования их интересов и поступков необходим сила и принуждение со стороны общей власти. Государство и представляет собой подобную обую власть. Власть государства опирается не только на соглашение, но и на силу: "А соглашения без содействия меча суть лишь слова, не обладающие никакой силой гарантировать человеку безопасность."⁶

Гоббс подчеркивает качественное отличие государственной организации от любого другого соглашения или союза людей: "Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал каждому другому человеку: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему твое право и будешь санкционировать все его действия."⁷

Общая безопасность, по Гоббсу, достигается, таким образом, тем, что все отказывается от собственной свободы в пользу государства. Люди тем самым лишают себя естественных прав, передавая их государству—суверену, в результате взаимных соглашений. Государство же не выступает в качестве контрагента этих соглашений, поэтому оно обладает всей полнотой прав и власти, то есть неограниченным суверенитетом, в то время как подданным остается только беспрекословное подчинение.

Государство представляется Гоббсом в виде лица или группы лиц, в пользу которых люди передают свои права и силы, обеспечивая путем подобного отчуждения собственную безопасность. Суверен и есть носитель этого лица, олицетворение всеобщей воли. "И в этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая может быть определена как единое лицо, ответственным за действия которого сделал себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как оно сочтет это необходимым для их мира и общей защиты."⁸

⁶ Гоббс Т. Левинафан. М., 1936, с. 143.

⁷ Там же, с. 146.

⁸ Там же, с. 147.

Один из своеобразных парадоксов концепции суверенитета Гоббса заключается в том, что по своим формальным признакам суверен в понимании английского мыслителя — это вполне феодальный владика, но не своей классовой направленности, интересам концепция абсолютного государственного суверенитета отвечала потребностям молодой английской буржуазии (или ее части) в сильной централизованной власти, в которой буржуа видели спасение от перманентной гражданской войны, характерной для периода феодальной раздробленности. На позитивную роль сильной королевской власти во "всеобщей путанице" позднего средневековья указывал еще Ф. Энгельс: "Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей объединившейся нации в противовес раздробленности на миттские вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним."⁹

Опираясь на свое понимание общественного договора как реального соглашения, которое люди заключают между собой в целях обеспечения собственной безопасности, добровольно отчуждая свои права и свободы в пользу государства-суверена (или суверена-лица), приобретающего все права граждан в обмен на обязанность их защиты, Гоббс приходит к заключению о безусловной необходимости подчинения подданных своему суверену и об отсутствии всякого права противодействия ему: "... те, которые являются подданными монарха, не могут без его разрешения свергнуть монарха и вернуться к хаосу разобщенной толпы или перенести свои полномочия с того, кто является их представителем, на другого человека или другое собрание людей..."¹⁰.

Таким образом, мы имеем перед собой совершенно механистическое истолкование общественной жизни, как социальной ткани, которая составляет одновременно среду и условие жизнедеятельности общественных индивидов, являясь одновременно результатом их собственной деятельности. Для Гоббса возникновение гражданского общества представляется как результат механического объединения индивидов, а сила, направляющая социальные процессы, в соответствии с действительскими представлениями, выносится за пределы общественного организма.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 411.

¹⁰ Гоббс Т. Левиафан, с. 147-148.

Суверен Гоббса, поэтому, играет роль если не ньютоновского первотелчка, то деистического божества.

Гоббсовский суверен, таким образом: а) обладает всеми правами по отношению к подданным, то есть всеми теми правами, которыми они располагали в доправовом состоянии и которые по договору передали суверену; б) не имеет перед ними никаких обязанностей, поскольку договор об отчуждении прав заключен не между сувереном и подданными, а только между самими подданными. Поскольку же суверен не является контрагентом соглашения, то он и не несет ответственности за его несоблюдение. Гоббс обосновал систему суверенитета с исключительно односторонней ответственностью, причем последовательность, прямота и откровенность, с которой он это делает, несомненно, могут быть поставлены ему в заслугу как политическому мыслителю, в данном отношении стоящему выше многих современных теоретиков политической науки.

Всемогущая длань суверенной власти простирается над буквально всеми проявлениями человеческой природы. В первую очередь жесткой регламентации подвергается поступки, причем система обратной односторонней ответственности превращает подданных в ответчиков за действия суверена.

В обобщенном виде данное положение так излагается Гоббсом: "Суверен, таким образом, имеет право предпринять все то, что он считает необходимым в целях сохранения мира и безопасности путем предупреждения раздоров внутри и нападения извне, а когда мир и безопасность исчезли, предпринять все то, что он считает необходимым для их восстановления."¹¹

Этот выразитель интересов английской буржуазии находил возможным распространять контролируемую деятельность государственной власти и на отношения собственности: "К верховной власти относится вся власть предписывать правила, указывать каждому человеку, какими благами он может пользоваться и какие действия он может предпринять без того, чтобы быть стесненным в этом отношении кем-либо из своих сограждан."¹²

Справедливо полагая, что поступки людей рождаются из их мыслей Гоббс считает необходимым распространить абсолютную власть суверена и на область духовной деятельности, контро-

---

¹¹ Гоббс Т. Левиафан, с. 150.

¹² Там же, с. 151.

лирывать не только обмен идеями, но и их производство: "В компетенцию верховной власти входит быть судьей в отношении того, какие мнения и учения препятствуют и какие содействуют водворению мира, и, следовательно, в каких случаях, в каких рамках и каким людям может быть предоставлено право обращаться с речами к народной массе и кто должен рассматривать доктрины всех книг раньше, чем их опубликовать. Ибо действия людей обусловлены их мнениями, и в хорошем управлении мнениями состоит хорошее управление действиями людей..."¹³.

Не требуется особой презервности, чтобы понять: взгляды Гоббса, вырванные из контекста его эпохи, легко превращаются в свою противоположность, начинают служить не укреплению правопорядка, а его уничтожению. Поэтому важно понять, насколько исторически необходима и оправдана была система подобного политического авторитаризма?

В отношении к людям, народным массам, в их оценке как неразумных, агрессивных существ, способных только на непрерывную драку друг с другом, если отсутствует сдерживающий их своеволие караний авторитет Государева меча, следует видеть не только пугающий антидемократизм Гоббса, но и нечто иное, почерпнутое из наблюдений над реальной политической жизнью и нравами своей эпохи. Эпоха Гоббса — это эпоха мучительного перехода от феодальной раздробленности, династических войн к упорядоченной централизованности абсолютистского государства. Свообразие мышления Гоббса — это и своеобразие развития Англии XVII века.

Английский абсолютизм начала XVII века должен был способствовать экономической консолидации страны, оградить интересы нарождающейся и быстро крепнущей буржуазии. Но для этого требовались перемены двойного характера: нужно было изменить характер абсолютистской власти, приспособить ее к нуждам буржуазного развития, и в то же время одной из функций этой власти должно было стать ограничение чрезмерно индивидуалистических поползновений буржуазии, опасных для их собственных общеклассовых интересов. Видимо, только с учетом подобной сложной взаимной адаптации могут быть поняты жизненный путь Гоббса и его творческая биография. Сближение экономических интересов части английской буржуазии и дворянства стало основой политического компромисса. С полным основанием можно сказать, что идея компромисса пересекает и всю созна-

¹³ Гоббс Т. Левинафан, с. 150-151.

тельную теоретическую и практическую деятельность интересующего нас мыслителя. В метаниях Гоббса между враждующими партиями короля и парламента проявились не только неустранимый антагонизм между феодализмом и буржуазией, но и тенденция к постепенному компромиссу между ними.

Безотносительно к тому, какими симпатиями и антипатиями руководствовался философ, объективно он выражал потребность английской буржуазии в сильной централизованной власти, способной обеспечить экономическую консолидацию внутри страны и оградить буржуазию от феодального своеволия. Цементирующая роль королевской власти, оказавшейся действенным средством в борьбе против феодального сепаратизма, рассматривалась Гоббсом как безусловное политическое благо. Наибольшим злом казалась ему гражданская война, "война всех против всех". Но не только ужас перед хаосом "доправового" состояния, не только стремление сохранить привилегии знатных и права богатых определяли помыслы английского мыслителя, его концепцию абсолютного суверенитета государства, но и самый страшный антидемократизм, который возможен лишь у такой маргинальной личности, какой был Гоббс — плебей по рождению и аристократ по положению в обществе.

Можно указать и на некоторые историко-социологические основания абсолютизации Гоббсом централизаторской функции государства. Как представляется, они заключаются в том, что Гоббс описывает кризисную модель политической системы и абсолютизирует ее, распространяет действие кризисной модели за пределы кризисной ситуации.

Лучшей проверкой подобной модели является ее немедленное и неотвратимое бюрократическое вырождение в нормальных условиях, то есть в ситуации социального мира. Падение эффективности государственного управления, которое при этом наблюдается, является следствием не недостатка, а избытка власти. Именно "социальный мир" в условиях сохраняющейся сверхбюрократической централизации представляет собой "рай" для властолюбивых натур: власть используется ради самой власти, ради упоения ею. Развитие государства утрачивает прямую связь с динамикой тех социальных потребностей, которые его породили. Начинается "раковая опухоль" государственности — неуправляемое разбухание управленческого аппарата, усложнение его, усиление иерархизации, возникновение все новых и все более абсурдных управленческих функций.

В каналах управленческой информации появляется все боль-

не избыточности, шума, что прямо приводит к падению эффективности управленческой деятельности в целом. Возникшие при этом затруднения стремятся разрешить лишь одним способом - увеличивая штат чиновников, создавая новые подразделения, новые, часто еще более мелкие функции и т.д. Обратной стороной деятельности управления ради управления выступает явление, осознанное стремление использовать служебное положение, коррупция. При этом все более бюрократизирующийся госаппарат все больше может выходить из-под контроля того социального класса, для защиты интересов которого он был создан. Интересно отметить обстоятельство, о котором еще не дегадывался Гоббс: растущая бюрократизация может быть вызвана ситуацией непрочного политического равновесия между различными, противоположными социальными классами и группами в обществе, может быть результатом их взаимного ослабления. Но бюрократизация углубляет социальную индифферентность в обществе. Она буквально развивает в человеческих сообществах яд пессимизма, апатии, равнодушия: чем больше люди передают государству своей энергии, гражданского мужества, совестливости, тем меньше остается на их долю этих ценнейших качеств, без которых ни одно из человеческих сообществ не бывает прочным и стабильным.

ж ж
ж

Знакомство с концепцией государственного суверенитета Томаса Гоббса обнаруживает исключительно "политический" характер не только этой концепции, но и всей политической философии английского мыслителя. Говоря о "политической" направленности взглядов Гоббса, мы употребляем этот термин в том его значении, которое обосновывается в работах профессора Р.Н. Блума.¹⁴

Понятие "политическое" и претивостоящее ему понятие "социальное" используются для характеристики наиболее существенных различий в понимании социального изменения, преобразования и развития. Процесс социального развития, рассматриваемый с позиций материалистической диалектики, содержит в себе такое единство противоположностей - устойчивости и изменчивости, которое обуславливает сложный характер становления нового вообще, в том числе нового качества: сочетание

¹⁴ См.: Блум Р. Понски путей к свободе. Таллин, 1985.

нового и старого, становящегося и существующего, а также наблюдающееся временами возвращение развивающейся системы к прежнему качеству, наличие своего рода повторов, "петель развития".

Две тенденции в социальном развитии - обеспечение функционирования социальных систем и их элементов в условиях стабильности и переход социальных систем в качественно новое состояние - и определяет в конечном итоге различие между "политическим" и "социальным" направлениями, концепциями социального развития. Хотелось отметить, что их противоположность во многом все же относительна. Они нередко дополняют друг друга: новое социальное качество, возникающее в результате взрыва революционного творчества, должно быть закреплено, упрочено. И тогда на смену "социальщикам" в общественной жизни приходят "политики", трезво мыслящие реалисты, сторонники стабильности и устойчивости. Гоббс как раз - подобный типичный представитель политического направления, и его место в политической философии, в истории социальных преобразований можно определять лишь с учетом той роли, которую созданная им модель политической системы могла сыграть в конкретных обстоятельствах Англии второй половины XVII века. Только для этих обстоятельств модель Гоббса, заключающая в себе значительную "консервирующую" функцию, может быть признана не только оправданной, но и исторически прогрессивной. За пределами этих обстоятельств она легко превращается в свою противоположность. Поэтому обращение к Гоббсу представляется сегодня актуальным прежде всего потому, что актуальна проблема социального творчества, закрепления его положительных достижений без превращения их в нечто противоположное творчеству и свободе.

А в т о р ы

- Л.Н. Столович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тартуского университета
- Г.Г. Водолазов – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой международного рабочего движения АОН при ЦК КПСС
- С.Э. Крапивенский – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Волгоградского университета
- В.С. Рахманин – кандидат философских наук, заведующий кафедрой научного коммунизма Воронежского университета
- И.В. Перех – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР Саратовского университета
- Н.А. Троицкий – доктор исторических наук, профессор кафедры истории СССР Саратовского университета
- В.Ф. Шелике – кандидат исторических наук, доцент Киргизского университета
- Б.В. Емельянов – кандидат философских наук, доцент, зам. директора ИПК при Уральском университете
- В.Г. Хорос – доктор исторических наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР
- Н.Г. Левинтов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Ульяновского пед. института
- И.М. Клямкин – кандидат философских наук, доцент Московского полиграфического института
- С.Х. Каннике – аспирант кафедры философии Тартуского университета
- Е.А. Голиков – кандидат философских наук, ст. преподаватель Эстонской сельскохозяйственной академии

С о д е р ж а н и е

Л.Н. Столович. Типология теорий общественных изменений и типы социального мышления	3
В.Ф. Шелике. К. Маркс и Ф. Энгельс об источниках социальной революции (по работам 1844—46 гг.) ...	9
С.Э. Крапивенский. К анализу экономической основы социальной революции	20
Н.А. Троицкий. Революционная ситуация (понятие, виды, признаки, компоненты)	30
В.С. Рахманин. Социально-психологическая динамика общенациональных кризисов	48
Г.Г. Водозазов. Ленинское учение о сломе буржуазного государства и современность	63
Н.Г. Левинтов. Основной закон революции и проблема двоевластия в современном революционном процессе	75
И.М. Клямкин. Некоторые философско-социологические аспекты ленинского анализа первой российской революции	88
С.Х. Каннике. Революционное правосознание как понятие марксистской теории революции (к постановке вопроса)	98
И.В. Порох. А.И. Герцен о революции в России	113
Б.В. Емельянов. Наследие Н.А. Добролюбова в идейной борьбе дореволюционной России	128
В.Г. Хорос. Теоретический субъективизм народничества как выражение революционности	142
Е.А. Голиков. Проблема суверенитета в политической философии Т. Гоббса	154
Авторы	165

Ученые записки Тартуского государственного университета.

Выпуск 730.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ И ИСТОРИИ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ.

Труды по философии.

На русском языке.

Тартуский государственный университет,
ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Вликооли, 18.

Ответственный редактор И.Н. Столович.

Корректор Л. Оноприенко.

Подписано к печати 11.02.1986.

МВ 01781.

Формат 60x90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 10,18. Печатных листов 10,5.

Тираж 500.

Заказ № 92.

Цена 1 руб. 50 коп.

Типография ТГУ, ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.